

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 14-040

РАЗВЕДКА — ЭТО ПОЖИЗНЕННО

В.К. Радченко



СССР
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОКУМЕНТ
ИЗДАНИЕ
1979 г.
№ 14-040

РЕДАКЦИЯ:
Т. ДУДАЧУ
Т. ЛЕВЧЕНКО

ХРАНИТЬ

(год)

вечно

ЛЕТ

РАЗВЕДКА — ЭТО ПОЖИЗНЕННО

В.К. Радченко

Annotation

Ценность любых мемуаров в том, что это рассказ из первых рук, свидетельство очевидца. Тем более интересен рассказ, если автор — кадровый разведчик — повествует о своей секретной и опасной профессии. Всеволод Кузьмич Радченко прошел большой жизненный путь от лейтенанта до генерал-майора, от оперуполномоченного до заместителя начальника Управления внешней контрразведки. А начинал он с учебы в знаменитой разведывательной школе № 101. Затем работал в резидентурах в Париже, Женеве, был руководителем представительства КГБ в Монголии.

Книги и фильмы о разведчиках вызывают неизменный интерес. Герой же этой книги— реальный человек, наш современник. И его приключения не менее захватывающие и интригующие, чем любой сериал или шпионский детектив.

- [Всеволод Радченко](#)
 -
 - [Глава первая. Начало пути](#)
 - [Глава вторая. На должности](#)
 -
 - [Первое задание](#)
 - [Глава третья. В Первом Главном](#)
 - [Глава четвертая. Первая командировка. Женева](#)
 -
 - [Резидентура в «Метрополе»](#)
 - [Глава пятая. Встреча в верхах](#)
 -
 - [На работу в ЮНЕСКО](#)
 - [Надин](#)
 - [Глава шестая. Служба «Д». Служба «А»](#)
 -
 - [«Записки Пеньковского»](#)
 - [Кто вы, доктор Зорге?](#)
 - [Дружеские службы. Венгрия](#)
 - [Первый выход Блейка в печать](#)
 - [Операция «Gold»](#)
 - [Глава седьмая. Советник Представительства МИД СССР](#)

- - [«Дело Балахонова»](#)
 - [Предатели. Резун](#)
 - [Глава восьмая. Москва. Управление внешней контрразведки](#)
 - [Глава девятая. Монголия. Представительство КГБ](#)
 -
 - [Красная речка](#)
 - [Иллюстрации](#)
-

Всеволод Радченко

Разведка — это пожизненно

Всеволод РАДЧЕНКО

РАЗВЕДКА — ЭТО ПОЖИЗНЕННО

*На войне как на войне.
Холодная война никогда не кончалась.
Бывших разведчиков не бывает.*

Глава первая. Начало пути

Начало моего длинного пути в профессии — это 101-я школа, известное учебное заведение разведки. Зачисление в кадры службы проводилось в здании ЦК КПСС на Старой площади довольно многочисленной комиссией. Два-три формальных вопроса от одного из членов комиссии — и я был зачислен в разведку, то есть было подтверждено ранее принятое решение. На моё пожелание подготовить диссертацию в аспирантуре, заочно, последовал естественный ответ: «Нет никаких возражений и препятствий». Моментальность ответа об отсутствии возражений подчёркивала, что задаваемый мною вопрос не имеет никакого значения, так как речь идёт совершенно о другом.

Где-то в конце августа я был приглашён на встречу. С собой нужно было иметь минимум личных вещей, необходимых для жизни за городом, но «со всеми удобствами». Нас собралось человек двадцать пять, с чемоданчиками, и автобус покатил. Ехали недолго, километров тридцать от города. Прибыли. За высоким забором — большой лесной участок, в центре — двухэтажный дом с крыльцом, особняк, по обе стороны от которого находились два небольших жилых дома гостиничного типа. В стороне, как выяснилось позднее, столовая, баня и спортивный зал. Небольшой комплекс — всё очень скромно. Разместились по намеченному ранее плану. Осмотрелись, пообедали, и началась новая жизнь. Однажды, несколько дней спустя, утром, когда мы выходили на завтрак, прибыл автобус, и из него вышла группа людей. Направились цепочкой ко второму жилому дому, который не был ещё занят. Приехавшие отличались от нас и обычных москвичей. Они были хорошо, видимо модно, одеты: на них были длинные плащи или пальто, многие были в шляпах. Все шли с аккуратными чемоданчиками. Кто-то из наших сказал: «Матёрые пошли». Это были слушатели факультета переподготовки, то есть сотрудники разведки, побывавшие в зарубежных командировках. Они занимались отдельно. К ним часто приезжали ещё более «матёрые» поделиться опытом. Кличка «матёрые» за слушателями факультета переподготовки закрепилась, хотя жили мы с ними очень дружно, и во многих случаях эта дружба сохранилась в дальнейшем.

Как я понимаю теперь, учёба была очень неплохо организована и для моей новой профессии весьма полезна. Первая лекция — её прочёл большой специалист по разведывательной работе среди эмиграции

Мицкевич. Он начал с заявления: «Разведка пахнет кровью!» В те годы, а это был 1951 год, работа по эмигрантам всех мастей была ещё у нас в моде. Это были и белоэмигранты, и украинские бандеровцы, и троцкисты, да и вообще антисоветские группировки всех мастей.

Главным было то, что разведки противника, в первую очередь Англии и США, подкармливали почти всю эту разношерстную братию. Сами службы англичан, американцев и других стран-союзников помельче обожглись, и не раз, в операциях против Советского Союза, а после войны, и это было известно, и вовсе просто побаивались работать в Союзе. Эмигранты были очень удобны, если не для принципиальных успехов в подрывной деятельности и шпионаже в СССР, то хотя бы для мелкой работы в условиях холодной войны. Получалось, что и деньги спецслужб вроде бы шли на большое дело — дело борьбы с коммунизмом, то есть на выполнение главной задачи.

Но лекций, в частности по эмиграции, также и по теоретическим основам разведки и по сведениям о спецслужбах противника, было немного.

На первом месте стояли лекции по политической разведке; азы по страноведению и достаточно солидное количество часов по приёмам и методам конкретной работы разведчика: первичный контакт, разработка, вербовка агента и т. д. Уделялось время и работе с техническим оснащением разведчика, а также фотографии, в том числе документальной и работе с микроточками, конечно, основам тайнописи и работе с шифрами. Отдельно — вождение автомобиля. Мы учились на УАЗах езде по лесным дорожкам и затем обязательно сдавали на водительские права. Но наибольшее время занимало изучение языка. Я улучшил свой институтский французский для сдачи официального экзамена на процентную надбавку и одновременно учил английский. За год преодолел четыре семестра английского языка.

Отдельно расскажу о занятиях по наружному наблюдению. Это были очень краткие лекции, так сказать, по теории вопроса, и главное — практические городские занятия. Работали с боевыми бригадами наружки Седьмого управления КГБ. У нас были такого рода задания: встреча с агентом в городе, закладка тайника, постановка сигнала и так далее. Главное — вскрытие наблюдения и принятие решения о проведении операции. Дело в том, что мы писали подробные отчёты о своей работе и о работе наружки, и если ты её расколол, то как можно подробнее доказательно об этом нужно было написать. Эти отчёты передавались потом в Седьмое управление и там уже разбирались. Наружка боялась

наших отчётов, так как в них вскрывались проколы и слабые стороны её собственной работы. Таких отчётов они от настоящих объектов (дипломатов, иностранцев и др.) не могли получить, что очевидно, и у наружки, как правило, было всё гладко. В наших же отчётах присутствовал подробный разбор их ошибок, да и неплохой анализ работы бригад. Наружники также писали отчёты, и они передавались в школу и разбирались с нашими наставниками. Так что занятия по наружному наблюдению в городе проходили очень напряжённо. Но мы находили с наружкой и общий язык, всё-таки своя служба. Хотя были и исключительные случаи. Расскажу лишь об одном из них.

Среди нас было три выпускника Академии внешней торговли, один из них, некто Т., даже уже во время учёбы в 101-й школе защитил диссертацию в этой своей Академии. Т. был симпатичным умным скромным парнем, но под наружкой с ним творилось что-то неладное. Как-то Седьмое управление прислало рапорт наружки, в котором с издёвкой говорилось, что Т. в городе на задании весь преобразается: начинает идти большими шагами, приседая, так маскируясь, и что это вызывает смех и общее внимание, даже посторонних людей. На следующий раз история повторилась — рапорт «Семёрки» был ещё круче. Начальство насторожилось. Трёх курсантов послали в город в места по маршруту Т., чтобы скрытно посмотреть, что происходит. Я был среди этих курсантов. И вот что мы увидели: Т., начиная выполнять задание, полностью преображался, видимо нервничая, становился похожим на крадущегося к добыче хищника. Потом объяснить он это не мог. Необъяснимо — психика! Он, конечно, окончил вместе со всеми школу, но мудрое начальство в разведку его не позвало, а определило на кафедру политэкономии в Высшую школу КГБ (тогда Академии им. Андропова, с её многочисленными кафедрами, ещё не существовало). Т. нашёл в «Вышке» своё место. Вскоре он стал доцентом, профессором и затем заведующим этой кафедрой, отлично справлялся со своей работой и получил кучу поощрений.

В 101-й школе царила атмосфера доброжелательности и спокойствия. Нарушений дисциплины, и вообще режима, не было. Так обстояли дела благодаря, в первую очередь, руководителям школы, начальнику генералу Гридневу и его заместителю генералу Алехвердиеву, служакам старой закалки, но с человеческой теплотой. Они делали своё дело с умом и большим тактом. Из нашего выпуска вышло несколько руководителей всей службы и её подразделений — генералы, полковники разведки. Были и неудачники, но их было абсолютное меньшинство. Был и один предатель.

В моём выпуске были и очень известные разведчики. Достаточно вспомнить выдающегося американиста генерала Бориса Соломатина. Он был резидентом в Вашингтоне. Широко известна его личная заслуга в вербовке Уокера. Шифровальщик Джон Уокер привлёк к работе ряд членов своей семьи. Они на долгое время стали нашими ценнейшими агентами в США. Соломатин в Москве получил назначение на должность заместителя начальника разведки. Но вскоре вновь был направлен за рубеж резидентом в Рим. Я, будучи проездом в Италии, следуя в Латинскую Америку, на один день останавливался в Риме (тогда для того чтобы попасть в Латинскую Америку нужно было сделать пересадку в одном из городов Европы). В Риме Соломатин меня встретил. Встреча была тёплой, дружеской, и мы славно поужинали, отведав хорошей итальянской кухни. Отмечу, что Борис Соломатин очень обстоятельно комментировал дело Эймса в беседе с автором книги об Эймсе Питом Ирии «Confessions of a Spy — The real story of Aldrich Ames», «Признание шпиона».

Глава вторая. На должности

Учеба окончена, и каждый из нас на своем месте в центральном аппарате разведки. Я — в европейском отделе Первого Главного управления. Это был в то время Комитет информации при Министерстве иностранных дел СССР. Размещалась тогда разведка в бывших зданиях Коминтерна, неподалёку от ВДНХ. Комитет информации объединял тогда и политическую и военную разведки. Помню, что сидели мы допоздна — до глубокой ночи. Все спецслужбы Москвы так работали. Не спал вождь, не спали начальники, не спали и подчинённые.

Вскоре Комитет информации перестроили. Мы все с мешками дел переехали на Лубянку и заняли верхние этажи здания НКВД. Все огромное здание было заполнено службами: управление контрразведки, пограничники, следственное управление и разведка.

У меня сохранились яркие впечатления от переезда на новое место. Вот одно из них. Моя комната находилась на седьмом этаже с окном во внутренний двор. Двор — это был замкнутый неровный огромный прямоугольник, а посередине двора находилось пятиэтажное квадратное здание с плоской крышей — это и была «Лубянка», знаменитая внутренняя тюрьма госбезопасности. Окна зарешечены, и на всех окнах «намордники», деревянные щиты, закрывающие окно. Вся площадь плоской крыши обнесена глухим забором-стеной, метров пять-шесть высотой. Это место для прогулки арестованных. Виден этот прогулочный дворик только сверху. Из нашего окна я вижу, как в этот «загон» выпускают на прогулку содержащихся в «Лубянке» арестантов. Выпускают только по одному человеку. В то время конвоируемых арестованных можно было случайно встретить в коридоре самой старой части комплекса зданий. Там было следственное управление. Если это происходило, то охранник-конвоир издавал какой-то клич, и ты должен был сразу стать к стене и пропустить идущих. Во времена Хрущёва «Лубянку» (тюрьму) закрыли, и арестованных в здании больше не было. Затем в бывшей тюрьме сделали столовую, но спустя некоторое время и её закрыли. Видимо, обед в таком здании не способствовал аппетиту. Вскоре снесли под корень всё здание тюрьмы и освободили огромный двор. Не знаю, сохранились ли в каком-то виде пресловутые подвалы «Лубянки».

Первое задание

Это был 1952 год. Приближались ноябрьские праздники. 7 ноября, день Октябрьской революции, был главным торжеством в нашей стране. Первое Главное управление (разведка госбезопасности Советского Союза) к мероприятиям внутри страны практически никогда не привлекалась. На этот раз всё было иначе. Нас, значительную группу офицеров разведки, в основном молодёжь, выделили в распоряжение Девятого главного управления КГБ, иначе говоря, управления кремлёвской охраны, как у нас его называли, «Девятка». Использование разведчиков было незатейливым, но, как тогда считалось, очень важным. Мы должны были занять многочисленные важные, с точки зрения безопасности Сталина, места в Большом театре во время торжественного собрания, посвящённого тридцать пятой годовщине Октября. С нами провели соответствующий инструктаж, подчеркнув важность и торжественность задания, затем провели репетицию прямо в зале Большого театра. Каждый занял своё место. Я получил первое место в третьей ложе бельэтажа, т. е. место, с которого хорошо видна сцена и которое закрывает собой два других места в первом ряду этой ложи. Сзади в ложе, стоя, разместился сотрудник «Девятки». Посторонних не было, а нас оказалось в зале довольно много. В каждой ложе, на всех ярусах и, естественно, довольно густо в партере.

Наступил день торжественного заседания — 6 ноября. Мы прибыли в театр задолго до того, как начали пускать гостей и приглашённых. Моя задача была предельно проста — занять своё место и не покидать его на всём протяжении торжественного заседания и концерта. Не помню, что бы меня как-то инструктировали следить за соседями по ложе. Но, видимо, это подразумевалось. И вот появились приглашённые. В моей ложе размещалась делегация компартии Англии. Всего их было человек восемь, из них три женщины. Они долго уступали друг другу два места в первом ряду. Ни одного слова в мой адрес. Я был необходимым атрибутом, частью обстановки, мебелью. Наконец все разместились, двое мужчин остались стоять за рядами, а позади них (и так было в каждой ложе) — офицер-охранник.

Сталин прошёл в президиум не в центр, а занял самое крайнее место за столом, рядом с трибуной. Докладчик начал читать свой объёмный доклад. Но внимание всего зала сосредоточилось только на НЁМ... С трибуны продолжала литься речь, а из-за кулис тем временем вышел

помощник и положил перед Сталиным пачку бумаг. Тог вынул очки, надел их (что было очень необычно, т. к. никто не видел Сталина в очках) и начал читать бумаги, делая какие-то пометки карандашом. Доклад читали долго, а Иосиф Виссарионович всё работал с бумагами, ни разу не поднял голову. Закругляясь, докладчик произнёс, как тогда полагалось, нескончаемую здравицу в честь «Великого вождя всех времён и народов». «Да здравствует! — и ещё, и ещё раз. — Да здравствует!».

И далее — эпитеты в высшей и наивысшей степени, и наконец, умолк на самой высокой ноте... И тишина... Мёртвая тишина секунд 30, а то и 40. Сталин не спеша поднял голову, посмотрел в сторону трибуны и, поняв, что доклад окончен, спокойно снял очки, положил их на стол, встал и хлопнул в ладоши... Что тут началось! Зал стоя минут 20 бил в ладоши и скандировал: «Ура! Великому вождю! Ура!» Я также бил в ладоши вместе с моими соседями-англичанами, которые ничуть от меня не отставали. Назовите это теперь массовым психозом. Но это было действительно всеобщее ликование. От Вождя как бы исходило гипнотическое воздействие. Все без исключения смотрели только на НЕГО, и овация продолжалась бы ещё сколько угодно, но ОН приподнял руку и стал усаживаться, и только тогда буря эмоций стала стихать. Дальше всё было по намеченной программе. ОН перешёл в директорскую ложу, начался фантастический концерт: великие певцы Козловский, Лемешев, Михайлов, самые известные скрипачи, выступления балетных звёзд, народные ансамбли плавно сменяли друг друга. Но мы не забывали нашего главного задания на этом вечере, и ничто не могло усыпить нашей бдительности, ведь ОН был ещё в зале, хотя уже в директорской ложе, но на виду.

Вскоре случилось огромное историческое событие. 5 марта Сталин умер.

Меры по обеспечению порядка и безопасности были приняты исключительные. И вновь на обеспечение безопасности было брошено наряду с другими службами и Первое главное управление. Вновь мы были отданы в распоряжение Главного управления охраны. Гроб с телом вождя был выставлен в Колонном зале Дома Союзов. Огромные толпы людей устремились к Дому Союзов со всей Москвы, из пригородов и других городов, со всей страны. Где-то на дальних подступах, в районе Пушкинской площади, произошли давки. Подступы к Дому Союзов были оцеплены тройным кольцом солдат и перекрыты тяжёлыми грузовиками. Траур был воистину всенародным, и многие были просто в трансе. Нас, из разведки, по три человека со специальными провожатыми из Управления охраны проводили через линии оцепления, мы пролезали через кабины

грузовиков, и нас включали в очередь, непрерывно проходящую у гроба.

Похороны были 9 марта. Наша роль была ещё весьма необычной для офицеров разведки. Вся Красная площадь в длину была разделена пополам цепью (плечом к плечу) из молодых офицеров Первого и Второго главков. Перед нами — мавзолей, кремлёвские трибуны и довольно широкое пустое пространство. Сразу за нами — восемь рядов солдат из спецвойск с оружием, а уже позади них — колонны представителей трудящихся Москвы.

Я стоял прямо напротив мавзолея, и вся картина похорон проходила на моих глазах. День был ясный и холодный — 12 градусов мороза. Все участники похорон были уже на трибунах, когда на площади появился лафет с саркофагом покойного. На трибуне мавзолея появились все члены Политбюро, маршалы, военачальники и руководители социалистических стран. Начался митинг. Выступили все, кто мог стать новым вождём СССР: Хрущёв, Молотов, Маленков, Берия. Спустя некоторое время Хрущёв получил всю полноту власти в стране, заняв пост Генерального секретаря партии, а трое других вскоре сошли с политической арены. Руководители партии на руках поднесли гроб к мавзолею Ленина. На фасаде мавзолея уже появилась надпись «Сталин». Всё руководство и приглашённые из социалистических стран потянулись живым ручьём, чтобы пройти мимо установленного у мавзолея гроба. Многие плакали. Нас из оцепления отпустили только после ухода руководства в Кремль. Так я стал очевидцем и открытия новой страницы в истории страны.

Глава третья. В Первом Главном

Ещё в первый год моей работы в аппарате разведки во французском подразделении произошло событие, повлиявшее на перипетии моей судьбы в разведке. Я сидел в комнате с другом, молодым товарищем Соколовым, который работал в отделе уже года три. Он вёл все дела по контрразведывательной линии во Франции. У него был большой сейф, точнее металлический шкаф, полный папками с делами. Формуляры на агентуру, рабочие дела агентов, дела на различные объекты спецслужб в стране, наблюдательные дела по различным враждебным организациям (эмигранты, троцкисты и т. д.) и, наконец, дела по советской колонии. Всего более сотни томов — полный шкаф. В это время у меня ещё особого задания не было, и я с интересом следил, как Соколов только по памяти давал справки на запросы архива («проверки») о различных лицах, поставленных на учёт по всем своим делам. Он писал ответы сам или диктовал мне, не заглядывая в сейф. Ответ был ясен: «кто, где, когда» или «проходит другое лицо, совпадение случайно». Он помнил тысячи имён и для убедительности предлагал мне иногда проверить его ответ, найдя имя в одном из дел. Ошибок не было. Вердикт был ясным и окончательным. Ответ шёл в архив за его подписью.

В тот день меня вызвал заместитель начальника отдела. Он будничным тоном сказал, чтобы я «принял дела» у Соколова. На мой вопрос: «Какие дела?» — ответ был простым: «Все! Завтра доложишь, что приказ выполнен».

Не совсем понимая, что это всё значит, я сообщил об указании Соколову. Тот для верности переспросил, но тут же сказал, чтобы я переписывал из его личного формуляра дела в свой и сверял их «наличие». Создавалось впечатление, что Соколов был готов к такому повороту событий. Он только заметил: «Убирают совсем. Как еврея». Я принял шкаф с делами и стал «хозяином» огромного (как я потом понял) богатства нашей службы — всех дел по спецслужбам Франции и других дел контрразведывательного направления в этой стране.

Соколов больше не появлялся, он был переведён в архив даже не госбезопасности, а в архив органов милиции. Случай был не единичным. По той же причине в Самару был откомандирован зам. начальника европейского отдела Лапин, уволился сотрудник отдела Гарнунг (он говорил, что ведёт своё происхождение от шведских корней, но это,

видимо, не убедило «кадры»).

Прошло много лет, прежде чем я узнал, что 22 февраля 1953 года по указанию Сталина по всем подразделениям государственной безопасности, то есть МГБ, был издан приказ о немедленном увольнении всех лиц еврейской национальности вне зависимости от звания, занимаемой должности, стажа работы и возраста. В дополнении к приказу уточнялось, что увольнение должно быть проведено в течение одного дня, и все дела, которые вели эти лица, должны быть переданы 23 февраля сего года. Теперь я понимаю причину приказа «принять срочно все дела у Соколова к утру следующего дня».

Мои впечатления от увиденных дел, от понимания наших «возможностей» в этой стране были тогда очень сильными. Я со рвением принялся за изучение материалов и вскоре приступил к анализу самого сложного группового агентурного дела. По этому делу поступали к нам уже несколько лет ценнейшие материалы, но в то же время имелся ряд сомнений, даже подозрений, что от нас преднамеренно скрывают некоторые важные факты, или что это вообще во многом могла быть дезинформация.

Я провёл возможную сверку подтвердившихся фактов, сгруппировал все возможные сомнения, проработал ряд материалов по «рабочим делам» источников, в том числе по документам на языке. Анализ позволил отместить имеющиеся подозрения. Получилось страниц сорок. И. о. начальника отдела Борис Малинин внимательно прочёл мой анализ и похвалил. Малинин пришёл в разведку из белорусских партизан, к которым был заброшен по линии НКВД во время войны. Храбрый, добрый и открытый человек. Но в отделе ему было непросто. Он говорил: «Третий год изучаю французский язык, но пока лишь на втором семестре».

Совпало так, что отчёт отдела по французской линии был поставлен на заслушивание у нового начальника разведки Панюшкина. Панюшкин пришёл в разведку с должности заведующего отделом ЦК, а ранее был послом в Китае. Очевидно грамотный политик, но в самой разведке человек новый, Малинин, чтобы не наговорить «лишнего» в докладе по широкому кругу вопросов работы во Франции, предложил Панюшкину послушать результаты анализа важного группового агентурного дела, т. е. то, что было в моей записке. Для этого я был приглашён прямо к начальнику разведки. На заслушивании присутствовал первый заместитель начальника ПТУ генерал Сахаровский. (Вскоре он стал начальником разведки.) Мой доклад заинтересовал Панюшкина, да и Сахаровского. Возникали дополнительные вопросы, и даже обсуждение. Заслушивание

продолжалось часа полтора. Калинин больше молчал, но остался очень доволен результатами нашего похода к «большому» шефу.

Примерно к концу первого года работы в аппарате Первого Главного управления дежурный передал мне приказ явиться в обозначенный им кабинет (на седьмом этаже старого здания). Время было назначено на 23.30. Тогда такое позднее приглашение не удивляло, так как вся служба сидела на своих местах часто до глубокой ночи. Я, конечно, быстро выяснил, кто занимает указанный кабинет. Это был кабинет Судоплатова, начальника специального подразделения «террористического отдела»; отдел числился в ПГУ, но при этом пользовался полной самостоятельностью. Я зашёл доложить о полученном мной вызове своему начальнику. Он выслушал меня, но осторожно воздержался от каких-либо рекомендаций. В 23.30 я явился на седьмой этаж в указанный кабинет. В приёмной сидел не секретарь, а, видимо, дежурный офицер в форме майора. Мне предложили подождать. В ожидании я просидел минимум полчаса. Такое ожидание, я думаю, входило в сценарий «приёма» у Судоплатова. Наконец майор был вызван в кабинет и затем пригласил меня войти. Я вошёл. Большой тёмный кабинет, верхний свет не горит, включена только настольная лампа. За столом в полумраке сидел человек. Он предложил мне сесть за приставной столик и, ничего не объясняя, задал два или три вопроса по моей биографии. Здесь я увидел, что в стороне, у стены горит маленькая лампочка, стоит ещё один стол, сидит человек и что-то записывает. В этот момент хозяин кабинета вдруг попросил меня рассказать о делах, которые я вёл лично. Не задумываясь, я отчеканил, что информацию по этому вопросу могу докладывать только своим прямым начальникам или кому-либо по их указанию. «Чтобы вы понимали мою компетентность, — заявил Судоплатов (а это был он), — вот ваше личное дело». Он протянул мне папку — моё досье. Положив папку на столик, я начал листать дело. В этот момент Судоплатов перегнулся через стол и вырвал у меня папку. Он из-за своей оплошности (конечно же, он не должен был давать мне моё досье) был просто взбешён и заявил, что я могу идти. Больше я никогда не сталкивался со службой Судоплатова. Может быть, ещё и потому, что вскоре после осуждения Берии в июле 1953 года «террористический отдел» был ликвидирован, а сам Судоплатов приговорён к десяти годам тюрьмы, тогда это был высший срок тюремного заключения. Он провёл все десять лет, от звонка до звонка, в известной Владимирской тюрьме.

Хочу сказать, что моя работа по всем полученным мною делам как бы ввела меня в круг людей из разных подразделений контрразведки. Я был

хорошо знаком с Григорием Фёдоровичем Григоренко, бывшим зампредом КГБ и начальником Второго Главного управления. Григоренко был заместителем начальника службы «А», когда я там был начальником направления контрразведки, и являлся моим непосредственным начальником. Человек недюжинного ума и сильной воли.

Я хорошо знал Филиппа Денисовича Бобкова, первого зампреда КГБ. Бобков Филипп Денисович был начальником политической контрразведки госбезопасности страны, как он сам озаглавил свою книгу, «Записки начальника политической контрразведки». Филипп Бобков — умный и далеко не ординарный человек, хорошо знающий все тонкости работы чекист.

Передаю прямо рассказ моего хорошего знакомого Пескова. Молодой способный медик, уже доктор наук, публикует работу с новыми идеями в области урологии. Его заметили за рубежом и пригласили выступить с докладом в США. Для нашего медика — большое событие. Подготовка, сборы, переводы доклада — всё закрутилось. И тут выясняется, что вроде бы комиссия ЦК партии не даёт разрешения на поездку. Причина, хотя и не сообщается, но очевидна: наш Песков — еврей. Огорчён Песков был ужасно. Но какой-то умный человек даёт ему совет попытаться попасть на приём в КГБ к Бобкову. Сам Песков мне рассказывал, что Бобков его принял, спокойно выслушал и попросил подождать пару дней. А на другой день Пескову позвонили и сказали: «Почему вы не приходите за загранпаспортом?» Прошли годы, Песков стал известным профессором, академиком, руководителем крупной клиники, но остался убеждённым почитателем не только Бобкова, но и всей нашей сложной системы и самой власти.

Моим шефом в Москве во время моей работы в Швейцарии был начальник службы «К» Виталий Константинович Бояров. Позже он стал начальником Второго Главного управления КГБ, и при нём контрразведка добилась очень заметных успехов, скажем даже, выдающихся успехов. Он же был моим главным оппонентом при защите мной кандидатской диссертации в Академии им. Андропова.

Глава четвертая. Первая командировка. Женева

Шёл второй год моей работы в Первом главном управлении. Где-то в конце апреля раздался телефонный звонок секретаря отдела, и мне было сказано, что меня вызывает к себе Коротков Александр Михайлович. Генерал Коротков был заместителем начальника Первого главного управления, одним из четырех или пяти генералов, которые были в то время в разведке. В ПГУ Александр Михайлович Коротков был известен как «крутой матёрый» профессионал.

В приёмной Короткова находилась его секретарша Вера. Я её знал, так как своим улыбчивым и милым характером она обаяла всю молодёжь разведки. На мой вопрос Вера сказала, что речь пойдёт, видимо, о включении меня в группу разведчиков в составе правительственной делегации на международном совещании по Вьетнаму. Совещание по проблеме Вьетнама должно было начаться буквально в ближайшие дни в Женеве. Советскую делегацию возглавлял Вячеслав Михайлович Молотов, тогда министр иностранных дел. Группу разведки в нашей делегации будет возглавлять, как сказала Вера, сам Коротков. Вооруженный этой краткой информацией, я вошёл в просторный кабинет и, поздоровавшись, остановился недалеко от стола. С Коротковым я знаком не был. Коротков внимательно взглянул на меня, как будто оценивая, и, не предлагая мне сесть, сказал: «Поедешь с нашей делегацией в Женеву, — и после короткой паузы добавил, — в качестве устного переводчика делегации».

Как потом выяснилось, в группу разведки, направленную в составе нашей делегации в Женеву, срочно понадобился сотрудник со знанием французского языка для работы с источниками разведки, которые, как выяснилось в последний момент, смогли прибыть на конференцию. Слова Короткова были для меня полной неожиданностью. Особенно его замечание, что я должен ехать в качестве устного переводчика делегации. По своей неопытности я воспринял это всё буквально, и, не задумываясь, сказал, что никогда не работал устным переводчиком и, видимо, не смогу справиться с такой работой. Подняв голову, Коротков с усмешкой заметил: «А, наверное, десять процентов надбавки получаешь за хорошее знание французского языка?».

Не пытаясь острить, я ответил: «Я и за английский язык, который знаю

много хуже, также получаю десять процентов». Коротков в свойственной ему иногда грубоватой манере сказал: «Иди». И добавил ещё что-то, вероятно не для печати. Уже когда я был около дверей, он меня остановил, звонком вызвал секретаря, которая сразу появилась в дверях, и сказал: «Вера, объясните ему, куда ехать в МИД за паспортом, а также всё, связанное с его отъездом в Женеву».

Резидентура в «Метрополе»

Швейцария и сейчас занимает одно из первых мест в мире по уровню жизни, а тогда разница была заметна даже в сравнении с другими странами Европы, не говоря уже о Советском Союзе. Разница была разительной. Это было заметно во всём: магазины, машины, одежда людей, чистота улиц, состояние дорог.

Делегация разместилась хотя и в старом, но отличном пятизвёздочном отеле «Метрополь», в самом центре Женевы с видом на Женевское озеро.

Специфика была в том, что наша делегация была большая, и само значение встречи с западниками, а это были американцы, англичане и французы, носила столь важный характер, что швейцарцы (отель принадлежал муниципалитету Женевы) предоставили «Метрополь» целиком в распоряжение советской делегации. В дверях рядом со швейцарским портье стояли наши охранники, и никто посторонний в отель войти не мог, и даже шикарный ресторан отеля «Людовик XIV» оставался пустым. Члены нашей делегации предпочитали обедать в скромных ресторанчиках или кафе, которых кругом было множество. В то время наша резидентура в Женеве была совсем скромной, рабочих помещений у неё практически не было. Всё было сосредоточено на одной вилле, где разместился сам Молотов, двое его помощников и охрана. Весь остальной штаб был в «Метрополе», включая рабочие помещения нашей группы и комнату, приспособленную под кабинет Короткова. Здесь же работали два шифровальщика, приехавших из Москвы, и наш специалист по опертехнике. До официального открытия конференции оставалось дня три. Встреча с агентом была назначена по всем правилам агентурной явки: опознавательные признаки, пароль, отзыв. Коротков приказал мне максимально освоить город, подобрать места встреч, маршруты движения, подчеркнув, что это для меня очень важно, так как «уверенность в поведении разведчика всегда положительно действует на агента», тем более, что я выглядел очень молодо, а мой будущий первый партнёр по работе был уже человеком далеко не молодым. В первый день я знакомился с городом при помощи нашего резидента в Женеве, который должен был показать мне места, нежелательные для проведения агентурных встреч. Как было мне уже известно из теории, это были места, прилегающие к полицейским участкам, охраняемым учреждениям, банкам, вокзалам, а также места с сомнительной репутацией. Заметим, что таких мест в Женеве

не так и много. Во второй и третий день я ходил по городу с картой в руках до позднего вечера только пешком. Женева и сейчас маленький компактный и очень уютный город, а в 1954 году там было менее 180 тысяч жителей. Мест для возможных агентурных встреч было предостаточно: небольшие кафе, рестораны, и, благодаря летнему времени, парки и скверы. Наступил день моего выхода на первую в моей жизни агентурную встречу. Накануне утром Коротков вызвал меня и дал краткий инструктаж, подчеркивая, что агент опытный и не хуже нас знающий, что нам требуется. Важно наладить с ним личные отношения и создать рабочую атмосферу, а конкретные задания возникнут, и будут возникать постоянно в ходе конференции. Закончив свою беседу, Александр Михайлович неожиданно сказал мне, чтобы я взял аванс в нашей кассе и сегодня же приобрел себе новый скромный, но приличный костюм, ботинки, другие элементы гардероба, отвечающие западным меркам. В 1954 году наша московская одежда значительно отличалась не только от западной моды, но и просто выделялась несовременным покроем. И, несмотря на то, что я был в новом добротном московском костюме, Коротков справедливо считал, что при поставленной передо мной задаче я не должен был отличаться от среднего европейца. Уже к вечеру я появился в нашей импровизированной резидентуре одетым во всё новое. И, как я понял, мой внешний вид получил молчаливое одобрение моих «матёрых коллег».

Первая встреча прошла абсолютно без сучка и задоринки — прямо как в романах. И я её помню, как будто это было вчера. Наш человек Густав имел в руке газету, которая являлась условным опознавательным знаком. Уже при моём приближении он, видимо, почувствовал, что это именно я ему нужен. Чётко ответил полагающиеся слова отзыва на произнесённый мною пароль. Я бы сказал, что с первых же слов Густав продемонстрировал свой дружеский настрой. В то же время, несмотря на разницу в возрасте и в жизненном опыте, он с большим вниманием выслушал подготовленные нами рекомендации по его работе в Женеве, по собственной инициативе повторил все условия связи: время и место встречи, маршруты движения, места и время запасных встреч, сигналы срочного вызова, одним словом, необходимые атрибуты бесперебойной работы. Густав даже дал понять, что он полностью принимает мою руководящую роль в оперативной части организации работы, и рассказал, какие предпринимает шаги, чтобы получить максимальный доступ к необходимой информации.

26 апреля 1954 года началось Женевское совещание, которое явилось важным международным событием и широко освещалось в прессе. В марте — апреле 1954 года развернулось крупнейшее сражение вьетнамского

народа против французских оккупантов. Сражение закончилось катастрофическим разгромом французской армии и взятием вьетнамцами главного опорного пункта французов города-крепости Дьен Бьен Фу. Французский экспедиционный корпус, насчитывающий во Вьетнаме более 200 тысяч человек, был поставлен на грань уничтожения. Известно, что война в Индокитае потребовала от Франции напряжения всех её сил. Французам к этому времени начали активно помогать Соединённые Штаты. Американцы откровенно заявляли, что не могут допустить «распространения коммунизма в этой части света». Мир во Вьетнаме и последующий раздел Индокитая был основным вопросом повестки дня конференции. Вторым вопросом была проблема мирного урегулирования в Корее. Основными участниками конференции были СССР, США, Англия, Франция и Китай, который стал полноправным участником благодаря активному давлению СССР. Работа конференции осложнялась также тем, что при рассмотрении каждого вопроса состав её, кроме пяти основных членов, менялся. При рассмотрении индокитайского вопроса приглашались представители Лаоса, Камбоджи, Сайгонского правительства и Демократической Республики Вьетнам, а при рассмотрении вопроса о Корее, соответственно, — представители Южной и Северной Кореи и представители целого ряда стран, участвовавших своими вооруженными силами в войне на стороне Южной Кореи.

Американскую делегацию возглавлял небезызвестный госсекретарь США Дж. Фостер Даллес, демонстрировавший свою решимость «бороться с коммунизмом». Французская делегация во главе с реакционным политическим деятелем Жоржем Бидо демонстрировала свою полную лояльность с американцами и фактически пыталась отстаивать позицию восстановления колониального режима в Индокитае.

Английскую и делегацию КНР возглавляли такие известные политики, как министр иностранных дел Англии Антони Иден и министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай. Французы, подстрекаемые американцами, намеревались вести переговоры по проблеме Вьетнама «с позиции силы». Для этого в конце мая правительство Франции объявило о досрочном призыве в армию нового контингента. Франция не скрывала, что проводит досрочный призыв в целях усиления экспедиционного корпуса в Индокитае. Американцы же, со своей стороны, угрожали прямым вмешательством в эту войну.

Конференция началась. Было согласовано, что на ней будут два сопредседателя. С нашей стороны — это Молотов, со стороны западников — это был популярный в политическом мире Антони Иден. Молотов и

Иден часто встречались наедине и, как правило, на нашей вилле. Основные вопросы согласовывались именно на этих встречах, носивших строго закрытый характер.

В Женеву прибыла также большая делегация из Китая, которая своим присутствием продемонстрировала особую заинтересованность в решении вопросов Вьетнама и Юго-Восточной Азии в целом. Китайцы, будучи нашими союзниками в то время, постоянно проводили консультации с нашей делегацией.

Вопросы, возникшие на конференции, были сложными. Например, разделение воюющей страны на два государства. Речь шла о создании самостоятельных государств с прямо противоположными идеологическими режимами. Холодная же война уже была в полном разгаре, и это, в свою очередь, никак не увеличивало возможности сторон быстро и успешно договориться. Постоянно возникали новые проблемы, и требовалось тщательно следить за всеми нюансами переговоров. Именно поэтому каждой встрече с нашими источниками уделялось большое внимание. Коротков демонстрировал пример огромной работоспособности и необходимой в его положении особой информированности. Он фактически сам являлся «последней инстанцией», выпускающей разведывательную информацию, как для Молотова в Женеве, так и для Москвы, куда ежедневно направлялись обширные телеграммы. Коротков лично докладывал важную информацию Молотову и в этой связи ежедневно, а то и дважды в день, ездил на нашу виллу, где был штаб Молотова. Несколько раз, когда информация, получаемая в частности мною, носила очень срочный характер, Коротков брал на виллу и меня, на тот случай, если у главы делегации возникли бы какие-либо уточняющие вопросы.

Высокий уровень жизни в Швейцарии производил впечатление не только на меня, в первый раз выехавшего за пределы нашей страны, а мы жили тогда более чем скромно, но и на повидавших мир моих товарищей по разведгруппе, и на советских дипломатов с серьёзным стажем работы за рубежом. Запомнился такой эпизод, произошедший как-то после приёма, проводимого нашей делегацией, когда приглашённые гости уже разошлись, а члены нашей делегации ещё оставались в зале. Среди наших дипломатов находился философ академик Юдин, бывший тогда советским послом в Китае. Кто-то из товарищей громко спросил Юдина, как он с философской точки зрения представляет себе коммунизм в Швейцарии, и он, не задумываясь, остроумно ответил, что «это будет та же Швейцария, но с двойными чаевыми».

Хочу припомнить некоторые эпизоды из моей оперативной работы в

Женеве. Один из них был довольно курьёзный, другой же — более чем серьёзный. Я работал с нашим источником, который давал информацию, содержащую множество деталей: географические названия, восточные имена политических и военных деятелей, нюансы позиций западников. В этой связи на встречах я вынужден был, несмотря на хорошую память, кое-что записывать при получении устной информации. Это было не всегда удобно с оперативной точки зрения — писать на встрече всегда сложно, вне зависимости от того, проходит ли встреча в кафе, парке, ресторане, музее, не говоря уже о том, что это нереально, когда встреча проводится просто на улице. И вот мы решили для сохранения полученной информации использовать записывающий аппарат. В нашей группе был специальный работник по оперативной технике, который осуществлял, в первую очередь, проверку и защиту нашей «импровизированной» резидентуры, а также помощь в проведении операций с использованием уже имевшейся в то время, может быть не очень совершенной, но достаточно добротной спецтехники. Я был коротко проинструктирован, как пользоваться аппаратом, который был замаскирован у меня на поясе, а микрофон выведен на руку в виде часов. Было решено, что в случае необходимости я могу сказать о наличии записывающего аппарата и нашему источнику. Место встречи вполне располагало к спокойной и продолжительной беседе. И нами был подготовлен ряд дополнительных вопросов, которые я должен был ставить в ходе беседы. Встреча была назначена в парке на окраине Женевы Буа де ля Боте, недалеко от слияния Роны, вытекающей из Женевского озера, и притока Роны Арвы. Встретившись и погуляв по парку несколько минут, мы присели с моим партнёром на заранее выбранную мной скамейку. Была первая половина дня, в парке людей почти не было. Я включил записывающий аппарат и, слушая очень внимательно, уточняя необходимые детали информации, которые были мне не до конца ясны, спокойно работал, имея в виду, что всё у меня идёт на запись. Я не записывал, как обычно, названий и имён. Встреча продолжалась на этот раз довольно долго, погода была прекрасная, партнёр не спешил, и мы расстались довольные друг другом. Я поспешил в резидентуру, предвидя, что работы по обработке информации будет ещё много. Каков же был мой ужас, когда пленка оказалась практически неразборчивой: были слышны только отдельные звуки или слова, текст же восстановить было невозможно. Наш специалист-техник также был очень смущён и даже поначалу растерян. Он демонстрировал сначала мне, а потом и Короткову работу аппарата, диктовал всякие фразы и громко, и шёпотом — всё добросовестно воспроизводилось. Однако моя плёнка была нечитаемой.

Наконец специалист пришёл к заключению, что на всём протяжении моего разговора с агентом присутствовала какая-то постоянная стабильная помеха. Я же уселся за непростую в данном случае работу — восстанавливать всю информацию по памяти. Отдельные моменты в информации были очень актуальны и носили достаточно срочный характер, но всё-таки огрехи в моей работе могли присутствовать. Естественно, шеф был недоволен, «технарь» и я — расстроены. И вот к концу рабочего дня наш специалист уговорил меня ещё раз съездить на место встречи и проверить, что же произошло с аппаратурой. Оказалось, что всё было значительно проще, чем представлялось нам в различных выдвигаемых версиях: скамейка, на которой велась беседа, хотя и была в тихом месте парковой аллеи, но находилась на склоне высокого берега реки, не очень далеко от воды. И прямо под нами оказался небольшой, метр, может быть полтора, перепад реки — маленький водопадик, он-то и создал своим постоянным журчанием защиту от любого технического подслушивания, и, естественно, именно он «добросовестно забил» всю мою запись. Век живи — век учись!

Конференция перевалила за середину, и Коротков решил лично провести встречу с Густавом, который приносил нам большую пользу своей своевременной и важной информацией. Организация встречи была поручена мне. Я выбрал и предложил Александру Михайловичу маленький довольно скромный ресторанчик в пригороде. Летом там можно было занять столик на улице под зелёной крышей из вьющихся виноградных лоз. Предложение было принято. Мне запомнилось в этом ресторанчике рыбное блюдо — морской волк в укропе. (Сейчас и у нас такой волк бывает в продаже.) Рыбу заворачивают в длинные стебли укропа, обвязывают ниткой и опускают в кипящее масло. Пять минут — и блюдо готово. Рыба благоухает поджаренным укропом.

Мы подобрали Густав в условленном месте к нам в машину и уже через десять минут были в уютном ресторанчике. Я выступал в роли переводчика, но в этом не было большой необходимости, так как Густав прилично знал немецкий, а Александр Михайлович владел немецким языком как родным. Разговор начался с обмена любезностями. Коротков поблагодарил Густава за отличную работу и от имени службы подарил ему швейцарские золотые часы одной из лучших мировых марок. Тогда мне казалось, что это очень дорогой подарок (покупал часы я, ориентируясь на рекомендации Короткова). Густав — человек, конечно, знающий, высоко оценил наш подарок и наше внимание к нему в целом.

Напоминаю, что в 1954 году это был первый мой выезд за рубеж, и я

хочу рассказать о нескольких забавных эпизодах, не имеющих прямого отношения к разведывательной работе.

В это лето 1954 года в Лозанне, то есть всего в 60 километрах от Женевы, где мы находились, должен был состояться финал первенства мира по футболу. В финал вышли 2 команды: прекрасно игравшая в то время команда Венгрии, включавшая в свой состав ряд блестящих игроков во главе со всемирно известным Пушкашем, и команда Западной Германии, уверенно идущая к высшим ступеням футбольного Олимпа. Игра должна была состояться в воскресенье. Планировался небольшой перерыв в работе конференции, и было решено, что часть нашей группы во главе с Коротковым поедет посмотреть этот матч. С погодой нам не очень повезло. Непрерывно шёл дождь. Наши места были под навесом, но всё равно сидеть на трибунах было не очень приятно — погода была промозглая. Ещё больше не повезло венграм, их высокая техника полностью разладилась, поле быстро превратилось в сплошное болото, и они, венгры, (у меня сложилось такое впечатление) действовали, как на замедленной киносъёмке. Немцы же, не обладая в то время «бразильской техникой», продолжали с завидным упорством месить грязь стадиона, и это вскоре начало давать свои результаты. Хорошо помню только, что мы болели за венгров, и они проиграли в этой встрече. В конце первого тайма, уже солидно «отсырев» на трибуне, Коротков сказал мне, чтобы я шёл заранее в ресторан, находящийся прямо под нашей трибуной, занял столик и заказал на всех (нас было пятеро) по рюмке хорошего коньяка. Я так и сделал. Столик был занят, поставлены 5 стульев, расставлены рюмки, и в самом начале перерыва между таймами появилась наша компания. Я начал делать заказ официанту, но Коротков, прервав меня, попросил заказать тонко нарезанный лимон с сахарным песком. По-моему, чисто русская привычка — пить коньяк под такую закуску. «А также, — подчеркнул Александр Михайлович, — скажи ему, чтобы он наливал по полной рюмке» (первоначально официант разлил, как и положено, примерно на одну треть довольно больших пузатых рюмок). Я с большим трудом объяснил, какой лимон нам требуется, так как официант не сразу это понял, и потом попросил налить полные рюмки.

Он вновь появился с бутылкой и налил примерно две трети каждой рюмки. Как говорят, «дабл». Коротков сказал под смех наших товарищей: «Ты что, не знаешь французский язык и не можешь объяснить ему, что такое полная рюмка?» Я, одновременно объясняя по-французски, что нам нужны рюмки, налитые до краёв, показывал ему пальцем, как следует налить коньяк. Наконец это было сделано. Мы дружно выпили коньяк

залпом. Коротков сказал: «Ну, ещё по одной — и пойдём!» История повторилась: гарсон сначала налил по одной трети рюмки, затем, когда я настоятельно попросил налить по целой, налил две трети, и когда я потребовал налить рюмки до краёв, он отправился куда-то за дверь и принёс новую бутылку. Рюмки были налиты. Мы бодро выпили по второй, но здесь произошло самое неожиданное — из служебных дверей появился хозяин с бутылкой коньяка и громко объявил: «Дорогим гостям третья рюмка за счёт заведения». К этому моменту ресторан, в связи с перерывом на футболе, наполнился людьми, и все присутствующие повернулись к нашему столику. Хозяин профессионально разлил коньяк в наши рюмки до краёв. Александр Михайлович хотя и улыбался, но тихо сказал: «Отказываться не будем, но и реклама эта нам совершенно ни к чему. Оставайся, — обратился он ко мне, — расплачивайся, благодари, а мы пошли». Вся компания вышла, а хозяин ещё несколько минут выражал мне своё удовольствие от нашего присутствия и предлагал посетить его ресторан в любой другой, не футбольный, день.

Вот ещё один небольшой эпизод. В отеле, где разместились наша делегация, в известном «Метрополе», был ресторан «Людовик XIV». Это ресторан высшей категории. В связи с тем, что отель был полностью закрыт для посторонних, а члены нашей делегации в ресторан такого класса за свой счёт не ходили, он был постоянно пустым в обеденное и тем более в вечернее время. Однажды, уже не помню при каких обстоятельствах, я явился к себе в номер в восемь часов вечера, не поужинав, и хотя есть особенно не хотелось, решил, что нужно всё-таки что-то перекусить. Суточные мы получали вполне приличные, и я решил не искать другого места и взять что-нибудь лёгкое прямо в отельном ресторане. Когда я явился, довольно большой зал был пуст, и я оказался в полном одиночестве. Уселся. Разглядывая меню, обратил внимание на строчку десерта — «клубника со сливками». Решив, что, возможно, такого лёгкого ужина мне будет достаточно, тем более цена была вполне приемлемая — 5 франков, заказал этот десерт. Вскоре принесли мой заказ, но не совсем в том виде, в котором я ожидал его увидеть: на стол была поставлена большая ваза, полная прекрасной клубники, кувшинчик, вполне приличный, со сливками и сахарная пудра. Сознаюсь, что я первый раз в жизни сидел в таком ресторане, но был достаточно воспитан, чтобы понимать, что клубнику нужно взять двумя ложечками и положить себе в тарелку, залить сливками и другой ложечкой есть. Я так и сделал. Клубника была великолепная. Я захотел ещё и повторил всю операцию. Здесь я подумал, что, вероятно, официант может подсчитать потом, сколько

примерно порций я съел, и решил не экономить. Когда я положил в тарелку клубнику в четвертый раз, опустошив примерно половину вазы, обратил внимание, что вдоль дальней стены зала выстроились, видимо, все скучавшие официанты (их было человек 6), и они с интересом издали наблюдали за мной. Помню, что меня это не смутило. Наконец на пятой порции я решил, что получил удовольствие и нужно «солидно» закончить, и попросил счёт. Каково же было моё удивление, когда в счёте стояли всё те же 5 франков. В нашем специальном учебном заведении нам читали небольшой курс протокола, но никто мне не объяснил, что в хорошем ресторане всегда, если ты заказываешь на десерт фрукты, приносят, например, целую вазу с фруктами, но нужно взять один, в крайнем случае два плода... Но об этом я узнал позднее.

Конференция затягивалась. Но тут 17 июня 1954 года получило вотум недоверия французское правительство Ланьеля-Бидо. Это означало фактический провал политики Франции в Индокитае, т. е. политики «с позиции силы». Полномочия получило правительство во главе с левым радикалом Мендес-Франсом. Мендес-Франс, который одновременно стал и министром иностранных дел, 10 июля возглавил практически новую делегацию Франции в Женеве. Уже 20 июля в Женеве было подписано соглашение о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, и после напряжённой «торговли» установлена временная демаркационная линия, проходящая немного южнее 17-й параллели. Она же в дальнейшем и стала границей Южного и Северного Вьетнама. Отмечу, что одновременно американцы сколачивали военный блок в Юго-Восточной Азии и добивались согласия Англии и Франции на участие в этом блоке. Женевское совещание и его итоги явились серьезным поражением не только французской внешней политики, но и, в первую очередь, агрессивной политики США. Именно в этой связи американцы заняли в итоге особую позицию в Женеве и заявили, что они лишь принимают к сведению Женевские соглашения, а президент США Эйзенхауэр вслед за окончанием Женевского совещания объявил, что США не были участниками этих решений «и не связаны ими». Можно сказать, что эта позиция американцев и стала отправной точкой дальнейшей агрессивной политики США в Индокитае, а позднее и печально известной войны США во Вьетнаме.

Наша работа на конференции в Женеве закончилась. Молотов, а соответственно и руководство нашего ведомства, высоко оценили работу разведки.

Глава пятая. Встреча в верхах

Весной 1955 года активизировались переговоры, как по официальной, так и по неофициальной линии по вопросу организации первой встречи в верхах. В середине мая на переговорах министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции была достигнута договорённость о проведении саммита и согласовано место встречи и дата его проведения. Местом встречи была выбрана Женева, а начало встречи было назначено на 18 июля. В повестку дня предполагалось включить следующие вопросы: германский вопрос (западники собирались требовать воссоединения Германии, фактически поглощения ГДР Западной Германией), проблемы европейской безопасности, вопросы разоружения, контакты между Западом и Востоком.

Такая повестка дня и была утверждена в Женеве на второй день после открытия совещания. Делегацию США возглавил президент США генерал Эйзенхауэр, за его спиной постоянно была одиозная фигура государственного секретаря Дж. Ф. Даллеса. Французская делегация прибыла во главе с премьер-министром Франции Эдгаром Фором, англичан возглавил Антони Иден. С нашей стороны возглавляли делегацию двое: формально — премьер министр Булганин, а фактически — генеральный секретарь ЦК КПСС Хрущёв. Для возможной встречи на личном уровне с Эйзенхауэром на несколько дней в Женеву приезжал маршал Жуков, они были знакомы со времён, когда оба были главнокомандующими своих армий при завершении разгрома немцев в Германии. «Братья по оружию», как тогда писала пресса.

Этой встрече Москва придавала очень большое значение. По всем линиям к ней тщательно готовились, группу разведки в Женеве вновь было поручено возглавить А. Короткову, а он, в свою очередь, включил в эту группу тех же товарищей, которые работали на Женевской конференции 1954 года. Таким образом, в группу был включён и я.

Большое значение придавалось вопросам охраны глав нашей делегации, и в Женеву выехала целая группа из Управления охраны во главе с начальником управления генералом Захаровым.

Министр государственной безопасности, в то время им был Иван Серов, решил лично, за несколько дней до приезда делегации, слетать на рекогносцировку в Женеву. С ним на его личном самолёте должен был лететь и Коротков. Обстоятельства сложились так, что наш агент, с

которым мне было поручено работать на этот раз в Женеве, приезжал туда также на несколько дней раньше. По решению Короткова, согласованному с Серовым, я тоже летел в Женеву на этом самолёте.

Лететь должны были на Ил-14 с центрального аэродрома, который расположен около метро «Аэропорт», прямо из Москвы. По разрешению Короткова меня, так же как и его самого, провожала жена. Мне запомнился момент нашего отлёта.

Серов приехал за несколько минут до назначенного времени со свитой. Его провожали несколько генералов разведки и генералов авиации. Серов подошёл к ним, и через несколько минут лётчик доложил о готовности к отлёту. Коротков и я стояли с жёнами несколько в стороне. Вдруг Серов повернулся в нашу сторону и спросил: «А это что за бабы?». Коротков ответил, что это его жена и жена летящего с ним сотрудника, показывая на меня. Серов громко сказал: «Тогда целуйтесь и полезли». Правда в дальнейшем общении в самолёте (в самолёте больше никого не было, кроме лётчиков и адъютанта Серова) он держался очень просто и дружески, расспрашивая меня о Женеве и Швейцарии, и в целом оставил приятное впечатление.

Но дальше всё складывалось не так просто. У Серова была запланирована остановка в Берлине, где его встречала большая группа товарищей. Это было руководство нашего представительства в ГДР, посол и руководство немецкого Министерства государственной безопасности. Было принято решение переночевать в Берлине и лететь в Женеву только на следующий день. Ближе к вечеру Коротков подошёл ко мне и сказал, что прибывать мне завтра вместе с Серовым в Женеву значит «засветиться», а это, несомненно, отразится на моей только ещё начинающейся карьере. Как выяснилось, самолёт Серова был заявлен в Женевский аэропорт как официальный, с указанием имени министра. Его как известную личность могли встречать и журналисты. Выход был найден: из Москвы с посадкой и дозаправкой в Берлине в этот же вечер летел ИЛ-14 правительственной эскадрильи с грузами для делегации. Коротков тут же договорился, что меня и ещё одного нашего товарища из берлинского аппарата, который также был включен дополнительно в нашу группу, отправят в Женеву на этом самолёте.

И вот мы в грузовом ИЛ-14 где-то часов в 12 ночи прилетаем в Женеву. Самолет сажают на какой-то дальней посадочной полосе, видимо, для грузовых самолетов, и пилот нам указывает на огоньки, что виднеются вдалеке, на другой стороне лётного поля, — это и есть пассажирский аэропорт, и нам следует туда топать пешком, другого варианта нет. И мы

отправились в направлении этих огоньков, с чемоданами в руках, в почти полной темноте. Времена действительно были другие. Придя в аэропорт, мы не застали не только лиц из паспортного контроля, пограничников или таможи, но и вообще никакой охраны, и, пройдя через аэровокзал, просто вышли на привокзальную площадь, отыскиали такси и приехали в уже известный мне по первой командировке отель «Метрополь», где разместился рабочий состав делегации. Руководство делегации должно было прилететь только через пару дней. Так я прибыл во вторую свою заграничную командировку в Женеву.

На этот раз пребывание в Женеве было не столь длительным, всего около месяца. Помимо выполнения основных задач разведки значительное внимание мы уделяли помощи группе охраны главы делегации. В советскую делегацию на саммите входила группа сотрудников Девятого Главного управления КГБ, так тогда называлось Управление кремлёвской охраны. Группа обеспечивала охрану Булганина и Хрущёва. Группу охраны возглавлял начальник Девятого управления генерал-лейтенант Захаров. Захаров поддерживал постоянный контакт с Коротковым и знал всю нашу команду разведки. Мы часто исполняли обязанности охраны вместе с нашими товарищами из «Девятки». Я, в частности, несколько раз выполнял задания Захарова по наблюдению внутри Дворца Наций ООН в Женеве, где проходили главные встречи глав делегаций на саммите. Это объяснялось тем, что у меня был пропуск во все помещения Дворца, и я прилично владел французским языком. Организация охраны и наблюдения во Дворце для сотрудников «Девятки» была, несомненно, делом сложным, так как служащие ООН продолжали работать на своих местах, к ним прибавились ещё журналисты и персонал из делегаций стран — участниц саммита. Словом, по Дворцу перемещалась большая масса людей.

Но всё же главным и постоянным моим заданием во время саммита были встречи с ценным нашим источником. Было принято решение встречи в Женеве не проводить — слишком маленький город, переполненный агентами спецслужб. Поэтому на встречи я выезжал в города Лозанну, Морж и другие городки франкоговорящей Швейцарии, расположенные в основном на берегу Женевского озера.

Дискуссия на совещании сразу приняла острый характер. Американцы заявили, что в германском вопросе главным должно явиться объединение Германии на основе «свободных выборов», и что только на этой базе может решаться вопрос о европейской безопасности. Нам стало известно, именно от наших источников, что в лагере западных держав возникли определённые разногласия: и англичане, и французы заявили, что не смогут

безоговорочно присоединиться к позиции американцев, так как было очевидно, что такая постановка вопроса абсолютно неприемлема для Советского Союза. Вскоре эта отличающаяся от американской позиция была высказана премьер-министром Франции Фором. Для западников возникла необходимость закулисных сепаратных переговоров, на которых помимо проблем совещания обсуждалась также позиция, высказанная вне рамок совещания канцлером ФРГ Аденауэром. Советская делегация в это же время выдвинула известный проект «Договора о коллективной безопасности в Европе».

Западники со своей стороны усилили сепаратные переговоры, добиваясь того, чтобы единым фронтом выступить на совещании. Исключительно активную роль в работе совещания и в работе нашей делегации играл Хрущёв. В этой обстановке наша информация, особенно о меняющихся планах и тактике западных держав, нюансах в позициях отдельных делегаций, имела первостепенное значение. Могу только сказать, что разведка справилась с этой задачей. И в конечном итоге на совещании создалась более благоприятная обстановка и были одобрены министрами иностранных дел стран-участниц совместные директивы и финальное коммюнике.

В этих документах практически полностью была учтена позиция Советского Союза. В Москве и мировой общественностью итоги Женевского совещания рассматривались как серьёзный успех советской внешней политики с далеко идущими последствиями. В мировой печати появился даже особый термин — «дух Женевы», означающий возможность нахождения общих согласованных позиций по таким важнейшим вопросам, как вопросы европейской безопасности, разоружения и т. д.

Для меня лично те месяцы работы в группе Короткова на крупнейших конференциях мирового значения в 1954 и 1955 годах были большим везением.

Уже в Москве, позднее, я узнал много интересных фактов из боевой биографии Александра Михайловича Короткова. Начав работать в ГУГБ делопроизводителем в девятнадцать лет, в двадцать один год он уже получил назначение на должность помощника оперуполномоченного. С 1933 года у Короткова идёт полоса командировок за рубеж по нелегальной линии: это Франция, затем Германия, в 1937 году опять Франция. Он уже работает как руководитель группы, созданной для ликвидации предателей, изменников Родины за рубежом.

Перед нападением Германии на Советский Союз Коротков работает в берлинской резидентуре, у него на связи находятся несколько ценных

агентов. Сразу в первые дни войны немцы блокировали советские учреждения, но Коротков сумел обусловить и надёжно сохранить связь со своими помощниками. В 1943 году — участие в обеспечении безопасности проведения Тегеранской конференции глав держав антигитлеровской коалиции. Затем со спецзаданиями находился в штабе югославских партизан и был в 1946 году награждён югославским орденом «Партизанская звезда» 1-й степени. В 1948 году Сталин «предал анафеме» лидера Югославии Иосипа Броз Тито.

Многие видели фотографию, сделанную во время подписания акта капитуляции гитлеровской Германии в Берлине маршалом Жуковым и генералом-фельдмаршалом Кейтелем. Прямо за спиной Кейтеля на фото виден советский полковник. Вы узнаете? Это Коротков. Он отвечал за пребывание Кейтеля в Берлине до самого подписания акта в ночь с 8 на 9 мая 1945 года. В советской зоне Германии был создан единый разведорган — резидентура с прямым подчинением Первому главному управлению НКГБ СССР. Резидентуру возглавлял Коротков.

С 1946 года — в Москве, с этого времени он одиннадцать лет руководил управлением нелегальной службы разведки. Особая большая история о судьбах и подвигах наших нелегалов.

В 1957 году генерал Коротков назначен представителем КГБ при Министерстве государственной безопасности в ГДР. Четыре года работы Короткова в Берлине в тесном сотрудничестве с министром госбезопасности ГДР Эрихом Мильке и начальником разведки Вольфом. Высокую оценку работы разведки ГДР и её главы дают все без исключения эксперты западных спецслужб. Успехи разведки ГДР были достигнуты при прямом участии нашего представительства и лично Короткова. Эти успехи были и нашими успехами.

В июне 1961 года Александр Михайлович был вызван в Москву. 27 июня он играл в теннис с Иваном Серовым, бывшим председателем КГБ, а в это время начальником ГРУ Министерства обороны. Он прямо на корте во время игры упал и сразу умер. Разрыв сердечной аорты. Ему был всего 51 год. Я был на похоронах на Новодевичьем кладбище. Там присутствовали и Мильке, и Маркус Вольф. Вольф выступал, и я хорошо помню, как он сказал: «Дорогой Саша! Ты — выдающийся профессионал и патриот своей Родины Советского Союза. Но ты стал и для нас, немецких разведчиков, и для всего народа Германской Демократической Республики любимым и родным человеком». Я могу лишь добавить, что Александр Коротков был разведчиком «от бога», с особым чутьём на фальшь, опасность. Я с благодарностью помню то, как мне посчастливилось

поработать под его руководством во время двух командировок в Женеву. Он рано ушёл из жизни. Его жизнь была, как выстрел.

Летом 1955 года в Москве началось, фактически без моего участия, моё оформление в командировку во Францию, в ЮНЕСКО — в необычное в то время для нас место для прикрытия. СССР всего лишь год как вступил в эту организацию, и в ней ещё не было ни одного советского служащего. Не было также и представительства, которое было создано позднее. Наш денежный взнос в организацию мы уже проплатили, а с направлением наших людей, как обычно, продолжали раскачиваться. Руководство ПГУ решило, что нужно использовать в работе это новое прикрытие во Франции. Выбор пал на меня.

На работу в ЮНЕСКО

Как раз в это время в Москву по делам ООН приезжал руководитель управления кадров ООН из Нью-Йорка, которому ЮНЕСКО поручило провести беседы с возможными советскими кандидатами. Мои руководители выбрали для меня должность в департаменте кадров в ЮНЕСКО, что, в общем-то, с позиции разведки, вполне логично. Доступ к личным делам чиновников, изучение широкого круга возможных кандидатов на различные должности в организации, короче, поиск возможных объектов нашего интереса. После изучения моей биографии наш вариант был отклонён, и для меня предложили должность в департаменте социальных наук, так как моё образование, экономист-международник, было всё же ближе к «социальным наукам».

Было принято решение дать согласие на пост в социальных науках. Встреча с шефом кадров ООН в Москве состоялась. Это был англичанин лет 55-ти, несомненно, опытный «людовед». Англичане очень любили направлять своих людей в отделы кадров международных организаций. Как правило, это были отставники из английской разведки, заслужившие это место, так как зарплата в международных организациях была намного выше, чем в правительственных учреждениях Великобритании. Тем более для отставников.

Помню, как мой собеседник представился на английском языке, упомянув при этом, что он сам по национальности англичанин. Далее он спросил, на каком языке (в моей анкете были указаны французский и английский языки) я бы хотел беседовать, и хотя задним числом я понял, что это было глупостью с моей стороны, я заявил, что готов беседовать на английском, равно как и на французском. Это было наивное решение, так как французский язык я учил в серьёзном языковом вузе, совершенствовал год в разведывательной школе с опытными педагогами и уже дважды работал с языком за рубежом. Английский язык был моим вторым языком, и я учил его в разведывательной школе ускоренным темпом — 4 семестра за год, и заканчивал изучение, уже работая в ПГУ. Экзамены за полный курс я сдал на отлично, буквально за 2 недели до встречи с ооновским кадровиком. Беседа прошла, как мне показалось, успешно: я ответил на различные простые вопросы, рассказал немного о себе, и на этом мы расстались.

Уже позднее, работая в ЮНЕСКО, я имел возможность ознакомиться с

заклЮчением ооновского чиновника о встрече со мной. Помню, он указал, что в целом я «произвёл положительное впечатление интеллигентного молодого человека», а далее было коротко сказано, дословно: «предпочёл беседовать на английском языке, английский язык — рудиментарен». Вскоре я вместе с семьёй прибыл в Париж.

В сопровождении второго секретаря нашего посольства, который по совместительству занимался делами, связанными с ЮНЕСКО, я был представлен в департаменте социальных наук. Директором департамента был француз Ги де Ляшарьер. Беседа с Ляшарьером, конечно, велась на французском, мой провожатый из посольства прекрасно говорил на этом языке. И мой французский также, видимо, был вполне удовлетворительным.

Ляшарьер остался доволен нашим знакомством. Далее мой провожатый из посольства откланялся, и Ляшарьер сказал, что подошло время, назначенное нам для встречи с генеральным директором ЮНЕСКО. В то время это был американец Эванс, типичный техасец, получивший назначение в ЮНЕСКО как компенсацию за свои услуги на прошедших очередных выборах американского президента.

И вот когда мы по длинному коридору направлялись в сторону директора, Ляшарьер вдруг остановился и сказал: «Хотя это и международная организация, но мы находимся во Франции, я думаю, несмотря на то, что доктор Эванс американец, беседу мы будем вести на французском». Потом я уже понял скрытый смысл его слов. Он, конечно же, прочёл о моих слабостях в английском языке. В свою очередь, Эванс был явно не силен во французском. Ляшарьер подробно представил меня. Реплики Эванса были односложные и с таким американским произношением, как говорят, будто он держал горячую картофелину во рту, что отдельные слова просто нельзя было разобрать. Встреча закончилась очень быстро, видимо, к взаимному удовлетворению. Так началось моё пребывание во Франции.

Я столкнулся, особенно на первых порах, с большими трудностями. Во-первых, моего французского языка оказалось недостаточно, для того чтобы самостоятельно работать, особенно над написанием документов. Во-вторых, в области социальных наук, а в ЮНЕСКО это сводилось к модной в то время на западе социологии, мои познания были просто нулевые. Напомню, что тогда в Советском Союзе социологии просто не существовало, а те её маленькие ростки, которые появились в первые годы советской власти, были полностью искоренены.

Со своей стороны, я сразу же занял ясную позицию, заявляя, что я

экономист-международник и с социологией только начинаю знакомиться.

Ги де Ляшарьер относился ко мне не только со вниманием, но и просто по-дружески. Во время войны Ляшарьер работал на дипломатической должности в посольстве Франции в Москве и сохранил к России самые тёплые чувства. Его отношение ко мне сыграло исключительную роль в том, что я закрепился в ЮНЕСКО.

Помню, в мою комнату зашёл редактор журнала «Социология», который издавался в департаменте, Фридман. Он был человеком большой эрудиции, знающим несколько языков, в том числе и русский, правда, пассивно. То ли специально, то ли так получилось, Фридман сказал мне, что перечитывает «Войну и мир» Льва Толстого, и спросил, не знаю ли я, что означают некоторые слова из эпизодов охоты, которых нет в словарях: например, доезжий, ловчий, выжлятник. Я объяснил ему, что это охотничьи термины, и рассказал, что они примерно обозначают. Этот маленький эпизод сыграл в моём пребывании в ЮНЕСКО определенную роль. Через некоторое время мой секретарь рассказала мне что, Фридман, который пользовался в департаменте и вообще в ЮНЕСКО большим авторитетом, при достаточно широкой аудитории наших коллег заявил, что «новый молодой русский является настоящим интеллигентом и он, Фридман, может это уверенно утверждать».

Спустя примерно год был назначен новый директор нашего департамента, это был известный английский учёный профессор Маршалл, который согласился занять эту должность только по одной причине — зарплата в ЮНЕСКО была несравненно выше той, которую он получал в известной London School of Economics. В ЮНЕСКО он прибыл уже в предпенсионном возрасте, имея в виду получить также высокую пенсию по линии международной организации. Маршалл с большой симпатией относился к России. Это были ещё годы, когда, несмотря на разгар холодной войны, многие сохраняли уважение и даже дружеские чувства к Советскому Союзу. Его доброе отношение ко мне значительно укрепило моё положение и дало мне возможность держаться более свободно, то есть иногда уходить раньше, выезжать в город днём.

Со мной работали две молодые женщины, мои ассистентки. Одна из них — индуска, дочь крупного чиновника правительства Индии с хорошим университетским и домашним образованием, и в то же время — сама скромность и олицетворение добросовестности в работе. Любопытно, что она была полной вегетарианкой и одевалась только по индийскому обычаю, в сари.

Надин

Вторая ассистентка была француженка Надин, симпатичная женщина лет двадцати семи, незамужняя. Она работала по временному контракту в связи с каким-то специальным проектом ЮНЕСКО. Контракт ее заканчивался, и она, имея отличное образование, искала себе подходящую работу в международных организациях. Однажды, обедая вместе с другими сотрудниками департамента в столовой ЮНЕСКО, я услышал, как она рассказывала, что получила положительное решение о приеме её на работу в одно из самых секретных подразделений штаба НАТО (в то время штаб был в Париже). Доложив об этом нашему резиденту, я получил подтверждение, что это место для разведки имеет несомненный интерес. Тут же было получено задание — попробовать провести вербовочную разработку моей коллеги.

Не теряя времени, в один из ближайших дней я дождался, когда Надин собралась уходить домой, и как бы случайно предложил подвезти её до дома, зная, что машины у неё нет. Всё прошло отлично, разговор принял уже личный характер и закончился выражением обоюдной симпатии. События развивались стремительно: за короткий промежуток времени мы 2–3 раза поужинали, и я сделал ей небольшой, но симпатичный подарок ко дню рождения. Выяснилось, что Надин, как и многие женщины, совершенно не интересуется политикой, и разговора на эти темы явно не получилось. За это время контракт Надин в ЮНЕСКО закончился, и она действительно перешла на работу в интересующее нас место. Возник вопрос «о вербовочной базе».

Материальная основа не вырисовывалась, так как она была из обеспеченной семьи и поступила на работу с весьма приличной для Франции зарплатой. Идеологическая основа, видимо, требовала больших усилий и длительного времени, и её успех также вызывал сомнение.

Оставалось практически лишь только развитие личных отношений. Надин довольно подробно рассказывала, где она работает и чем занимается, но для реальной информационной отдачи речь могла идти только о детальном изложении или копировании ею наиболее важных документов, с которыми она сталкивалась на новой службе.

Однажды наша встреча проходила в уютном ресторанчике, летний вечер способствовал доверительной обстановке. После встречи я повёз Надин к ней домой в пригород Парижа. По дороге она рассказала мне, что

её отец в настоящее время уже ушёл с государственной службы, занимается бизнесом и сейчас находится на юге Франции по своим делам. Надин жила в отдельном домике с пожилой управительницей, скажем, домработницей, которая жила в их семье многие годы. Мать Надин умерла несколько лет назад. Рассказав всё это, Надин сообщила, что по субботам домработница уезжает к своим родным, и пригласила к себе домой на чашку кофе. Было где-то после одиннадцати вечера, мы встречались с Надин уже несколько месяцев, и сама форма приглашения не оставляла сомнений, что она приглашала меня к себе со значительно большим чувством, чем дружеская симпатия.

Я довольно неуклюже отказался от приглашения, через несколько дней ситуация повторилась. Мы долго во всех деталях обсуждали создавшееся положение с моим резидентом. Рогов Михаил Степанович был хорошо известным руководителем в разведке, с большим жизненным опытом. Обсуждение показало, что дальнейшее развитие отношений с Надин может идти только по интимной линии. Помню, что мне самому и Михаилу Степановичу очень хотелось добиться успеха в этом деле, но помню также, что он осторожно, но достаточно ясно дал мне понять, что интимное развитие отношений имеет много сомнительных и даже отрицательных сторон. Даже в случае успеха вербовки где-то в сознании начальства, как он выразился, останется «мутный след в моей биографии». Мало того, он спросил, люблю ли я свою жену, и, получив от меня утвердительный ответ, начал искать другие пути развития ситуации. Был принят план, в соответствии с которым и с учётом сложившихся более чем добрых отношений, я должен был открыто сказать Надин, что от её согласия помогать нам, зависит моя дальнейшая карьера в Москве, и объяснить ей, в чём может заключаться её помощь- И, стремясь как-то изменить ситуацию, было решено, чтобы я уговорил Надин продолжать деловые отношения с моим старшим товарищем по службе, специалистом в той области интересов, с которой была связана работа Надин.

Всё развивалось по плану. Надин согласилась с моими «хитроумными доводами», знакомство с новым нашим человеком состоялось. Я, естественно, был признателен Надин за её понимание ситуации, и, как было обговорено нами с резидентом заранее, сделал ей хороший подарок.

Мы с ней, как говорят в таких случаях, расстались добрыми друзьями, а мой коллега должен был попытаться развить с ней агентурные отношения на материальной основе. Встречи моего товарища, как мне было известно, проходили хотя и редко, но на конспиративных началах, и сложилось даже впечатление, что дело продвигается вперёд. Но когда Надин узнала, что я

уехал в Москву, а это нетрудно было узнать, так как я увольнялся из ЮНЕСКО, она в самой деликатной форме сказала нашему работнику, что внимательно изучила правила поведения сотрудников своего учреждения и будет вынуждена сообщить о своих встречах с официальным представителем Советского Союза своему руководству.

Наш товарищ был дипломатом и работал в советском посольстве. После такого поворота событий было признано нецелесообразным продолжать дальнейшую разработку Надин и не настаивать далее на встречах.

Эпизоды, о которых я расскажу, довольно типичны, и они мне запомнились.

Пришло указание Центра провести встречу с нашим нелегалом, с тем чтобы он мог в Париже перейти на другие документы, получив их от нас, и выехать сначала в Прагу, а затем, уже по новым документам, в Москву для встреч с руководством разведки. Проведение встречи с нелегалом, в связи с тем, что он хотя и понимал русский язык, но говорил только по-английски, было поручено мне, под руководством ответственного сотрудника нашей резидентуры по нелегальной линии. Казалось бы, задача была не самой сложной, но события приобрели напряжённый характер.

Место встречи было выбрано Центром не очень удачно — у триумфальной арки «Карусель», всего в сотне метров от Лувра. Конечно, как рассуждали в центре, появление иностранца у арки было вполне естественным, так как там вокруг бывает много иностранных туристов, а наш нелегал прибывал во Франции как турист. Временный выезд его в Москву по временным документам не нарушал выработанной легенды, которая гласила, что он находился всё это время в туристической поездке по Франции.

Положение несколько осложнилось тем, что я должен был являться на месте встречи два раза в неделю и ждать, и ждать. Майкл, назовем его так, не появлялся. И я начинал себя чувствовать не очень уютно, так как на месте встречи полагалось ждать в течение 10 минут.

На встречу меня выводил наш опытный товарищ. Он обычно находил себе место где-нибудь на скамейке, вдалеке от арки, с тем, чтобы видеть только меня. Так прошло две недели. На третьей неделе случился курьёз. Я уже собирался уходить, когда у арки появился человек с трубкой во рту. Хотя субъект и вызвал у меня сомнения, так как он выглядел уже пожилым человеком, а Майкл Должен был быть довольно молодым, но опознавательный признак был налицо — трубка, и я обратился к нему с паролем. Пароль звучал приблизительно так: «Простите, сейчас не без 10

минут 6 на ваших часах?» Хотя в это время в Париже было где-то около двух часов дня. Отзвув, как я помню, должен был содержать цифру 12 и выглядеть примерно так: «Нет, на моих часах 12 минут седьмого». Человек, к которому я обратился с достаточно дурацкой фразой на английском языке, по-английски же ответил: «Либо я спятил, либо в этом городе все сумасшедшие», и быстрым шагом пошёл прочь.

Наконец, на пятую неделю появился человек, в котором я безошибочно признал Майкла. Он приближался к арке быстрым шагом и, главное, не курил трубку, а держал её в руке за мундштук, помахивая ею из стороны в сторону. Мы обменялись паролем, и я попросил Майкла следовать за мной в менее людное место, на другую сторону Сены.

Уже по первым фразам чувствовалось, что Майкл очень взвинчен. Это, в частности, проявилось в том, что когда мы перешли через мост и прошли несколько шагов по набережной, он вдруг нервно спросил меня: «Кто следует за нами?» Дело в том, что наш работник Николай, который вёл за нами контрнаблюдение, неосторожно перешёл с одной стороны моста на другую не на месте перехода, а срезав угол. Это сразу заметил боковым зрением Майкл, настолько его нервы были напряжены. Я объяснил, что этот человек ведёт контрнаблюдение, прикрывая нас от возможных случайностей. Майкл, нервничая, попытался мне сделать замечание, сказав, что он имеет указание встретиться только с одним человеком, который предъявит ему пароль, и что никто больше не должен знать о нём. Я спокойно, но твёрдо пояснил Майклу, что здесь в Париже мы — хозяева и мы обеспечиваем его и нашу безопасность, и попросил его перейти к делу, то есть доложить последние данные о себе, а также всю информацию, которую я должен буду сообщить о нём в Центр. Мой спокойный и уверенный тон благотворно подействовал на Майкла, и далее встреча вошла в нормальное русло.

Мы обусловили короткую встречу на следующий день, на которой я должен был взять его «железные документы», вручить ему временные документы для проезда в Прагу и сообщить дополнительные указания центра, если они будут. Вторая встреча с Майклом прошла нормально, как мне показалось, и был произведён обмен документами. В этот же вечер Майкл должен был выехать поездом с Восточного вокзала по намеченному маршруту. Договорились с ним о контрольной встрече на непредвиденный случай на следующий день утром. На эту встречу он должен был вызвать меня условным телефонным звонком на мой домашний номер до восьми утра. Всё шло гладко. Я прибыл на Восточный вокзал, чтобы убедиться, что Майкл действительно уехал. Мне удалось довольно быстро его заметить,

садящегося в вагон поезда на Прагу.

Но этим дело не закончилось. В 7 часов утра на моей квартире прозвучал условный звонок. По разработанной схеме я отправился к нашему заместителю резидента, который и должен был меня вывозить на эту контрольную встречу. Мы жили в городе близко друг от друга. Проверившись по ещё пустынным улицам, мой старший товарищ сказал мне: «Давай проедем мимо самого места встречи, чтобы я лучше представлял, о каком месте идёт речь». Встреча была намечена в небольшом скверике, в стороне от мест, посещаемых туристами. Мы проезжали мимо намеченного места встречи где-то в половине девятого. Встреча же была назначена на 10 часов утра. Я сразу издали увидел, что Майкл сидит на скамеечке, и сказал об этом своему старшему партнёру. Тот переспросил, уверен ли я, что контрольная встреча намечена на 10 часов, и хотя я предлагал прямо выходить на контакт с Майклом, мой шеф сказал, что будем в этом случае точно действовать по намеченному плану. Мы уехали в другой район и ещё раз проверились.

И ровно в десять я вышел на встречу. Первый вопрос, который задал Майкл, со мной ли его настоящий паспорт. Как и было условлено, я принёс его паспорт и, видя его возбуждённое состояние, тут же, по его требованию, вручил паспорт ему. Он же возвратил мне свои временные документы и сообщил, что в поезде встретил своего знакомого, который знает его настоящую фамилию. Испугавшись, что на одной из границ может вскрыться, что он «не тот человек», Майкл, с помощью подготовленной инъекции, инсценировал сердечный приступ и сошёл с поезда на первой же станции километрах в 150-ти от Парижа. Объяснение звучало не очень убедительно. При моем докладе вспомнили, как на первой встрече Майкл нервно расспрашивал меня о том, что происходит в Москве. В частности, проводятся ли аресты лиц, связанных с группой Молотова — Маленкова и примкнувшего к ним Шепилова... Встреча с Майклом проходила как раз во время этих событий.

Напомню, что Молотов, Маленков и Шепилов в 1957 году выступили с критикой действий Хрущёва. Молотов и Маленков были ведущими членами Политбюро при Сталине. Шепилов, поддерживающий критические замечания Молотова и Маленкова, был редактором газеты «Правда», а в 1956–1957 годах стал министром иностранных дел. Оппозиция была, как писали тогда, разгромлена на пленуме ЦК партии, а Шепилов получил кличку «примкнувшего к ним». Все фигуранты оппозиции были уволены со своих постов: Молотов направлен послом в Монголию, Маленков послан в Среднюю Азию на небольшую

хозяйственную работу, а Шепилов исчез из поля зрения.

И хотя я правдиво объяснял Майклу, что в Москве всё абсолютно спокойно, было ясно, что этот вопрос его очень волнует, так как он покинул Родину ещё в послевоенные годы, когда сталинские репрессии вновь набирали силу. Он жил в Америке, пользуясь лишь американской информацией, видимо, его нервное состояние в связи с вызовом в центр можно было понять. Тем более, как я узнал уже позднее, он солидно врос в американский быт, был женат и даже имел детей. Он настойчиво просил уточнить в центре, следует ли ему обязательно ехать в Союз и нельзя ли ограничиться его отчётом в Париже. Обусловили новую встречу. Молния, которая пришла на наш запрос из Москвы, звучала так: «Сообщите Майклу: я, Коротков Александр, приказываю вам получить, как условленно, новые документы и, как намечено, тем же маршрутом прибыть в Прагу. Никаких обсуждений по этому вопросу больше не требуется. Выехать в Прагу сегодня же». Я встретился с Майклом и с небольшим металлом в голосе попросил его выслушать дословные указания центра. Я так и говорил: «Я, Коротков Александр...». Майкл молча взял у меня паспорт, вернул мне свои документы, попрощался и без всякого обсуждения ушёл. В этот же вечер я вновь видел, уже во второй раз, как он уехал с Восточного вокзала в направлении Праги. Через несколько дней центр сообщил, что Майкл прибыл в Москву.

Однажды я очень удачно познакомился с известным журналистом из газеты «Монд». Контакт развивался вполне успешно: приглашение на ланч со стороны журналиста, ответное приглашение с моей стороны. Мой новый знакомый охотно делился политической информацией. Учитывая то, что тогда я работал в резидентуре на политической линии, моя информация, очевидно, не носившая очень секретного характера, но получаемая мною от очень квалифицированного человека, положительно оценивалась резидентом. Развитие моих отношений с журналистом получило одобрение. Была поставлена задача постепенно придать контакту с журналистом конфиденциальный характер, просить его готовить для меня информацию по определенным интересующим нас вопросам и прежде всего о проблемах внутривнутриполитической жизни Франции в письменном виде и т. п.

Отмечу, что политическая обстановка во Франции в этот период была очень сложной. Одно правительство сменяло другое с интервалом в 3–4 месяца. И вопросы, связанные с закулисной борьбой различных партий и политических лидеров, были нам интересны. Развитие контакта шло успешно и не внушало никаких опасений. Журналист начал готовить

информацию по моим просьбам, можно сказать, заданиям. Наступил момент, когда было решено, что я ему должен предложить более сложную работу, т. е. добычу информации, с выплатой за её выполнение вознаграждения. Но здесь и произошёл небольшой инцидент, который нарушил наши планы.

Во время моего отсутствия в кабинете офиса мой телефон автоматически переключался на комнату, где работали секретари. Секретарь Адет была замужем за крупным журналистом левого толка и была хорошо знакома с широким кругом журналистов в Париже. И однажды, в моё отсутствие, мой журналист из «Монд» позвонил мне. Звонок приняла Адет. Вечером Адет заносила какие-то бумаги ко мне в кабинет и «между прочим» заметила, что мне звонили, и назвала имя моего журналиста из «Монд», а, уже выходя, добавила: «Имейте в виду, это — un pedale». Я сделал вид, что не придавал её информации никакого значения, но, обеспокоенный, вскоре отправился в библиотеку, чтобы посмотреть в словаре «Арго» (словарь жаргонных слов), что означает это выражение. Я не знал других значений, кроме прямого значения — педаль. Выяснилось, что это на жаргоне — пассивный гомосексуалист. Видимо, отсутствие серьезного опыта не позволило мне самому заподозрить неладное, а разработка шла так успешно, что это заслонило мне глаза.

При обсуждении с резидентом было решено, что мы не будем предпринимать поспешных шагов, а проверим информацию. Как говорится: шило в мешке не утаишь. И информация вскоре получила подтверждение из других источников резидентуры. Было решено, что поскольку этот контакт может меня как-то компрометировать в кругу моих коллег в ЮНЕСКО, я должен постепенно, но в то же время твёрдо отойти, а затем и порвать отношения с журналистом. А жаль!

15 апреля 1958 года получило недоверие очередное правительство Франции во главе с Гайяром. В мае в Алжире был создан «Комитет общественного спасения», который состоял из группы военных, представителей крайне правых сил и проявлявших особую активность сторонников генерала де Голля.

При поддержке армии комитет отказался подчиняться Парижу и потребовал призвать к власти генерала де Голля. Политический кризис нарастал с каждым днём. 1 июня 1959 года национальное собрание уполномочило де Голля формировать новое правительство и поручило разработать новую конституцию. Это был крах Четвёртой республики. Важное место в ряду причин этого краха занимала и внешняя политика Франции. Поражение в Индокитае и тупиковая ситуация в Алжире

обострили националистические настроения во Франции — всё это привело к прямому разгулу шовинизма и открытым антипарламентским настроениям. Широкое недовольство вызывало и подчинённое положение Франции в НАТО, усиление зависимости от США. Приход де Голля фактически продемонстрировал установление режима личной власти и имел самые глубокие внутривластные и внешнеполитические последствия.

ЮНЕСКО располагалось в старинной, некогда шикарной гостинице в самом центре Парижа на авеню Клебер «Majestic». Здание старое, но с прекрасной архитектурой: и фасад, и основные вестибюли, и залы — все очень красивы, а зал, где проходили заседания Совета ЮНЕСКО и собрания представителей всех стран — членов организации, просто великолепен. Любопытно, что во время войны в отеле размещался главный штаб гестапо на оккупированных немцами территориях.

Окна моего кабинета выходили на угол маленькой улочки Лаперуз, и прямо против моих окон находился вход в небольшую гостиницу с таким же названием — «Лаперуз». Не вникая сейчас в детали деголлевского переворота, хочу рассказать, что сам де Голль и его штаб, до прихода его к власти, разместился в этой маленькой гостинице. С двух сторон на углах стояли большие чёрные «ситроены», в которых круглые сутки сидели люди. За два дня до обращения со стороны парламента Франции к де Голлю с призывом взять власть в свои руки в гостинице появился сам де Голль, а перед дверями, прямо на улице, стали четыре дюжих парня в штатском, откровенно обыскивавших каждого входящего в гостиницу. Визитёров оказалось много. На поклон к генералу поехали самые различные политические деятели, бывшие и действующие министры, лидеры партий, пожалуй, всех, кроме коммунистов. Это была очень интересная картина. Многих по фотографиям в газетах или по дипломатическим приёмам я мог узнавать и мог наблюдать как бы за своего рода пульсом политической жизни Парижа.

Уточнять детали происходящего в стране помогал мне мой необыкновенный контакт с советником американского посольства. Познакомил меня с американцем наш резидент Михаил Степанович, советник нашего посольства. При этом мне было сказано, что контакт с американцем может быть очень полезен, так как он сам хочет иметь постоянный выход на «советские круги», чтобы иметь канал для передачи нам определенной информации. Американский советник, как нам было известно, был связан с крупными промышленными кругами Штатов, а также, что он, собственно, и не скрывал, был связан с ЦРУ.

Видимо, было важно, что я не был сотрудником посольства, но был в то же время надёжным каналом к нашему резиденту.

Американец довольно часто встречался со мной. По своему характеру он был разбитной и весёлый человек, и хотя был старше меня, и явно с большим опытом, держался со мной на равных, не делая никаких усилий, чтобы как-то выведать у меня детали моей личной жизни или какую-либо посольскую информацию. Одним словом, не пытался изучать меня с разведывательных позиций.

В то же время американец охотно рассказывал мне о перипетиях политической жизни во Франции, а он был весьма информирован. Он жил в Париже уже более семи лет.

Однажды утром американец звонком по телефону пригласил меня на ланч без предварительной договорённости.

Пригласил настойчиво, обещая хорошее вино, которое он специально для нас нашёл. На встрече американец без вступления сказал, что Англия и Франция вместе с Израилем планируют в ближайшие дни интервенцию против Египта в связи с национализацией летом 1956 года президентом Египта Насером «Всеобщей компании Суэцкого канала». Основные капиталы и доходы от эксплуатации канала принадлежали англичанам и французам, и они решили «поставить Египет на место» вооружённым путём.

Сообщая эту важную информацию, американец подчеркнул, что сведения являются достоверными и носят исключительно серьёзный характер. Он также отметил, что не готов в деталях говорить о позиции США по этому вопросу, но в то же время уверенно знает, что правительство США не разделяет планы этой интервенции и ни в коем случае не окажет интервентам никакой поддержки. При этом мой советник назвал точную дату начала войны. Естественно, эти сведения немедленно были доложены в Москву. Агрессия против Египта началась точно в тот день, который указал американец.

30 октября 1956 года начала военные действия израильская армия, а 31 октября бомбёжки начали проводить англичане и французы. 5 ноября англо-французские войска высадились в районе Порт-Саида. Сразу же, уже 5 ноября, советское правительство сделало резкое заявление, подчеркнув, что готово прямым применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Ближнем Востоке. Уже 6 ноября английское правительство заявило о том, что англичане прекращают огонь в Египте, на другой день к этому заявлению присоединилась Франция, 8 ноября за ними последовал Израиль.

Таким образом, решительная позиция СССР сыграла исключительно важную роль в разрешении этого крупного международного кризиса и укрепила авторитет Советского Союза в Египте и на Ближнем Востоке в целом.

В связи с американским советником мне запомнился маленький эпизод, который произошёл не в Париже, а в Женеве. Я прибыл в Женеву в командировку в качестве представителя ЮНЕСКО на первую Всемирную конференцию по мирному использованию атомной энергии, которая открылась в 1958 году. На одном из больших приёмов, который давала наша делегация, ко мне через весь зал, к моему удивлению, направился мой американец, радостно приветствуя меня. И тут же с американской непосредственностью поинтересовался, что я могу делать на этой конференции. На моё пояснение, что я здесь в командировке и представляю ЮНЕСКО, он с радостью заявил мне, что ему «приказали» посмотреть со стороны, как выглядит в целом конференция, и особенно, что делает их американская делегация.

Американец пригласил меня на ланч в один из известных мне женевских ресторанов. В разговоре мой советник вспомнил о нашей встрече в канун Суэцкого кризиса и сказал: «Как мне кажется, мы сыграли свою роль, а может быть, и помогли спасти сотни тысяч жизней. Война-то ведь была остановлена».

В поисках путей по расширению связей и контактов мне пришла мысль, почему бы не попробовать участие в публичных открытых клубах. В информационном бюллетене ЮНЕСКО, в частности, я вычитал, что существует клуб по игре в бридж.

Мода на бридж получила широкое распространение у англосаксов, в Америке и в Англии. Во Франции в то время французы относились к бриджу довольно сдержанно. В клуб на льготных условиях приглашались, в первую очередь, сотрудники ЮНЕСКО, сотрудники других международных организаций в Париже и, соответственно, дипломаты из посольств разных стран. Посоветовавшись с резидентом, я получил его одобрение на вступление в такой клуб. Он даже предложил, чтобы я ввёл в этот клуб ещё одного нашего товарища из научно-технического направления.

Препятствий в регистрации не возникло, но люди приходили в клуб играть, и играть надо было уметь, а это был не наш случай. Мы играть не умели. Оказалось, что можно пригласить наставника, учителя. Этим учителем оказался очень любопытный человек — русский немолодой интеллигентный господин, эмигрант, скорее беглец, штабс-капитан царской

армии, участник Первой мировой войны и, впоследствии, офицер белой армии. Он воевал в армии Врангеля и бежал с последним кораблём из Крыма после разгрома «белых». Вспомните «Бег» Булгакова и прекрасный фильм с тем же названием. Это был как раз наш случай. Штабс-капитан Северский был рад с нами познакомиться и начать обучение игре. Он был из тех, кто любил Россию, а будучи эмигрантом, ещё больше стал любить Родину, независимо от власти, которая была в это время в Москве. Его было очень интересно видеть и слушать. Он жил воспоминаниями о России.

Во Франции он жил со своей женой, дочерью бывшего крупного французского дипломата, за городом в домике с большим садом. У его супруги было двое взрослых детей: парень, который уже где-то работал, и дочь-студентка, и оба чада были активными членами компартии. Компартия в Париже тогда процветала, и её популярность была велика среди молодёжи. Дети нашего штабс-капитана по воскресеньям продавали газету «Юманите» и распространяли различные пропагандистские материалы компартии — расклеивали листовки на стенах.

Иногда бывший штабс-капитан проводил занятия у себя дома, приглашая нас к себе в гости. Однажды он, извиняясь, сказал, что дети, коммунисты, очень хотят познакомиться с настоящими советскими людьми, услышать рассказы о Советском Союзе. Беседа состоялась. Общий язык быстро был найден, каверзных вопросов они не задавали, напротив, с любовью говорили о Москве и были в восторге от встречи. Было интересно общаться с ними, и было очевидным, что молодые французы преданы идеям компартии и полны иллюзий, в том числе и о Советском Союзе. Сейчас таких преданных идеям коммунизма французов наверняка найти непросто.

Моё пребывание в Париже, по согласованию с центром, приближалось к своему завершению. Именно это явилось одной из причин того, что мне была поручена особая операция. В Париже к этому времени я чувствовал себя совершенно уверенно, но как в Центре, так и мой начальник в Париже, рассматривали предстоящую операцию как рискованную, которая может стать причиной не только провала, но и «хорошего дипломатического скандала». Речь шла об установлении связи и работе со старшим офицером французского Генштаба. К офицеру ранее был сделан подход, а точнее, проведена вербовка «в лоб» нашей службой в одной из стран Восточной Европы.

Вербовка проводилась на компрометирующих материалах: офицер был уличён в гомосексуализме, а его связь с партнёром была тщательно задокументирована. Таким образом, было несколько усложняющих мою

работу моментов: во-первых, вербовка на таком компромате — всегда операция обоюдоострая и связана с тем, что объект вербовки ненавидит вербовщиков всей душой; во-вторых, вербовка проводилась в дружеской нам стране и с помощью спецслужбы этой страны. Это, как показывала практика, нередко было связано с утечкой информации; в-третьих, офицер довольно быстро уехал из страны, и с ним практически не было проведено закрепляющей работы. Даже возникали сомнения, не доложил ли он о нашем вербовочном подходе к нему своему начальству. Правда, предварительное изучение и проведённая нами установка по месту жительства, то есть, говоря нормальным языком, выяснение его положения в Париже, показали: он по-прежнему жил с семьёй и аккуратно ежедневно отправлялся на работу.

Мой первый телефонный звонок к нему на квартиру и приглашение встретиться в определённое время в обусловленном ещё во время вербовки месте положительного результата не дали. На место встречи он не явился. Позвонив вторично, я попал на его жену, самого же офицера не было дома. Как и было продумано заранее, я сказал жене, что нахожусь проездом в Париже и являюсь другом её мужа по стране их зарубежного пребывания. Просил передать её мужу, что буду ждать его вечером в такое-то время на месте, «которое он хорошо знает»: имелось в виду обусловленное место встречи. На другой день мы тщательно проверились на машине. На встречу меня вывозил мой товарищ по резидентуре Евгений. Контакт с офицером был обусловлен у выхода со станции метро, находившейся рядом с известным офицеру кафе.

Место было не очень удачным — это был район Монпарнаса, и в вечернее время прилегающие улочки кишели проститутками. Буквально через каждые несколько метров у входа в кафе и у крошечных отелей без названия стояли по две-три девушки. Находиться на одном месте было не очень приятно, а прогуливаться — ещё хуже, так как тут же к тебе обращались с достаточно выразительными призывами.

Евгений достаточно удачно устроился у окна кафе, находящегося на другой стороне площади, и мог хорошо наблюдать картину моего возможного контакта с объектом. Машину мы, конечно, оставили далеко в стороне. Я вышел к месту встречи за 3 минуты до назначенного времени и за это короткое время привлёк к себе внимание 2–3 девиц, которые продефилировали рядом со мной.

Точно в назначенное время из метро появился мой офицер. Хотя я его никогда не видел, только фотографию изучил, его невозможно было не узнать. Он был в форме. Дело в том, что во Франции вообще, а в Париже

особенно, офицеры появляются в форме только на службе. В вечернее время в городе, а также в субботные и воскресные дни, в форме можно увидеть только полицейских.

Мы обменялись паролем и поприветствовали друг друга. Руки он мне не подал, и я своевременно воздержался, чтобы не протянуть ему свою. Как потом говорил наблюдавший эту сцену Евгений, он был уверен, а он знал суть дела, что сейчас произойдёт скандал, и меня возьмут «под белы ручки» «за оскорбление чести мундира» — такая формулировка существует во французском уголовном кодексе. Но этого не произошло, и мы отправились в сторону от значного места по заранее продуманному маршруту, который должен был позволить Евгению обнаружить, нет ли за нами слежки.

В связи с тем, что офицер был в форме, я принял решение в кафе не заходить, а провести первую встречу в движении, просто на улице. Первое, что сказал «Поль», а такова была кличка офицера, было: «Вы виделись с моей женой?» Это было сказано резким агрессивным тоном. Хотя ответ мой был и не подготовлен, но я хорошо помню, что, выдержав паузу, я как можно более спокойным тоном сказал: «В этом пока не было необходимости, и я её лично не видел, а говорил с ней по телефону».

Как потом выяснилось, жена «Поля» позвонила к нему на работу, сообщив о моём с ней разговоре, и он ошибочно понял, что я был у него на квартире, и, не заходя домой, прямо со службы поехал на встречу.

Беседа завершилась в почти нормальных тонах, мы обсудили, куда он в настоящее время получил назначение и обусловили следующую встречу через неделю. Короткий промежуток между встречами нужен был для того, чтобы попытаться закрепить наши отношения и начать агентурную работу.

В резидентуре было принято решение, чтобы линия моего поведения демонстрировала в первую очередь максимальное спокойствие, я не должен был ничем напоминать об «основе наших отношений», по возможности говорить с «Полем» даже на несколько отвлечённые темы, касаться политических проблем. Задача, в частности, состояла в том, чтобы привести отношения в нормальное человеческое русло, о дружеских чувствах трудно было вести речь. Нужно было начать получать от «Поля» заслуживающую внимания информацию, затем постепенно перевести наше сотрудничество на материальную основу.

Работа с «Полем» вошла в намеченное русло. Он стал спокойно обсуждать со мной возникающие вопросы и, как мне казалось, положительно оценивал линию моего поведения. Правда, следует отметить, что в мирное время информация офицера, даже из Генштаба, носит, как я

убеждён, довольно ограниченный характер. И действительно, каких-либо сенсаций «Поль» не сообщал, и его сведения были скорее общего характера.

Прошло около полугода. Я должен был передавать «Поля» другому нашему товарищу. Наши встречи с офицером всё время обеспечивались контрнаблюдением. Встреча по передаче «Поля» была организована следующим образом: я должен был вместе с ним пройти по небольшому маршруту и потом зайти в кафе, куда через десяток минут должен был зайти и наш товарищ. Была договорённость, что в кафе я сяду таким образом, чтобы через окно хорошо видеть прилегающую улицу, и если всё будет спокойно, то начну разговор о передаче, оговаривая необходимые условия постоянной связи. Если же возникнут какие-то подозрительные моменты, мой товарищ появится на улице в поле моего зрения, что будет сигналом к срочному завершению встречи.

Место было малолюдное, и вдруг я заметил моего коллегу прямо перед окнами. По возможности спокойно начал «закруглять» встречу, сразу оговаривая наш долговременный контакт. Но в этот момент мой коллега появился в дверях кафе и, увидев нас, улыбаясь направился к нашему столику. Не совсем понимая, что происходит, я на ходу перестроился и, как ни в чём не бывало, представил «Полю» моего коллегу, и мы уже втроём продолжили начатый разговор, объяснив «Полю» причины передачи его на контакт новому человеку. Спустя 5 минут, попрощавшись, я оставил собеседников в кафе.

В резидентуре уже выяснилось, что мой коллега потерял нас из виду, когда мы, неожиданно зайдя за угол, завернули в кафе, и, торопясь, сделал ещё круг по кварталу, упустив из виду, что он ни в коем случае не должен появляться в поле моего зрения, если я нахожусь в кафе. Мелочь. Но при разборе встречи резидент сделал нам, в первую очередь моему партнёру, строгое внушение, правильно считая, что эта мелочь могла сорвать встречу, соответственно, передачу связи, и показать агенту нашу нервозность и недостаточно квалифицированную работу. Но всё пошло дальше в нормальном, если можно так сказать, русле.

К концу года моего пребывания в Париже в ЮНЕСКО приехал ещё один наш советский сотрудник, тоже работник разведки.

Однажды, возвращаясь вместе домой то ли из ЮНЕСКО, то ли из посольства, мы заехали на бензозаправку, была небольшая очередь. Степан остался в машине, а я отошёл подальше в сторону, чтобы покурить, случайно я вышел на угол улицы и здесь обратил внимание, что прямо за углом припарковалась типичная машина наружного наблюдения,

«ситроен»-шестёрка. В ней было три человека, а четвёртый покинул машину, перешёл на другую сторону улицы и встал так, чтобы видеть площадку бензоколонки, где в это время был наш автомобиль.

Это мне показалось странным, но ещё более странным показалось то, что на этой же улочке припарковался другой «ситроен», также с тремя-четырьмя людьми в салоне.

Стёпа заправил машину, мы тронулись дальше, и я спокойно предложил Степану посмотреть, нет ли за нами «хвоста». Он быстро убедился, что «хвост» есть. Был очень удивлён, но это послужило ему сигналом впредь внимательно следить за наличием наружного наблюдения. Скоро выяснилось, что наружка идёт именно за Стёпой, так как я за собой её, когда был один, по-прежнему не видел.

«Почерк» работы наружного наблюдения в случае со Степаном не был похож на обычную работу французов. Это было явно специальное задание, ставящее себе целью не только выявить возможные контакты Степана, но и просто изучить и проанализировать его образ жизни. Более тщательный анализ, а затем и проверка связей Степана показали, что в его окружении имеется явный американский агент.

Это была направленная разработка самого Степана. Несмотря на то, что никаких сомнений в преданности Степана не было, резидент, а затем и Центр забеспокоились, так как такая разработка могла вылиться и в прямую провокацию против нашего товарища. Со своей стороны, я получил задание помогать Стёпану во всём.

Обострились отношения Степана с его начальством в ЮНЕСКО, что было совсем необычно в организации.

Было принято решение, чтобы под благовидным предлогом Стёпа подал в отставку в ЮНЕСКО, и вскоре он уехал домой. Степан некоторое время успешно работал в Москве в информационной службе, а затем ушёл от нас в науку и стал достаточно известным специалистом в области политологии. Вот так иногда складывается судьба разведчика, и обычно поправить её очень трудно.

Новые интересные связи дала мне поездка в Дели на очередную сессию Генеральной конференции ЮНЕСКО в качестве главного редактора бюллетеня конференции. Поездка в Индию в этой роли позволила познакомиться и укрепить связи практически со всем руководящим звеном самого ЮНЕСКО, а также с дипломатами из целого ряда стран, работавшими в представительствах ЮНЕСКО. Особенно я сблизился и, можно сказать, подружился с ответственным чиновником ЮНЕСКО из директората организации. Связь, выражаясь разведывательной

терминологией, приобрела в дальнейшем доверительный характер, и мой «контакт» в дальнейшем искренне помогал мне как в решении вопросов, связанных непосредственно с моей работой в ЮНЕСКО, так и в развитии связей в политических кругах Парижа.

Во время работы конференции я был занят буквально с утра до ночи, так как бюллетень конференции выходил каждый день, и в нём сообщалась не только повестка дня различных комитетов на следующий день, но и давалось краткое резюме выступлений делегаций за прошедший день. Моя работа заканчивалась только поздно вечером. Однако и в работе конференции, которая продолжалась почти месяц, возникали окна, и это позволяло мне немного познакомиться со страной. Особенно запомнилась поездка в священный город Бенарес.

Поездку организовал мой приятель. Мы отправились в поездку на большой американской машине с профессиональным шофёром, который был и нашим гидом. В поездке принял участие известный французский физик Пьер Оже, который был тогда директором департамента естественных наук ЮНЕСКО. В Большой советской энциклопедии Оже фигурирует как автор известной в физике формулы, носящей его имя — Оже-эффект. Оже — человек очень симпатичный, покоряющий своей эрудицией. Совместная поездка позволила мне дружески сблизиться с ним.

Бенарес, другое название Варанаси, — это город с миллионным населением, а главное, он является местом религиозного паломничества индуистов и буддистов. В год туда совершают паломничество более миллиона человек. Бенарес возник около VII века до нашей эры. Он расположен на священной для индусов реке Ганг.

В городе более 1300 храмов различных ответвлений индуизма и буддизма, в том числе известный храм Золотого Шивы. Сохранились несколько прекрасных дворцов XVI века, таких как Манн Мандир. Припоминаю: храм, где обезьяны заполняют парк и все галереи храма, и, так как сами являются священными, ведут себя очень раскованно и могут сорвать шляпу с посетителя или, что бывает чаще, вырвать у туриста какой-либо блестящий предмет, самопишущую ручку, а то и сумку. Об этом, кстати, многократно предупреждают и гиды, и служители храма. Говорят, что обитатели храма раз в неделю целым стадом в сотню, а то и две сотни обезьян делают налёт на местный базар, чтобы запастись провиантом. Или ещё один храм — храм, который туристы называют храмом любви, где стены украшены барельефами, изображающими различные позы соитий и просто любовные сцены. Индусы, видимо, большие специалисты в этом вопросе.

Но самое большое впечатление от Индии в целом, и от Бенареса в частности, на меня произвели люди. По улицам города текла шумная людская река, и пока мы еле-еле продвигались на машине, по обе стороны дороги шли паломники. По правой стороне — в направлении Ганга, а по левой — уже возвращающиеся оттуда. На правой стороне довольно часто были видны группы, несущие прямо на руках умерших, завернутых по обычаю в материю и обложенных традиционными гирляндами цветов.

Для нас была организована экскурсия на небольшом пароходике по Гангу. По всему берегу реки со стороны Бенареса была видна кишачая масса людей. Они не задерживались «на пляже», а только раздевались, входили по колено, может быть, по пояс, в воду, проводили омовение в священной реке и тут же уходили, освобождая место для других. То там то здесь, прямо на берегу, чёрными клубами дымились костры, на которых кремировали умерших. Кремировали — это слишком громко сказано, так как дров в окрестности Бенареса очень мало. Наш провожатый объяснил, что превращение покойников в пепел скорее носит условный характер: как только костер прогорает, всё его содержимое спускается в реку. Наш провожатый, понимая, что зрелище для европейца выглядит, мягко говоря, странно, просил не фотографировать и довольно скупое комментировал всю эту картину.

В Индии, благодаря тому же Оже, я был приглашён в гости к одному ещё сохранившемуся тогда магарадже. Основные земли его владений были к тому времени национализированы, но огромный дворец и масса слуг говорили о былом величии. Сам магараджа был молодым человеком, получившим образование в Оксфорде в области естественных наук с упором на физику, и поэтому преклонялся перед Оже, и нас принимали на самом высоком уровне.

Застолье сменялось специфическими развлечениями: осмотром большой галереи-музея различного оружия, а затем катанием на слонах. Удовольствие, конечно, относительное и требует хорошего вестибулярного аппарата, так как создаётся полное впечатление, что тебя бросает на волнах из стороны в сторону. Слоны были чистые, ухоженные, украшенные богатыми попонами, а люльки являли собой просто произведения декоративного искусства.

Особенно запомнился мне показ дикого тигра. Нас пригласили на большую террасу на втором этаже дворца. Там были поставлены несколько подзорных труб на треногах и лежали бинокли. Было сказано, что на опушке леса, думаю, метрах в пятистах, должен появиться тигр, для которого в определённое время и в определённом месте выкладывается

барашек. Охота на этого тигра запрещена, и, как нам рассказали, случаев нападения тигров на людей в этом районе не отмечалось уже много лет.

Действительно, тигр появился с опозданием не более чем на пятнадцать минут, пока нас обносили различными напитками. Вся наша компания бросилась к подозрным трубам, хотя тигра можно было видеть и простым глазом. Помню, что тигр не схватил барашка и не потащил в лес, а по-хозяйски, не спеша, начал его лопать прямо на опушке.

Благодаря письмам, которые написала ещё в Париже моя ассистентка индуска Нехалчан своим друзьям в Дели, меня пригласили несколько заметных в индийском обществе человек.

Так я познакомился с помощником премьер-министра, с которым обедал по его приглашению в Поло-клубе. Мы сидели на открытой террасе, а на поле в это время проходила игра. Помощник был очень интересный собеседник и охотно в дружелюбном тоне рассказывал о проектах, которые вынашиваются в правительстве.

Также я был приглашён в дом одного крупного бизнесмена. Запомнилось, что бизнесмен в знак своего расположения ко мне, а он был родственником моей коллеги по ЮНЕСКО, в заключение нашего обеда преподнёс мне подарок.

Новое задание Центра заключалось в том, что нужно было попытаться восстанавливать агентурные отношения с давно потерянной связью, с Полком. В годы войны нашей службой был привлечён к сотрудничеству западный дипломат Полк. Полк искренне сочувствовал нам и был на стороне Советского Союза в борьбе с фашистской Германией. Одно время он даже занимал пост посла в одной из стран и в тот период передавал нам всю возможную информацию. Денег за свою работу он не брал и работал на идейной основе. Почти сразу после окончания войны он ушёл с дипслужбы и отошёл от работы с нами. Тогда мы не пытались его искать. Дело ушло в архив. И вот, спустя лет десять — двенадцать, Полк попал в поле зрения наших служб. В Центре было решено попробовать восстановить с ним контакт, как с надёжным и, возможно, интересным человеком. Центр дал указания в Париж, так как Полк в это время жил в Париже и сотрудничал с фондом, работающим в области культуры и литературы. Фонд обосновался в Париже. Задание, естественно, было передано мне, с учётом моей работы по прикрытию. Я сумел выяснить, где живёт и работает Полк. Провёл предварительную его «установку». Затем продумал подходящий предлог в офис Полка. Офис территориально находился недалеко от ЮНЕСКО, и я решил идти без предварительного звонка и постараться попасть к Полку на приём. Все прошло строго по

моему сценарию. Секретарь провела меня к шефу, и я был им любезно принят. Я представился сотрудником ЮНЕСКО, но не скрывал, что являюсь советским гражданином. Мои вопросы были продуманными и задавались не от имени ЮНЕСКО, а специально, с ярко выраженным интересом Москвы. Разговор получился достаточно лёгким. Полк рассказывал об его организации, в работе которой Советский Союз, конечно, в то время не участвовал. Я зашёл к нему вскоре ещё раз. Полк не подал вида, что как-то был связан с Россией или имеет к нам особый интерес.

Мы посоветовались, обсудили результаты моего визита к Полку в резидентуре и свои выводы доложили в Москву. Я получил одобрение моих действий и указание сделать попытку восстановить агентурные отношения.

Побывав у Полка ещё раз с коротким визитом, я пригласил его на ланч в небольшой милый ресторанчик. Было тепло, и мы, встретившись прямо в ресторане, устроились на открытой террасе. Это я продумал заранее, так как на террасе было более удобно разговаривать, не опасаясь, что кто-то услышит.

Мы в резидентуре знали о Полке очень мало — из Центра свежей информации тоже не было. Приходилось гадать, какая будет реакция у Полка, когда вещи будут названы своими именами. Никакого пароля или других условий связи у нас не было. Следовало передать привет от Михаила Фёдоровича и заявить, что последний хорошо помнит Полка и «надеется на взаимопонимание». Попытались с резидентом просчитать варианты реакции, но сошлись на том, что я сам должен выбрать и подготовить способы объяснения.

Хорошо сидим на террасе, мило беседуем. Подвожу к тому, чтобы услышать, что мой собеседник был дипломатом и работал в разных странах. Наконец, доедая Tornado, «вспоминаю», что мой хороший товарищ в Москве Михаил Фёдорович просил кланяться и вспоминает моего собеседника с большим уважением и добрыми чувствами. Мой французский позволяет ловко и без напряжения произнести эту витиеватую речь с ключевыми словами «Михаил Фёдорович». Мгновенной реакции нет, но и пауза не затягивается. Полк с улыбкой, без видимого волнения (кадровый дипломат) говорит почти следующее: «И вы оттуда!» Но не отнекивается и вскоре спрашивает, чего же мы от него хотим по большому счёту. Деликатно, но прямо поясняю, что хотели бы восстановить сотрудничество и получать от него актуальную политическую информацию, ну и, возможно, другую помощь, особенно по интересующим нас людям. Не спеша, очень ясно Полк излагает своё видение вопроса. Он

поясняет, что Советский Союз тогда был в большой опасности, и он хотел помогать нам и делал всё, что мог. «Чума гитлеризма» кончилась, Союз победил, и теперь это мощная держава, которая с каждым годом, по его мнению, будет становиться ещё сильнее. Он прямо сказал: «Вы теперь не нуждаетесь в моей помощи, да и мои силы и возможности уже совсем не те. Моя помощь просто не будет такой полезной и сколько-нибудь значимой!» Разговор, по-прежнему в любезной тональности, продолжается. Он поясняет, что я лично ему симпатичен и, что в «способностях» нашей службы он не сомневается, но что исключает агентурное сотрудничество, а со мной, в частности, готов и далее поддерживать самые добрые отношения. В этой связи он сообщает, что по средам у себя дома проводит вечера at home, на которых бывают его знакомые и друзья из дипкорпуса, люди искусства, писательская братия, и что он приглашает меня на эти встречи, желательно, для начала, с женой. На этих вечерах он готов познакомить меня с любым из гостей и представить меня им в лучшем свете, а там дальше «вам виднее». Это, как он пояснил, небольшой салон, о подобном салоне писывал Лев Толстой в «Войне и мире», рассказывая о светской жизни. Договорились, что я к нему в любом случае зайду в офис через пару недель.

Доложили подробно в Центр и обсудили всё с резидентом. Мы в Париже опыта работы «в салонах» не имели. Любопытно, конечно, но в конкретном исполнении не очень представляется возможным. Центр «думал» довольно долго, но с учётом былых заслуг экс-агента и чётко высказанной им позиции было решено дальнейших попыток установления с ним агентурных отношений не предпринимать. Также сочли нежелательным использовать Полка для моих посещений «салона», чтобы не привлечь ненужное внимание спецслужб к личности Полка. Вопрос был окончательно закрыт при моём повторном кратком посещении Полка в его офисе.

Наступил день моего отъезда из Франции. Я решил плыть из Гавра в Ленинград нашим пассажирским пароходом. Перед отъездом я купил автомобиль, и было удобнее погрузить его на палубу в Гавре и отправиться прямо до Союза морем, чем гнать машину через всю Европу. Мы с женой и дочкой выехали на своей новой машине. Нас сопровождал наш товарищ на другой машине.

При прощании в ЮНЕСКО меня пригласили в «кадры» и предложили сдать наши международные паспорта, мотивируя тем, что у меня есть мой дипломатический паспорт, и этого более чем достаточно для въезда в Союз. До сих пор, все годы работы в ЮНЕСКО, я ездил в отпуск и в другие

страны по международному паспорту. Кадровики пояснили, что из Москвы я буду вынужден пересылать международные паспорта гарантированной почтой, и должен оставить расписку, что обязуюсь вернуть паспорт сразу по возвращении в Москву. Я, естественно, тут же сдал международные паспорта.

Мы прибыли в Гавр загодя. Команда погрузила вещи в каюту, а автомобиль закрепили на палубе. Посадка пассажиров, как было объявлено, должна была начаться часа за полтора до отплытия. И тут всё закрутилось. Оказалось, что нам, советским, требуется выездная виза, и начальник портового погранпоста чётко заявил, что помочь мне ничем не может. Я тут же позвонил в наше консульство в Париже и получил аналогичный ответ: «Помочь ничем не могу, тем более, что в воскресенье МИД, конечно же, не работает». Дорогая супруга уже начала рыдать, а дочка весело сопровождала меня на все переговоры. Я принял решение, что мы возвращаемся в Париж, а на следующий день либо заберу обратно свои международные паспорта, либо «бегу» в МИД за выездными визами, затем покупаю билеты на следующий день на самолёт до Копенгагена, и там мы перехватываем свой пароход и спокойно плывём дальше через Стокгольм и Хельсинки в Ленинград. До отплытия парохода остаётся минут 40, все нам сочувствуют. И здесь подходит начальник пограничников и сообщает мне, что в порт проводить наш пароход приехал префект Приморского округа. Пограничник поясняет, что здесь это верховная власть, которая может ему (пограничнику) отдать любой приказ. Быстро иду к префекту. Его помощник выслушивает меня, докладывает шефу. Префект меня принимает. Я достаточно толково, мой французский это позволяет, объясняю ему ситуацию. Префект просит меня подождать в приёмной и даёт распоряжение помощнику соединить его по спецсвязи с Министерством внутренних дел, где, видимо, намерен проверить мою личность. Проходит 15 томительных минут. Меня приглашают вновь в кабинет, и префект желает мне счастливого пути, сказав, что пограничникам указания уже даны. Не хочу настаивать, но сомневаюсь, что у нас такой поворот событий был бы возможен. Мы поднимаемся на корабль последними, и нас встречает сам капитан. Пребывая в лёгкой эйфории, отплываем домой.

И вот наш корабль покинул Хельсинки и направился к Ленинграду. В этот момент меня нашёл помощник капитана и вполголоса рассказал, что в Москве «разоблачили антипартийную группу Молотова, Маленкова, Кагановича». Я спросил, откуда информация, и узнал, что об этом сообщило радио Москвы. Я сказал помощнику, что если это сообщение

московского радио, то следует включить трансляцию по всему кораблю. Он как будто только и ждал команды, чтобы осознать, что происходит и что надо делать. Часа через два-три наш корабль замедлил ход и затем совсем остановился. Я не сказал, что мы плыли на корабле «Вячеслав Молотов». Далее с борта корабля была спущена люлька и два матроса очень ловко и довольно быстро покрасили название и вскоре отлично нарисовали новое название «Балтика». Под этим названием мы и вошли в порт Ленинграда, а «Балтика» много лет плавала по Балтийскому и другим морям. Так что не следует спешить давать имена здравствующих вождей городам и кораблям.

После четырёхлетней работы в ЮНЕСКО у меня навсегда осталось приятное воспоминание о Париже. Первое время я в ЮНЕСКО был единственным советским человеком. Года через два после моего приезда в Париж был назначен советский представитель при ЮНЕСКО. Этим представителем стал профессор-искусствовед, бывший президент общества культурных связей с зарубежными странами, Кеменов. У меня с ним сложились доверительные отношения, и я ему нередко помогал информацией и советами по различным возникающим вопросам работы в ЮНЕСКО, как старожил. Помню, как Кеменов, подарив моей жене на день рождения небольшую парижскую миниатюрку, написал на ней: «Лучше быть уж к дому ближе, если нет — тогда в Париже».

В Париже несколько всемирно известных мест, но я хочу рассказать только об одном, менее заметном, но не менее важном для Парижа и французов, — это могила Наполеона, несомненно, самого великого человека в истории Франции и самого почитаемого до сих пор. Наполеон захоронен в соборе Дома Инвалидов. Это один из шедевров классического стиля. Под главным куполом собора установлена гробница Наполеона. Наполеон умер 5 мая 1821 года в ссылке на острове Св. Елены. Только через семь лет англичане, пленником которых он был, разрешили французам перевезти прах императора во Францию. От Гавра, куда прибыл корабль с прахом, вверх по Сене и через Париж останки Наполеона провожала вся страна. Останки императора по примеру египетских фараонов замурованы в шесть гробов: два свинцовых и три из дорогих пород древесины. Гробы покоятся в большом саркофаге из красного гранита. По кругу главного зала собора стоят восемь статуй, символизирующих победы величайшего военачальника Франции, «охраняющих покой императора». В соборе захоронены его приближенные генералы Бертран и Дюрок, его сын король Рима и братья Жером и Жозеф, а также маршалы Тюренн, Вобан, Фош и Лиотей.

Глава шестая. Служба «Д». Служба «А»

По возвращении в Москву я был назначен в специальное подразделение. Оно только что было создано. «Управление Д» (дезинформации), позднее ему дали более благозвучное название — «Служба «А», активные мероприятия. Я попал вновь под начало к шефу и создателю этой службы Ивану Ивановичу Агаянцу, он же был короткое время моим руководителем в начале карьеры в разведке, ещё в европейском отделе.

Агаянц, теперь посмертно, хорошо известен как талантливый разведчик и исключительного ума руководитель. Сейчас о нём регулярно говорят и пишут.

Упомяну для примера лишь несколько таких операций, и то только потому, что они носили характер контрпропаганды и широко освещались в печати.

«Записки Пеньковского»

В 1962 году был арестован и предан суду полковник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооружённых сил СССР Олег Пеньковский. Вместе с Пеньковским на скамье подсудимых оказался мелкий английский бизнесмен Винн, который использовался английской разведкой в качестве связника для работы с Пеньковским, так как он часто посещал Советский Союз.

Я был подключён к «делу Пеньковского» и присутствовал на слушаниях в суде, который проходил в Колонном зале Дома Союзов. Приговор суда был суров, но справедлив. Пеньковского расстреляли, а Винна, его английского связного, осудили и через некоторое время обменяли на нашего нелегала Лонсдейла. Как только американцы убедились, что Пеньковский действительно расстрелян, в ЦРУ было принято решение максимально использовать «такой заряд» для очередной пропагандистской кампании.

Большими тиражами, сначала в США и Англии, а затем и в ряде других стран вышла книга, якобы являющаяся переводом на английский переданных Пеньковским англо-американцам своих личных записок. Книга так и называлась «Записки Пеньковского». Она являлась собранием «разоблачений» советской политики, якобы основанных на личных впечатлениях и информации Пеньковского, полученных им в Москве от общения с видными фигурами, такими как маршал авиации Неделин, бывший председатель КГБ генерал армии Иван Серов, начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба генерал Ивашутин, и другими.

Даже первичный анализ книги, вышедшей только на английском языке, а как показало дальнейшее развитие событий, русского текста просто не существовало, подтверждал, что записки являются фальсификацией, основанной на устных сообщениях Пеньковского, записанных англо-американцами на встречах с ним за рубежом и приправленных солидной порцией пропагандистского вымысла.

Сделаю небольшое отступление. По моему глубокому убеждению, Пеньковский был типичным шизофреником с манией величия. Потерпев фиаско в своей оперативной работе разведчика в ГРУ, решил прославиться на стезе «мирового шпионажа». Я отлично помню, как на процессе во время допроса Винна Пеньковский вскакивал и кричал: «Нет, это было не

так, я разоблачу этого английского шпиона до конца!» Он имел в виду Винна, хотя речь на суде шла в первую очередь о самом Пеньковском. Я сидел довольно близко от сцены и видел явно ненормальные глаза этого человека. Известен и ряд других примеров его «странного» поведения. Находясь в командировке в Англии, он потребовал, например, чтобы его хозяева срочно сшили для него мундиры полковника американской и английской армии. Он фотографировался в этих мундирах «для истории». Он потребовал, чтобы его представили лично королеве. Англо-американцы, очевидно, понимали психические отклонения Пеньковского — их специалисты быстро поставили диагноз — и работали безобразно, как разведчики. Встречи шли одна за другой. Они спешили как можно быстрее получить от него любую доступную ему информацию, заранее зная, что он быстро провалится.

В период работы с англо-американцами Пеньковский уже не работал в центральном аппарате ГРУ, а был под «крышей» в Государственном комитете по науке и технике. На мой взгляд, было ошибкой представлять Пеньковского, как на суде, так и в нашей печати, не как полковника ГРУ, а как сотрудника гражданского учреждения. Стыдно, конечно, говорить о предательстве офицера Генерального штаба, но, с другой стороны, смешно прикрываться фиговым листком, когда во всём мире писали и пишут о полковнике Пеньковском. В то же время в ЦК, да и в КГБ, хотелось громкого антиамериканского дела.

Специалисты ЦРУ вскоре сочинили имидж Пеньковского, как «рыцаря без страха и упрёка», чуть ли не спасшего мир от третьей мировой войны. Пеньковский, по версии ЦРУ, явился главным источником информации о размещении советских баллистических ракет на Кубе. Я уверен, что если бы суд, на базе объективного медицинского заключения, Пеньковского не приговорил к расстрелу, а отправил на всю оставшуюся жизнь в «персональную палату» в институт Сербского, то не было бы никакого «героя» Пеньковского, защитника западных свобод и спасшего мир, не было бы и «Записок Пеньковского».

Оценив полученный текст «Записок...», было принято решение попробовать убедительно разоблачить фальшивку. Мы привлекли квалифицированных лингвистов, дали проработать «Записки...» опытному редактору, и вскоре вскрылся целый ряд нестыковок, даже прямых ошибок, которые можно было публично проиллюстрировать. Вот один только пример. В книге шла речь о генеральском госпитале, который, как было сказано в книге, находился в Москве во всем известном Серебряном Бору. Такой госпиталь в Москве имеется, но находится не в Серебряном Бору, на

окраине Москвы, а в самом центре — в маленьком Серебряном переулке, между Старым и Новым Арбатом. Ошибка, типичная для иностранца.

Для решения поставленной задачи подвернулся очень удобный случай. На тему работы разведок, в том числе об ошибках ЦРУ, и особенно о промахах КГБ, в Англии писал известный журналист польского происхождения Виктор Зорза. Его никак нельзя было заподозрить в просоветских настроениях, статьи его носили резкий, а иногда и злобный характер, и разоблачали КГБ. Он был при этом достаточно объективным журналистом. У нас нашёлся подходящий контакт, которому было поручено встретиться с Зорзой и наглядно, на примере «Записок Пеньковского», продемонстрировать ему то, что ЦРУ прибегает к методам откровенной фальсификации и обмана западной общественности.

Зорза взял из нашего анализа тезисы, разоблачающие сам факт, что «Записки» написаны не только не Пеньковским, но и вообще не русским человеком. Вскоре в крупнейшей английской газете «Гардиан» появилась сногсшибательная статья на целую газетную полосу, в которой Зорза в стиле классного журналиста не только привёл наши аргументы о подделке «Записок», но и добавил целый ряд своих квалифицированных замечаний и наблюдений.

Разоблачение получило самый широкий резонанс во всём мире, включая США. Естественно, статью цитировали и перепечатывали множество прогрессивных и левых изданий, не говоря уже о социалистических странах. Своего рода итог был подведён нашей большой статьей в газете «Правда».

Служба осуществляла и целый ряд других операций, которые носили не только разоблачительный характер, но получали политическое звучание, в соответствии с нашей позицией в холодной войне. Примером такой акции может служить операция «Лиотей». Анализируя деятельность спецслужб противника, я обратил внимание на документ английской разведки, озаглавленный «Операция Лиотей». Документы Интеллиндженс сервис в разное время передавали нам наши, не боюсь этого слова, великие помощники, такие, как всем известный Ким Филби и Джордж Блейк. Это был план подрывных операций против СССР на долгие годы — «Лиотей». Лиотей — французский маршал, завоеватель Северной Африки. Пишут, что в своей резиденции в Алжире, стремясь подчеркнуть, что французы обосновались здесь всерьёз и надолго, Лиотей приказал посадить вдоль дороги от резиденции к порту аллею наиболее красивых деревьев. Кто-то возразил ему, что эти деревья вырастут только через 30–40 лет, на что Лиотей сказал: «Тогда их надо было начать сажать ещё вчера».

Называя свой план «Лиотей», английский начальник разведки вкладывал в этот смысл то, что подрывные операции против такой страны, как Советский Союз, должны проводиться в любом случае, даже если их конечный результат проявится через десятки лет. Не преувеличивая заслуг англо-американских спецслужб, замечу, что в определённой степени эта их тактика себя оправдывала. План «Лиотей» содержал концепцию подрыва Советского Союза как изнутри, так и на внешнеполитической арене. Здесь были тезисы и о межнациональных противоречиях, и о поддержке центробежных сил в странах народной демократии и тому подобное.

В плане особое внимание уделялось разжиганию противоречий между СССР и Китаем. Именно потому, что недоверие между этими странами наносило вред, подрывало и ту и другую стороны, к чему, собственно, и стремились англо-американцы. План намечал целый перечень дезинформационных операций. Любопытно отметить, что англичане считали наиболее эффективным методом доведения дезинформации и провокационных сведений до нашего руководства не через каналы разведки, то есть имея в виду работу с двойниками и выходы непосредственно на наших оперработников, а ставили на первое место публикации хорошо замаскированной дезинформации в открытой, но солидной печати. Кроме того, противник доводил дезинформацию советским делегациям или нашим дипломатам высокого уровня.

Их логика была проста: в разведке каждую полученную информацию будут анализировать специалисты, а при малейшем сомнении будут её проверять и перепроверять, прежде чем направить в правительство. Публикации же в прессе, «слухи» или беседы заметных политических деятелей могут ложиться прямо на стол высших руководителей и оставлять в их головах нужный след.

Было решено предать гласности документ СИС с планом операции «Лиотей» в советской и зарубежной печати. Это было сделано. Сыграло ли это заметную роль в противодействии планам противника? В пропагандистском плане — да. Но думаю, что ЦРУ и СИС работали, работают и будут работать по плану «Лиотей» или его модификациям.

1 июля 1963 года британское правительство сделало заявление о том, что Ким Филби — советский агент. Месяцем раньше Ким уже благополучно прибыл в Москву.

Таким образом во всем мире узнали, что Филби, крупный сотрудник английской разведки, работал на Советский Союз. В Москве довольно долго никто об этом не знал, вообще не знали, кто такой Филби, исключая узкий круг осведомлённых лиц. В 1965 году Кима наградили орденом

Красного Знамени, и было принято решение придать гласности историю Кима Филби, опубликовав её в центральной прессе, в газете «Известия». И вот я с заведующим международным отделом газеты Вадимом Кассисом встречаемся с Филби у него дома, на квартире. Беседа проходит в его кабинете. Кабинет больше похож на библиотеку: кругом полки с книгами, письменный стол, заваленный бумагами и справочниками. Мебель в кабинете не новая, скорее даже старинная. Вся обстановка располагает к спокойной беседе. Ким доброжелательно замечает, что впервые принимает прессу у себя дома. Сила его обаяния чувствуется в каждом его слове. Это обаяние помогало ему не только в общении с друзьями, но и в общении с противником.

Ким сообщает, что его настоящее имя Гарольд Эдриан Рассел Филби, а Кимом его называл отец в детстве, по аналогии с мальчиком-разведчиком, героем Киплинга. Это имя с ним и осталось на всю жизнь. А его жизнь — героический роман.

Вот как это было. Сначала была Вестминстерская школа, как и полагалось для детей привилегированного общества. Далее — Тринити-колледж Кембриджского университета, один из самых крупных колледжей. Через некоторое время после окончания колледжа — сразу корреспондентом газеты «Таймс», и в феврале 1937 года отправляется в качестве военного спецкора на войну в Испанию.

Ещё будучи студентом Кембриджа, увлекается социалистическими идеями. Его близкие друзья — члены компартии или люди с коммунистическими убеждениями. Большую роль в формировании его мировоззрения сыграло пребывание в Австрии. Там он знакомится с советским нелегалом-разведчиком Арнольдом Дейчем. Выбор Филби в пользу коммунизма, а затем и решение работать на советскую разведку, был окончательным, на всю жизнь.

В Испании его разведывательной работой руководит опытный советский разведчик Александр Орлов. Орлов в то время был советником республиканского правительства в Испании по вопросам безопасности и одновременно резидентом НКВД в Испании. Филби завоёвывает авторитет в кругах, интересующих советскую разведку, и успешно получает из рук самого Франко крест «За заслуги». (Эта награда стала для него пропуском в правые круги Англии и Германии и сыграла свою роль при поступлении на службу в СИС, что и было одной из главных задач, поставленных перед Кимом руководством нашей разведки.)

В 1939–1940 годах Ким был военкором при штабе английских войск во Франции. Французы в этой войне потерпели поражение, и английские

части, воевавшие на стороне французов, отступали с большими потерями и поспешно эвакуировались в Англию через Булонь и Дюнкерк.

Возвратившись в Лондон, Филби вскоре получил приглашение на работу в СИС. Ким Филби сделал успешную карьеру. На этом поприще уже в 1944 году он получает назначение на должность начальника 9-го отдела разведки, то есть подразделения по проведению операций против Советского Союза и международного коммунистического движения.

Особый казус случился в августе 1945 года. По поручению начальника СИС, тогда его называли не иначе как господин «С» (это был сэр Мензис), Ким занялся срочным сообщением из резидентуры в Турции. В нём сообщалось, что русский вице-консул в Стамбуле Волков обратился к английскому коллеге с просьбой о предоставлении ему и его жене политического убежища в Англии. Он заявил, что является разведчиком, сотрудником НКВД. В обмен на предоставление убежища готов сообщить имена трёх советских агентов, действующих в Англии. Он заявил, что один из этих агентов руководит одной из служб контрразведки, а двое других работают в Форин-офис. Британский вице-консул писал всё это с оговоркой, что Волков был в неустойчивом психическом состоянии. Филби сразу понял серьёзность нависшей над ним и его соратниками Дональдом Маклином и Гаем Бёрджессом опасности. Бёрджесс и Маклин с помощью самого Филби ещё в тридцатые годы были привлечены к сотрудничеству с советской разведкой, также на идеологической основе. Оба действительно в данный момент работали на ответственных постах в Форин-офис. Филби тут же через связного в Лондоне сообщил о ЧП — предателе в Стамбуле. Он принял меры, хотя бы немного затягивающие решение этого вопроса в СИС и с радостью согласился лично встретиться с Волковым в Стамбуле. Наша служба сумела вовремя убрать предателя, и к приезду Филби в Турцию Волкова уже не смогли найти. Вопрос был закрыт. Правда, через несколько лет при новых обстоятельствах сообщение Волкова о трёх агентах советской разведки в Лондоне снова всплыло. Ким же вскоре после описанных событий получил назначение на пост резидента в Турции.

Филби оставался на виду у высшего руководства СИС и в 1949 году получил почётное назначение в Вашингтон на пост представителя СИС в США по связи с ЦРУ и Федеральным бюро расследований. Объём получаемой Кимом важнейшей информации значительно увеличился. Постоянные контакты установились с Алленом Даллесом, а затем с новым шефом ЦРУ Хеймсом. Позднее и с самим Эдгаром Гувером, шефом ФБР. В это же время Киму Филби стало известно об уликах, полученных в контрразведке СИС против Маклина. За Маклином была установлена

слежка, и было принято решение о его аресте. Он тогда был в должности начальника американского отдела в Форин-офис. Филби смог передать информацию только через Бёрджесса, который сумел выехать из США в Лондон. Служба приняла все меры по спасению Маклина, и в 1951 году они вместе с Бёрджесом исчезли из Англии. Они оба дружили с Филби, и тогда над Кимом начали сгущаться тучи.

Кима отозвали из Вашингтона и пригласили «на беседу». Скоро стало ясно, что речь фактически идёт о допросе. «Беседы» повторялись, их проводил дознаватель. Хотя серьёзных улик не было, но Ким был уволен из СИС «по собственному желанию». Какое-то время внешне всё было спокойно, ситуация вроде бы разрешилась. Но неожиданно в 1955 году в парламенте министру иностранных дел Макмиллану был задан вопрос, явно «со знанием дела», о «третьем агенте советской разведки» со ссылкой на разоблачение и исчезновении первых двух, то есть Маклина и Бёрджесса. Вопрос основывался на сведениях из известной записки Волкова в Турции. Макмиллан полностью опроверг подлинность информации и снял все подозрения с Филби, так как в вопросе явно имелся в виду Ким. Однако было решено — и нами, и самим Филби — уехать из Англии, где он находился под постоянным присмотром и опасностью ареста.

Ким Филби уехал в Ливан как корреспондент крупной английской газеты «Обсервер» и журнала «Экономист». Там он вновь начал активно работать на советскую разведку, используя при этом свою связь с представителями английской разведки в Бейруте. В 1963 году контакт Филби в СИС сообщил ему, что объявился свидетель, который дал показания, что ещё перед войной Ким Филби пытался завербовать для работы на советскую разведку некую Флору Соломон. Нависла угроза задержания Кима в Бейруте. Решение принято было быстро, и Ким покинул Бейрут на советском торговом корабле. Наши товарищи организовали выезд Филби при полной конспирации и смогли отправить в Союз не только все его вещи, но и довольно обширную библиотеку.

И вот вскоре, в 1965 году, на материалах нашей встречи с Кимом газета «Известия» опубликовала обширный подвал «Здравствуйте, товарищ Филби!», открыв советским читателям героическую фигуру Кима. Статья получила широкий отклик у нас и за рубежом: во всех соцстранах и в самой Англии.

Прощаясь с нами после встречи, Филби сказал, что рад раскрыть часть своей жизни перед советскими читателями, и добавил, что закончил свою книгу воспоминаний «My Secret War», которую намерен опубликовать в

ближайшее время.

Понятно, что рукопись книги была передана в службу. Вопрос об издании книги, после её просмотра нашим руководством (замечаний не было), был поручен мне. Возникло много далеко не простых вопросов.

Работа в службе над книгой дала мне возможность близкого общения с такой легендой разведывательной деятельности, как Ким Филби.

Скажу сразу: книга написана ясным простым языком и подкупает своей достоверностью, что нечасто бывает с мемуарной литературой. Вопросы работы Филби с советской разведкой были аккуратно опущены, и проблемы нарушения нашей «секретности» не возникали. Содержание и форма книги получили единодушное одобрение руководства и наших специалистов. И встал вопрос об её издании. Естественно, книга, написанная на английском, рассказывающая об одной из самых секретных английских служб, должна была быть издана в Англии.

Рукопись от имени Филби была направлена в одно из солидных и достаточно «независимых» издательств в Лондоне.

Очень быстро вылезли уши английских спецслужб. Рассказ об огромном провале и разоблачениях, конечно, им был не нужен. Издательство сообщило, что в связи с возникшими проблемами секретности и именем автора «табу» на издание книги по английским законам будет снято, только если материал будет предварительно опубликован в достаточно солидном издании в третьей стране. Подвернулась оказия, и мы сумели предложить рукопись крупнейшему парижскому журналу «Пари-Матч». «Пари-Матч» согласился с условием, что солидные отрывки из книги будут опубликованы при наличии интересных фотографий, в первую очередь, самого автора в московской обстановке. Фотографии сделали и передали в «Пари-Матч». Главная из них, которая стала широко известной — Ким Филби у памятника Карлу Марксу на Театральной площади. Французы остались довольны и, никого не спрашивая, опубликовали большие отрывки со всеми фотографиями. Лёд тронулся.

Англичане сообщили, что вопрос почти решён. Они сообщили, что по английским правилам для окончательного снятия «табу» необходимо, чтобы публикации были обязательно на языке рукописи. Довольно быстро наши товарищи в Штатах подыскивали второстепенное, но достаточно крупное издание — журнальный вариант. В Штатах опубликовали всё, что требовалось, почти без задержки. Теперь англичане сообщили, что приступают к изданию. Однако ещё одно очень любопытное весомое «но» возникло вскоре в Москве. Руководству службы позвонили из ЦК, из

секретариата Суслова и проявили интерес к книге Филби. Напомним, что Суслов, «серый кардинал», как его называли «за кулисами», был вторым человеком в Политбюро, и его влияние было очень велико. Нам стало известно, что на имя Суслова пришло письмо от руководства английской компартии (прямо от первого лица). В письме выражалось беспокойство публикацией книги Филби. Было сказано: из текста книги очевидно, что Филби согласился работать на советскую разведку из-за марксистско-коммунистических убеждений (речь шла о времени пребывания Кима в довоенное время в университете), и это даёт читателю и английской общественности представление, как утверждалось, что советская разведка вербует английских коммунистов и с их помощью ведёт шпионаж в Англии. Аргументация была слабой: хорошо известно, что накануне войны, на фоне растущей угрозы со стороны гитлеровской Германии, в английских университетах было массовое увлечение марксизмом. И многие известные английские деятели были увлечены марксистскими теориями, сочувствовали компартии и доброжелательно относились к Советскому Союзу. Однако вопрос был поставлен на таком высоком уровне, что требовался быстрый и ясный ответ.

Меня пригласил начальник разведки и дал указание поехать в ЦК на встречу с первым помощником Суслова с рукописью книги, её русским переводом. Я должен был подготовиться к беседе и на конкретных примерах из книги, жизни и работы Филби доказать нашу правоту и необходимость публикации книги. Я прибыл в ЦК и был очень доброжелательно принят помощником Суслова, он как раз отвечал за связь с зарубежными компартиями. Беседа была продолжительной.

Наши аргументы были убедительными. Собеседник попросил оставить ему экземпляр перевода, а нас вместе с Филби — попробовать «смягчить» некоторые места книги, заменив главную причину прихода Филби в советскую разведку (приверженность марксизму) более осторожными определениями. Например, обозначив как его главный идеологический мотив вопросы гитлеровской угрозы и проблемы борьбы за мир.

Помощник Суслова попросил прислать ему отредактированный вариант и обещал свою поддержку. Реакция нашего руководства была положительной, т. к. были опасения, что могут «запретить» издание вообще. Возможные поправки в рукопись были внесены. Конечно, в окончательном варианте их должен был сделать сам Филби. Ким был очень недоволен такой правкой и в самой деликатной форме продолжал отстаивать свою версию. Он говорил, что стремится написать книгу как

можно правдивее. Любые отступления от этого принципа вызывали его сопротивление. Но, естественно, работа была закончена. Отослали рукопись с внесёнными поправками помощнику Суслова и вскоре получили одобрение этого варианта книги.

В это время Киму пришла мысль послать рукопись известному английскому писателю Грехэму Грину. Грин во время войны сам работал в разведке и хорошо был знаком с тематикой. Кроме того, он был критически настроен по отношению к спецслужбам, что явно выразил в своих романах, в частности, «Наш человек в Гаване». Г. Грин проявил большой интерес к книге Филби и вызвался написать небольшое предисловие, где отметил полную правдивость книги и компетентность автора.

Это был большой успех. Английское издательство тут же приступило к изданию без всякой дополнительной редакции. С предисловием Грина книга вышла в свет, и вскоре была переиздана ещё в нескольких странах. Естественно, её издали во всех странах социалистического лагеря, и наконец она вышла в Москве на русском языке под названием «Моя секретная война». В самом начале работы над изданием книги мы, как и полагалось, должны были получить согласие ЦК партии на издание за рубежом книги «нашего человека». Письмо в ЦК было отправлено, и соглашение было получено. Я «догадался» указать в этом письме одной строчкой, что возможные гонорары будут отнесены на счёт лично автора, т. е. Филби. Вскоре выяснилось, что гонорары составили по тем временам приличные суммы, и это дало Киму некоторую «свободу» в материальном плане. Он, в частности, смог существенно помочь своему сыну, профессиональному фотографу. И не только деньгами, но и в его карьере, т. к. получил возможность пригласить сына в Москву, где тот сделал серию хороших снимков.

Одним из эпизодов этой работы стало «дело У-2».

В конце пятидесятых годов в США уже несколько лет в заключении находился блестящий наш нелегал полковник Рудольф Абель. Руководство разведки постоянно искало случай, чтобы выручить Абеля и вернуть его на Родину. Но случай не подворачивался.

И вот 1 мая 1960 года к генеральному секретарю КПСС Н. Хрущёву прямо на трибуне мавзолея Ленина, где Хрущёв и другие руководители страны приветствовали демонстрантов, проходящих по Красной площади, подошёл помощник. Он сообщил, что в приволжском районе в центре России сбит нашей ракетой американский разведывательный самолет У-2, который уже не первый раз делал полёт через всю страну на высоте более 20 000 метров, вне досягаемости наших зенитных установок или

самолетов. Американцы таким образом вели разведку наших глубокотыловых целей в тех районах, куда не имели доступа ни дипломаты, ни технические средства. Лётчик-шпион остался жив и был захвачен. Ракета, удачно посланная нашей зенитной батареей, разорвалась близко от самолета, и от удара волной или от попадания осколка самолёт начал разваливаться. Лётчик, опытный ас, сумел на высоте в 22 тысячи метров катапультироваться, не замерзнуть, в нужное время раскрыть парашют и приземлиться на колхозном поле, где его и задержали неподалёку работавшие колхозники. Лётчик в тот же день был доставлен в Москву.

В это же время, а именно на начало мая, была намечена встреча «в верхах». Президент США Дуайт Эйзенхауэр должен был встречаться с Хрущёвым в Париже. И весь мир ждал этой важной встречи в разгар холодной войны.

Наше очень резкое заявление по поводу полёта У-2 сразу поставило под вопрос встречу лидеров двух стран. Эйзенхауэр уже прибыл в Париж. Факт, что американский лётчик жив, не был предан гласности. ЦРУ заверило своего президента, что лётчик, конечно же, погиб, а самолёт на этой высоте развалился на мелкие части.

Президент, при таком заверении своей разведкой и по её прямой подсказке, сделал громкое заявление о «непричастности США к какому-то эпизоду с самолётом в СССР». Как же подставило ЦРУ своего президента, когда всё вскрылось, а встреча в Париже была сорвана на глазах у всего мира.

Через день Хрущёв выступил на специальном заседании Политбюро ЦК КПСС. Он рвал и метал по поводу двуличия и наглости американцев, и наконец заявил, что шпиона-лётчика нужно судить в нашей высшей судебной инстанции, приговорить к смертной казни и повесить на Красной площади.

Последовало полное молчание, и взоры всех присутствующих обратились к Руденко Роману Андреевичу, генеральному прокурору страны. Он не был членом Политбюро партии, но был приглашён именно на это экстренное заседание.

Руденко, очень грамотный юрист, уравновешенный и спокойный человек, поднялся и сказал: «Закона нет. Нет закона». «Как нет закона? — не мог остановиться Хрущёв. — Напишите закон!» Указание повисло в воздухе, так как это уже не относилось к генеральному прокурору. На другой день Хрущёв пригласил одного Руденко и попросил изложить возможные предложения.

Руденко подготовился, уже был на допросах Пауэрса, так звали захваченного лётчика, и коротко изложил свои предложения. Пауэрс шёл на сотрудничество со следствием, ничего особенно не скрывал и сообщил, что работал на ЦРУ по контракту, с задачей пролететь из Пешавара в Пакистане в Норвегию на самолете У-2, постоянно фотографируя на полуавтоматических аппаратах территорию СССР по всему маршруту. Руденко предложил провести открытый процесс в Москве над американским шпионом, пригласить на заседание суда семью Пауэрса и любых журналистов для широкого освещения всех перипетий дела в советской и мировой печати. Хрущёв был на этот раз спокоен. Задал несколько вопросов и полностью согласился с предложенным вариантом. Он заявил, что решение о суде будет принято, но непременным условием является то, что обвинителем на процессе будет Руденко, а все возникающие вопросы будут докладываться ему лично, Хрущёву. Вскоре о деле У-2 и о лётчике-шпионе Пауэрсе было широко объявлено в печати, и была назначена дата суда в Колонном зале Дома Союзов. В Москву приехали жена и отец Пауэрса, а также один или два американских адвоката, которые даже и не собирались выступать на суде. В Парке культуры им. Горького была открыта выставка обломков самолёта (то, что сумели собрать). Процесс проходил, с нашей точки зрения, очень успешно. В своей речи прокурор заклеймил американцев и их двуличную политику и в деталях рассказал о шпионской операции У-2 и базах ЦРУ в Норвегии и Пакистане. Пауэрс ничего не отрицал и ясно отвечал на все вопросы суда. Приговор ни у кого не вызвал сомнений, но был для нашего суда мягким — 7 лет тюремного заключения.

Прошло какое-то время, и наши товарищи провели первый зондаж через юристов, имевших отношение к делу Абеля, в том числе через известного адвоката Донована, который защищал Рудольфа Абеля в американском суде, о возможном обмене Пауэрса на Абеля. Донован проникся к Абелю большой симпатией, о чём писал в своей книге. Он охотно взялся за разрешение вопроса об обмене. Переговоры, вначале тайные, а затем открытые, оказались довольно сложными. И наконец все детали обмена, вплоть до места, точного времени, гарантий и т. д. были согласованы, и обмен состоялся по всем правилам детективного сценария. Абель, к радости родных и товарищей, вернулся в Москву. Он ещё долго работал в разведке и был с почётом похоронен. Кто пожелает, может поклониться его могиле на Донском кладбище, его могила находится недалеко от центрального входа.

Пауэрс прибыл в Штаты, получил очень большой гонорар, оплату по

контракту с ЦРУ за всё время его работы и заключения в тюрьме. Но, увы, от него за это время ушла жена, но ещё хуже, через пару лет он погиб в автокатастрофе. Наши специалисты говорили, что ЦРУ — не та служба, которая может простить такую «пощёчину», которую она получила по «делу У-2» с участием Пауэрса.

Кто вы, доктор Зорге?

Хочу здесь рассказать о совершенно особенном случае. Мы сидели ещё на Лубянке, и там существовал порядок, по которому довольно часто в Центральном клубе им. Дзержинского днём показывали новые иностранные фильмы на языке оригинала, без перевода. Имелось в виду, что те, кто учит язык на спецкурсах, могут с пользой смотреть эти фильмы. На этот раз был объявлен французский фильм «Кто вы, доктор Зорге?». Фильм мне понравился и профессионально заинтересовал. Речь шла о советском разведчике-нелегале, работавшем в Японии прямо пред войной и в самый сложный для нас период начала войны с Германией. Фильм игровой, но поставлен на базе достоверных материалов и документальных свидетельств. Актёры были отличные, о режиссёре же фильма, а это был Ив Чампи, я, честно говоря, ничего не знал. Понимая возможный интерес нашей службы к такому фильму, решил доложить о своих впечатлениях моему шефу Агаянцу, который тут же позвонил Григоренко, начальнику управления внешней контрразведки. Я был направлен к Григоренко, который уже выяснил, что нелегал Зорге существовал и был действительно казнён в Японии, и до настоящего времени «не признан» нами. Я повторил свой рассказ Григорию Фёдоровичу, а тот сумел сообщить о фильме прямо председателю Ю.В. Андропову. Ю.В. (так его называли в службе) выразил желание посмотреть фильм. В этот же вечер, в том же большом зале клуба (так как соответствующая аппаратура была только там). Просмотр состоялся. Я был приглашён в качестве переводчика. Группа расселась в середине пустого зала, а я разместился за спиной председателя и перевод говорил ему прямо в затылок. Кто знает, тот поймёт, что переводить фильм с экрана без специальных наушников непросто, так как своим голосом сам себя забиваешь. Но, так как я смотрел фильм второй раз и язык знал прилично, то справился вполне успешно.

Ю.В. дал Григоренко указание подготовить для него справку по делу Зорге, запросить Токио о возможных новых фактах по Зорге в Японии и разузнать всё о режиссёре в Париже. Григоренко тихим голосом ответил, что дела Зорге у нас нет, так как оно находится в ГРУ. На что Андропов ответил: «Заберите дело себе, подготовьте до пятницы справку, и доложите мне» (дело было в среду), затем добавил, что фильм он возьмёт с собой и покажет в Политбюро. Кому же ещё? Было очевидным, что фильм ему понравился. Доклад и справки были представлены председателю в срок.

Далее была написана записка в ЦК, и вскоре вышло решение: фильм купить, дублировать и показать первым экраном.

Из материалов дела стало известно, что наш разведчик-нелегал Рихард Зорге родился 4 октября 1895 года в Баку в семье немецкого инженера, работавшего на нефтеперерабатывающем предприятии. Мать Рихарда Нина Степановна Кобелева — русская. Уже вскоре после рождения сына семья Зорге переехала в Германию. Рихард, естественно, полноправный гражданин Германии, успешно учился, добровольно пошёл в немецкую армию во время Первой мировой войны. Воевал и дослужился до звания капрала. Был трижды ранен. Был награждён железным крестом «За храбрость».

Зорге получил хорошее образование в университетах Берлина и Гамбурга и имел учёную степень по экономике. В это время он активно работал сначала в соцпартии, а с 1919 года — в коммунистической партии Германии и редактировал в Франкфурте-на-Майне партийную газету. В 1924 году Зорге переехал жить в Советский Союз, получил гражданство и вскоре вступил в ВКП(б) и был определён на работу в Коминтерн. Уже оттуда в 1929 году его привлекли для работы в Разведуправление Красной армии. Привлёк к работе и участвовал в его подготовке как разведчика-нелегала лично руководитель военной разведки легендарный Ян Берзин. С 1930 года Зорге работал в Китае, а в 1933 году, как уже известный журналист, был направлен в Японию корреспондентом влиятельных немецких газет «Франкфуртер цайтунг» и «Бёрзен курьер».

К 1941 году Зорге сумел создать в Токио уникальную сеть источников. Вспомним только одного из них: это его преданный помощник Одзаки. Он был личным секретарём премьер-министра Японии принца Коноэ. Важную роль играли отношения Зорге с Оттом, послом Германии в Токио. Эти отношения были полностью доверительными, настолько, что Зорге знал обо всех документах посольства, в том числе телеграммах, получаемых из Берлина.

В это же время Зорге наладил личную переписку с главой немецкого информационного бюро фон Ритгером, которому регулярно направлял в Берлин обзоры по вопросам обстановки в регионе и в Японии. Материалы этого бюро постоянно использовала германская разведка. О Зорге шеф разведки Вальтер Шелленберг знал лично от фон Ритгера. Он ценил аналитические записки Зорге, хотя держал личность Зорге под подозрением, получив некоторые сведения о биографии последнего. Шелленберг даже доложил о своих опасениях своему шефу, начальнику Главного управления имперской безопасности Гейдриху, а после смерти

Гейдриха и самому Гитлеру. Осторожный разведчик перестраховывался.

В предвоенные годы в Советском Союзе наступили сложные (мягко выражаясь) времена: Ян Берзин, руководитель военной разведки и прямой начальник Зорге, в 1938 году был арестован и расстрелян; были уничтожены почти все руководители военной разведки; отозвано и репрессировано большое количество сотрудников загранаппарата. То же происходило и в разведке госбезопасности Советского Союза.

В 1940 году была арестована жена Зорге Екатерина Максимовна и выслана в Красноярский край, где умерла в 1943 году. «Рамзай» (кличка Зорге) не мог не знать этих перипетий и понимал, чем закончится его приезд в Союз, а его в 1940 году трижды официально телеграммами вызывали в отпуск в Москву. Зорге трижды отвечал в Центр: в январе и мае 1940 года, что «принимает все приветы и предложения об отпуске», но не может ставить об этом вопрос, так как политическое положение осложняется, и его отсутствие в такой важный момент сразу сократит количество информации. В октябре он прямо написал: «Могу ли я рассчитывать вернуться домой после войны?» В 1940–1941 годах «Рамзай» передал в Центр большое количество важнейшей информации. Он сообщал о решении Германии напасть на Советский Союз и о конкретной дате начала войны.

В 1941 году Зорге добыл важнейшую и доказательную информацию о том, что до 1942 года Япония не выступит против СССР. Это сыграло очень важную роль, позволив нашему командованию снять с восточных границ страны двадцать шесть свежих подготовленных дивизий. Хорошо обученные так называемые сибирские дивизии были переброшены на Западный фронт, в значительной части прямо под Москву, где эти части сыграли немаловажную роль прямо в обороне нашей столицы.

Японская контрразведка не раз засекала зашифрованные радиопередачи Зорге; естественно, пыталась запеленговать и определить место передач. Они не могли расшифровать перехваченные шифровки и установить место нахождения передатчика. «Рамзай» передавал шифровки сам, часто с небольшой парусной лодки, постоянно меняя своё местонахождение.

18 октября 1941 года Зорге был арестован. После продолжительного следствия в сентябре 1943 года он был приговорён к смертной казни через повешение. Вместе с Зорге был осуждён и его верный помощник Одзаки. Казнь Зорге и Одзаки состоялась в токийской тюрьме «Сугамо» 7 ноября 1944 года. Тело Зорге было захоронено там же, во дворе тюрьмы, и только в 1967 году его останки были перезахоронены на кладбище Тама в Токио.

Японцы подробно проинформировали по делу Зорге гитлеровское

руководство. Доказали, что немецкий посол фон Отто был важнейшим источником информации для Зорге и все секреты германского посольства в Токио становились известны Москве. Японцы даже объявили немецкого посла персоной *non grata* и выслали из страны. Гитлер был взбешён, как пишет в своей книге Шелленберг, «делом в Токийском посольстве». Немцы просили выдать им Зорге после приговора в японском суде, но японцы отказались, так как важных японских секретов у Зорге было слишком много, и они никак не хотели, чтобы их секреты попали к кому-то постороннему, даже к их союзникам немцам. Советский Союз не признал Зорге своим агентом и не признавал вообще его существования двадцать лет.

Шелленберг пишет, что работа советского агента Рихарда Зорге нанесла огромный ущерб Японии. Очевидно, что и для Германии этот ущерб также был очень серьёзным. Шелленберг, использовавший аналитические записки Зорге, приготовленные им для главного немецкого информационного бюро в Берлине, оправдывал себя тем, что, согласно его анализу, не было случая, чтобы материалы от Зорге несли в себе какую-нибудь попытку дезинформирования. Можно с уверенностью полагать, что эти записки Зорге в немецкое бюро не содержали строго секретной информации, но были очень полезны для самого Зорге, так как играли роль прикрытия, представляя его окружению как человека, верного гитлеровскому режиму. В посольстве в Токио считали, что Рихард активно сотрудничает с Берлином, и это открывало перед ним дополнительные возможности в работе с послом и другими немецкими и японскими представителями.

Оценки Шелленберга по делу Зорге представляют несомненную ценность, особенно если вспомнить, кем был Шелленберг. Уже служа в гестапо в 1941 году, во время нападения Германии на Советский Союз, он был назначен начальником внешней разведки Германии, а в середине 1944 года после ликвидации абвера получил под своё начало и военную разведку Германии. Он стал во главе объединённой разведывательной службы страны. Умный и хитрый гестаповец был на своём посту до дней капитуляции Германии, держа руку на пульсе происходящего. В последний момент по дипломатическим документам он укрылся в Швеции при полном согласии шведов. Однако по требованию союзных держав он был выдан союзниками и возвращён в Германию на судебный процесс в Нюрнберге. По делу главных военных преступников Шелленберг был привлечен в качестве только свидетеля. Только в начале 1948 года он предстал перед американским военным трибуналом в числе немецких

преступников второго и третьего «эшелона». Был осуждён, хотя получил щадящий приговор — шесть лет тюрьмы. Довольно скоро, в 1951 году, он был освобождён, правда, действительно в связи с тяжёлой болезнью. В 1952 году он умер в Турине в Италии.

Итак, фильм «Кто вы, доктор Зорге?» выходит на экраны. Служба даёт небольшой материал в печать, говоря о реальности главного героя и всей истории, и решает пригласить режиссёра Ива Чампи на презентацию фильма в Москву. Тот с удовольствием соглашается и приезжает. К нему в сопровождение и в качестве переводчика был прикреплён наш товарищ Василий Окулов, который работал в Париже по линии культурных связей, когда я там работал в ЮНЕСКО. Я его знал очень хорошо и знал, что он отлично владеет французским.

Презентация фильма состоялась. Чампи давал многократные интервью. Фильм был, как говорят теперь, «хитом года». И было решено, как и полагалось в нашей практике, доложить об итогах работы запиской в ЦК.

В записке были подчёркнуты очень большие заслуги самого Зорге и успех показа фильма. Было ясно, что следовало бы отметить подвиг разведчика Зорге, пусть даже спустя двадцать лет. Мы предложили представить Зорге к званию Героя Советского Союза (посмертно), и КГБ вышел с таким предложением в ЦК. 5 ноября 1964 года Рихарду Зорге было присвоено это высшее в нашей стране звание. Уже совершенно без нашего участия именем Зорге были названы улицы в ряде городов, десятки кораблей, его имя присвоено школам, созданы музеи в Москве и Баку. О нём были написаны книги и десятки статей. В бывшей ГДР и Советском Союзе выпустили памятные почтовые марки с портретом Зорге и т. д. — всё это, несомненно, замечательно, но почему-то немного грустно...

Дружеские службы. Венгрия

Служба активных мероприятий поддерживала постоянный контакт с разведками соцстран. В этой связи я побывал в Болгарии, в Чехословакии и Венгрии. Наши отношения были самыми дружескими, и проблемы взаимодействия решались сравнительно легко. Расскажу о примере такого взаимодействия с венгерской службой госбезопасности. Венгерская разведка получила серьёзные документальные свидетельства о подрывной деятельности ЦРУ США против их страны, как в среде многочисленных венгерских эмигрантов, так и непосредственно на территории Венгрии. Помню, что мы смогли дополнить материалы венгров имеющимися у нас фактами и документами. На этой базе созрел план придания этих материалов гласности и проведении пропагандистской кампании по разоблачению подрывной деятельности американских спецслужб. В то время такая акция представлялась для венгерского правительства очень актуальной. Венгры решили начать осуществление задуманного с разрекламированной пресс-конференции министра государственной безопасности страны и обратились к нам с просьбой прислать специалиста для её подготовки. Выбор пал на меня. В течение нескольких дней я с участием венгерских товарищей и переводчиков готовил как сами материалы, так и тезисы выступления министра. Далее были проработаны вопросы, которые должны были быть заданы на пресс-конференции, и ответы на них, а также продуманы возможные вопросы, которые могли возникнуть в ходе пресс-конференции, и варианты ответов на них. Подготовка в Будапеште была окончена, и я отбыл в Москву, так как дата проведения мероприятия ещё не была определена. Через несколько дней я уехал в отпуск в один из крымских санаториев. Прошла ещё неделя, и однажды утром меня на пляже нашёл сам директор санатория, объяснив, что мне приказано срочно прибыть в Москву, и что билет для меня заказан на ближайший рейс самолёта, и машина на Симферополь меня ждёт. Я позвонил в Москву по «ВЧ» И. Агаянцу. Он просил прямо с самолёта заехать на службу и в этот же день вечером вылетать в Будапешт. В Москве выяснилось, что венгерский министр просил, чтобы сотрудник, который готовил материалы, находился непосредственно в штабе подготовки и работы его пресс-конференции. Он получил пояснение от своих подчинённых, что это можно осуществить в столь короткий срок (конференция должна была состояться через день) только по его личному

министерскому каналу, т. е. его звонком председателю КГБ Андропову. Звонок состоялся — и машина завертелась. Это, пожалуй, и был единственный вариант быстро получить все санкции, документы и улететь в тот же день.

Я занял место в самолёте венгерской авиакомпания в самой гуще пассажиров, и мы взлетели. Стюардесса пошла по рядам, задавая одни и те же вопросы: «Вы из группы? Вы из делегации?» и получала повсюду положительные ответы. Наконец, подойдя ко мне, назвала меня по фамилии и, убедившись, что я — это я, пригласила меня в пустой салон первого класса и заявила, что это приглашение командира корабля, который меня просит с ним поужинать. Были накрыты столики, вышел командир корабля, выпил со мной рюмку вина, и, пожелав приятного полёта, оставил меня в компании стюардесс. Они ухаживали за мной как могли, предлагали разные вина и закуски. Уже в Будапеште я узнал, что шеф венгерской контрразведки, к которому в помощь я летел, дал через авиационное начальство команду к такому тёплому приёму меня даже на борту самолёта.

Конференция прошла успешно. Пресса дала отличные отзывы. На конференции я сидел в спецкомнате с переводчиком и следил за ходом событий. На второй день, проанализировав результаты, я предложил венграм написать специальную записку в Политбюро партии с анализом, и этим подвести итоги мероприятия, как это было принято у нас. Для венгерских товарищей это было новинкой. И когда я взялся написать такую записку сам, все восприняли это с радостью. Написанная мною записка была переведена, отредактирована и доложена министру. Ему эта идея очень понравилась. После успешного доклада записки генсеку партии министр меня пригласил, поблагодарил и сказал, что передал письмо с благодарностью в Москву. Естественно, венгры принимали меня наилучшим образом. Мне показали страну, конечно же, повезли в известные винные погреба, где я «сумел» определить при дегустации лучшее вино погреба и получил в подарок от директора винзавода ящик этого вина.

Первый выход Блейка в печать

В авангарде холодной войны были, как всегда, Соединённые Штаты и их верный союзник во всех делах такого рода Англия. Уточним, что организатором конкретных операций против Советского Союза была англосаксонская дипломатическая служба, но в первую голову, конечно, разведывательные службы этих стран — Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США и Сикрет интеллидженс сервис (СИС) Англии. У нас созрело предложение подготовить большую разоблачительную статью в центральную прессу в газету «Известия» на базе материалов Джорджа Блейка и его личное интервью с наиболее яркими примерами шпионской деятельности СИС. По специальной записке в ЦК КПСС было получено решение ЦК с одобрением планируемого мероприятия.

Я встретился с Блейком как журналист (на первой встрече) и предварительно обсудил с ним некоторые важные моменты для интервью. Я побывал также у главного редактора «Известий», а затем подготовился вместе с двумя «известинцами» к встрече с Блейком. Это были заведующий иностранным отделом газеты Вадим Кассис и обозреватель Леонид Колосов. Оба — мои хорошие знакомые по работе в печати и мои личные старые друзья. Я прибыл вместе с Блейком в «Известия». Встреча проходила в «Известиях» в кабинете Кассиса за чашкой чая в самой сердечной обстановке. Это была первая наша открытая акция по материалам Блейка и, как он потом признался, его «первое в жизни интервью журналистам».

Как известно, Блейк был осуждён в Англии на сорок два года тюрьмы за «шпионаж в пользу Советского Союза». Самый большой срок в истории Англии нового времени, сложившийся из нескольких сроков, определённых английской фемидой, так как по одному приговору по закону можно было осудить обвиняемого максимально на 14 лет тюрьмы. Суд нашёл вариант сложения сроков по пяти различным приговорам и насчитал 42 года.

Беседа велась непринуждённо, по намеченному нами с Блейком плану, на русском языке, что, конечно, очень помогало взаимопониманию. Отвечая на вопросы, Блейк подробно рассказывал о себе, борьбе с немецкими оккупантами в рядах голландского Сопротивления и о сложнейшем переезде в Англию во время войны через Францию и Испанию, и о своём пребывании в концлагере. Затем, и это было главным, был рассказ о работе в СИС (М-5), о десятке операций М-5 и о сотнях

агентов СИС, действовавших в различных странах и разоблачённых нами по материалам Блейка.

Рассказ Блейка лёг в основу «подвала» в газете, и мы дружно решили начать этот рассказ с воистину сенсационного побега Блейка из известной лондонской тюрьмы, где на особом режиме содержалось до полутора тысяч заключённых.

В шесть часов 22 октября 1966 года, в лондонский дождливый вечер (сумерки уже сгустились) недалеко от входа в лондонский госпиталь прямо напротив тюремной стены припарковалась машина. К госпиталю небольшими группками шли люди. В машине сидел человек с букетом цветов, видимо, посетитель больницы. Точно в условленное время с тюремной стены повисла толстая верёвка, и по ней стал спускаться человек. Верёвка оказалась коротковата, и человек завис на мгновение, а потом спрыгнул вниз. Спрыгнул не очень удачно — упал, вскрикнул, но поднялся. Водитель припаркованной машины кинулся помогать, подхватил человека и посадил в машину. Через мгновение машина рванула с места. Два-три поворота по полупустым улочкам и остановка на углу третьей. За углом ждала другая машина, чтобы случайный прохожий не видел пересадку пассажира, и снова вперёд, но опять недалеко. Далеко нельзя — важно выиграть время. Тревога по городу будет объявлена быстро. Десять минут — машина тормозит у небольшого дома — и пассажиры проскользнули в дом. На улице уже темно. Вскоре Блейк, а это был он, переодевшись из тюремной робы в домашнюю одежду, уже сидел у экрана телевизора и слушал новости о «сверхъестественном побеге» из «Wormwood Scrubs». Оказалось, что при падении со стены Блейк сломал руку. Это потребовало врача, но всё разрешилось. Побег совершён. Далее предстояло сменить ещё две квартиры и выбираться из Англии.

СИС и, конечно, Скотленд-Ярд подключили к поиску беглеца все возможные силы и средства: были перекрыты аэропорты, включая даже маленькие спортивные площадки, порты и всевозможные причалы на море; были привлечены частные сыскные агентства, сотрудничавшие со Скотленд-Ярдом; по городу были расклеены фотографии Блейка, правда, одна двенадцатилетней давности, а другая в тюремной робе, где он небритый и стриженный, совершенно на себя не похожий.

Операцию побега подготовили и провели ирландские пацифисты. Очевидно, неплохо организованные и смелые люди. Скотленд-Ярд был уверен, что побег подготовил и провёл КГБ, а поэтому англичане сами не верили, что найдут беглеца. Эта неуверенность сильно сбивала их с толку. Авторитет нашей службы помог и на этот раз. Блейк скрывался в Англии

около 2-х месяцев. Затем предстояло путешествие через Ла-Манш, через Францию и Западную Германию в Берлин и, наконец, — контакт с пограничником ГДР и советское представительство. Тут Блейка ждали, и сразу — Москва!

В 1944 году Блейк был принят на работу в СИС в голландскую секцию. Сыграло роль его совершенное знание голландского языка. По окончании войны он направлен на работу в Германию, в резидентуру СИС в Берлине. Ранее Блейк начал изучать русский язык и в резидентуре работал по советским объектам и советским людям в Берлине.

В 1948 году СИС создаёт резидентуру в Сеуле, и Блейка направляют туда «под крышей» вице-консула английского посольства с задачей собирать всевозможные материалы о советском Приморском крае и, в частности, о Владивостоке. Однако уже вскоре Сеул был взят народной армией Северной Кореи, и Блейк вместе с другими дипломатами был интернирован и несколько месяцев находился на положении военнопленного в жестоких условиях военного времени. В июне 1953 года английские дипломаты были отпущены, и Блейк вернулся в Лондон.

Ещё в период подготовки в школе разведки Блейк прочитал книжечку информационного характера «Теория и практика коммунизма», подготовленную в английской разведке «для сведения о противнике». Материал был составлен грамотно и заинтересовал Блейка. И с этого времени он начал регулярно читать Маркса и другую марксистскую литературу. Посмотрев своими глазами на войну в Корее, на бомбёжки американцами корейских сёл и городов, Джордж пришёл к выводу о необходимости помогать первой стране социализма Советскому Союзу. Наши агенты, сотрудничавшие с советской разведкой на идеологической основе, были самыми верными и преданными помощниками. Среди них Джордж Блейк, который никогда не брал никаких вознаграждений, а трудился и рисковал только за идею.

По возвращении из Сеула он был назначен на пост заместителя начальника отдела технических операций СИС — очень интересный пост в его агентурной работе с советской разведкой. Эта служба занималась организацией подслушиваний за рубежом. Главными объектами являлись все виды представительств Советского Союза и социалистических стран. Речь шла о прослушивании телефонных разговоров и прослушке частных квартир сотрудников представительств. В первую очередь — посольств. Технику устанавливали и в номерах гостиниц, где останавливались советские делегации. Стараниями руководства СИС дело пытались поставить на широкую ногу, идя на солидные материальные затраты. В

каждом таком мероприятии был задействован новый ряд агентов. Работали переводчики, аналитики, которые обрабатывали результаты прослушек. Обо всех этих операциях и даже о планах новых операций нам своевременно сообщал Блейк, притом с именами всех агентов по каждому делу. Нам стали известны десятки операций и сотни агентов.

Операция «Gold»

Наиболее крупной операцией была, конечно, англо-американская операция «туннель», с подключением к телефонным кабелям на территории ГДР, это были все открытые линии связи советских учреждений и нашей армии в ГДР. Первичный план и сама идея «большой прослушки» возникла у англичан. Её вдохновителем был резидент СИС в Западном Берлине Питер Ланн. Крупнейшая операция разрабатывалась со всей тщательностью. Затраты планировались многомиллионные, и англичане пригласили в партнёры ЦРУ. Американцы высоко оценили идею и подключились к операции на высоком уровне.

В начале 1954 года в Лондон на совещание по организации операции «Gold» (такое название операция получила) прибыла группа экспертов во главе с начальником советского отдела в ЦРУ Роулеттом. В группу входил и берлинский резидент ЦРУ Харви. От СИС участвовали начальник аналитического управления Джордж Янг и Питер Ланн как инициатор проекта. Было намечено прорыть шестисотметровый тоннель, построить специальную станцию для ведения прослушивания на границе американского и советского секторов в Берлине. Прямо в туннеле была установлена новейшая техника для подключения к линиям связи. Блейк сам вёл протоколы совещаний и знал о разработке всех деталей.

Вскоре было начато строительство туннеля и установка оборудования. Блейк сообщил, что в службу обработки и анализа поступают в изобилии материалы прослушки. В Москве изучали вопрос и вырабатывали меры защиты. Сразу же во главу угла был поставлен вопрос безопасности нашего источника — поэтому кардинальных мер к блокированию прослушки в этой связи не предпринималось. Обсуждался, конечно же, и вопрос использования канала для дезинформационных мероприятий.

В апреле 1956 года было принято решение о разоблачении операции «Gold». Была продумана легенда, по которой наши армейские связисты искали повреждение кабеля и случайно наткнулись на тоннель. Захват был проведён отлично. В панике операторы и охрана бежали, бросив всё оборудование, записи, журналы и т. д. Свидетельства шпионажа в больших масштабах были налицо. 22 апреля 1956 года советское правительство направило англичанам и американцам ноты протеста. Прессе были предъявлены разоблачительные документы и фотографии. Провал был очевиден. Руководство ЦРУ оправдывалось, что операция в конечном итоге

была для них успешной и дала большой материал для разведки. Однако было несомненным, и об этом писала солидная западная пресса, что такие заявления ЦРУ об «успехах» являются только «надуванием щёк» начальниками ЦРУ и СИС. Все понимали — это провал. Скажем сразу, что в ЦРУ очень любят детально прорабатывать огромные груды материалов, чтобы сделать какие-то весомые выводы. Весомые выводы не всегда получаются, но информационная система этой службы базируется именно на этом принципе. В ЦРУ, например, провели детальный анализ положения во Вьетнаме и анализ войны французов во Вьетнаме и заявили, что сомнут вьетнамский коммунизм быстро и решительно. Но ведь уже очень скоро бежали из Вьетнама, оставив даже документы своего посольства и даже шифры. Такой же картина была и в Ираке и в Афганистане. Просчёты американской разведки в отношении Ирака ещё долго будут давать знать о себе американцам.

В итоге можно сказать, что принципиальных стратегических секретов операция «Gold» противнику не могла дать. Ведь это была прослушка не телефонов Генерального штаба нашей армии и не телефонов правительственных управлений, а 80 % — это были бытовые разговоры, 15 % — хозяйственные и, может быть, 2–3 % — разговоры, в которых речь касалась кадров и наименования частей армии, но в них не упоминалось ни о планах, ни о технике, ни о вооружении.

В нашей печати, да и в высказываниях профессионалов наших спецслужб, проскальзывают заявления, что операция «Gold» активно использовалась нами для дезинформации. Это скорее попытка выдать желаемое за действительное. Представьте на минуту возможность подготовки «дезы» для такого канала, притом на регулярной основе, по весомым военным или политическим вопросам. Трудно даже представить объём такой работы и численность специалистов, необходимых для подготовки такой весомой «дезы», и сколько ещё сотрудников необходимо для проведения её в жизнь непосредственно в Берлине и ГДР. А как же конспирация и сохранение нашего источника! Как ни прикинь, а игра не стоит свеч.

Итог нашей встречи в редакции «Известий» с Блейком был отличным. Материалов было более чем достаточно. Решили: кроме подвала в «Известиях» с заголовком «Хризантемы у тюремной стены» через некоторое время дать ещё большую статью с подробным разоблачением «тоннеля». Статья вскоре появилась, она базировалась также на интервью с Блейком и называлась «Операция Gold». Общий эффект был весомым. Материалы перепечатывались многократно в западной и нашей прессе, в

1971 году в издательстве «Молодая гвардия» большим тиражом вышла книга «Хризантемы у тюремной стены», куда вошли все материалы из интервью с Блейком.

Всегда буду помнить моего великого учителя в разведке Ивана Ивановича Агаянца.

В 1952 году И.И. Агаянц возглавлял в течение короткого времени европейский отдел разведки, и я после окончания школы № 101 получил назначение в этот отдел. Но главная моя работа под мудрым (не боюсь этого слова) руководством Агаянца проходила в службе «Активных мероприятий». Эту службу создавал сам Иван Иванович. При нём служба заняла важное место в ПГУ и добилась в ряде случаев выдающихся успехов. Годы работы в службе стали основой для моего роста. В первую очередь, не в должностях и званиях, а в развитии эрудиции разведчика, расширении политического кругозора. Масштаб задач, ширина и глубина проработки операций обязывали к очень напряжённой работе. Я знакомился с очень большим объёмом информации, и с годами это начало приносить свои плоды. Атмосфера усердия, напряжённой работы, углублённого анализа возникающих проблем постоянно в службе «А» поддерживалась лично Агаянцем. Сам он работал, не жалея себя. Где-то в начале 1964 года Агаянцу сделали операцию, небольшую, казалось бы, он уже вышел на работу, но через 2–3 месяца вновь лёг в «Кремлёвку». Я, как партийный секретарь службы и «старый» кадр, работавший с первых дней создания службы, регулярно бывал в ЦКБ у Ивана Ивановича. Болезнь развивалась очень быстро. Однажды Агаянц пригласил меня пройтись по парку. Было тепло. Говорили о делах. Но вдруг он остановился и сказал, что у него неожиданно появились опухоли в районе подмышек и в паху, и... замолчал. Я попросил его разрешения посоветоваться в службе о возможности помочь в лечении, так как этот вопрос, как я понимал, приобрёл чрезвычайный характер. Прибыв на работу, доложил о своих худших опасениях заму Агаянца С.А. Кондрашову. Он при мне позвонил Андропову, председателю КГБ. Реакция была немедленной. Председатель тут же поручил организовать у Агаянца консилиум лучших врачей Москвы.

Я был при проведении консилиума в ЦКБ. Выводы были неутешительными: быстро прогрессирующий рак. Один из профессоров прямо назвал сроки жизни — 3–4 недели. Так и случилось.

28 августа 2011 года. Мы стоим на Новодевичьем кладбище у большой плиты из тёмного мрамора с надписью: «Агаянц Иван Иванович. 1911–1968 г. г.». 28 августа исполнилось сто лет со дня его рождения. Мы собрались здесь для того, чтобы отметить эту, очень памятную для нас,

дату. Мы — это Соколова Галина, полковник разведслужбы, Бондарь Владимир, Коротков Виталий и ещё несколько товарищей. Мы работали с Агаянцем с того времени, когда ему было поручено создать и возглавить службу «Д» (дезинформации), впоследствии переименованную в службу «А» (активных мероприятий). Сведущий читатель может довольно легко представить размах проблем, которые могут решаться в разведке службой «А».

И то, что вы себе представите, будет далеко не полным списком задач, решаемых этой службой: это политика, контрразведка, высокая наука и новейшие технологии, экономика и мировые финансы, вооружённые силы и мировой океан. О средствах и методах решения этих задач лучше даже не заикаться. На пост шефа такой службы лучшего кандидата, чем Иван Иванович Агаянц, найти было невозможно: сочетание ума и опыта, эрудиции и особой тонкости и чутья в принятии решений. Как его Андропов высмотрел на этот пост, не знаю, но, как видим, Андропов хорошо владел кадровым вопросом.

Недавно я познакомился с Геворком и Гоар Вартанянами. Это они, будучи совсем юными, работали под прямым руководством Агаянца с 1940 по 1946 год в Тегеране и непосредственно во время Тегеранской конференции глав государств Сталина, Рузвельта и Черчилля (1943 г.). Агаянц стал их первым учителем в деле разведки. Вартаняны стали отличными разведчиками-нелегалами, работавшими в ряде стран в течение сорока пяти лет. Геворку присвоено звание героя Советского Союза. Мне было очень приятно беседовать с ним и слушать его воспоминания. Он говорил об Иване Ивановиче с большой теплотой, как о своём первом наставнике. Ещё раз — низкий поклон Ивану Ивановичу Агаянцу.

Глава седьмая. Советник Представительства МИД СССР

За время работы в службе «А» по роду моей деятельности я поддерживал активные контакты с Управлением внешней контрразведки «К». Это и послужило базой предложению, которое я получил от Управления «К»: поехать заместителем резидента по линии «КР» в Париж. Началось моё оформление и подготовка. Вопрос затянулся, французы формально не отказывали, но задерживали мне визу.

Именно в это время в Женеве разразился «небольшой скандал». На Запад вместе с семьей «ушёл» молодой, но, как говорят, подающий надежды физик, работавший в Женеве в ЦЕРНе (европейская организация ядерных исследований). Тогда это стало «неприятной сенсацией», дело разбиралось в ЦК КПСС и анализировалось в КГБ. Вскрылись определенные слабости в нашей работе в Женеве в целом, и особенно по линии контрразведки. Было принято решение направить меня в Женеву. Одновременно был расширен штат резидентуры. Мне была предложена новая должность советника представительства СССР при отделении ООН в Швейцарии; после почти полугодовой подготовки к поездке во Францию я быстро был оформлен и через две недели отбыл в Женеву.

Во время моей работы в службе Активных мероприятий возникла идея обобщить накопленный опыт разоблачения идеологических диверсий западных спецслужб. Начальник службы И.И. Агаянц идею поддержал и посоветовал написать небольшую монографию, выделив, в частности, успешное разоблачение «Записок Пеньковского». Через несколько месяцев книга мной была написана. Издать её предложила Высшая школа КГБ (теперь Академия ФСБ). Книга была издана, конечно же, под грифом «секретно». Буквально на следующий день после принятия решения о моей командировке в Швейцарию ко мне в кабинет зашёл начальник кафедры разведки Института разведки (теперь Академия им. Ю.В. Андропова) Кравцов Евгений Иванович и без предисловий предложил мне защищаться на его кафедре. В качестве кандидатской диссертации была выбрана моя вышеупомянутая книга, которую он получил и рассмотрел, как очень подходящую для защиты монографию. Я сказал, что уезжаю в длительную командировку, и дата отъезда назначена через две недели. Кравцов тут же предложил, что саму защиту можно назначить на весну, то есть через

несколько месяцев, и на неё меня вызовут. Он пояснил, что от меня ничего уже не требуется, так как монография опубликована. Я должен только сдать экзамены «кандидатского минимума». Он был так убедителен, что я решил рискнуть и сдать необходимые экзамены до отъезда. Результаты экзаменов я передал Кравцову и вскоре выехал в Женеву. В июне того же года я получил телеграфное указание Центра приехать на пять дней в Москву для защиты диссертации. Важным фактором в моей защите было то, что моим главным оппонентом был начальник управления «К» генерал Бояров. Его выступление отличалось компетентностью и содержало хорошую оценку моей монографии. Защита прошла успешно, и через два дня я был уже вновь в Швейцарии. По результатам защиты мне присвоили степень кандидата юридических наук.

На этот раз моей важной задачей являлось контрразведывательное обеспечение безопасности важных советских делегаций. За время моего пребывания в Швейцарии в Женеве работали по несколько лет такие ответственные делегации, как делегация на Совещании по стратегическим видам вооружения ОСВ или, как называли ее во всем мире, САЛТ, большая делегация на конференции по вопросам Европейской безопасности (я был включён в состав этой делегации), делегация на конференции ООН по морскому дну и множество советских делегаций на различных конференциях в многочисленных международных организациях.

Помимо этого при мне в Женеве проходили важнейшие политические встречи: встреча министра иностранных дел Громыко с государственным секретарем США Киссинджером, совещание по Ближнему Востоку с участием министров иностранных дел заинтересованных государств и т. д. Отмечу, что основные конференции в кругах нашего представительства получали забавные прозвища: так, участников конференции по морскому дну называли «подонки», а тех, кто работал на конференции за европейскую безопасность, — «зае...сты».

Советская колония насчитывала до 800 человек. Один из моих друзей говорил так: «Хорошее место колонией не назовёшь». И в этом отношении он был прав. Специальные службы, в первую очередь американцев и их союзников, активно работали по изучению советских представителей в Женеве, не без основания считая, что они и, прежде всего, международные чиновники, разбросанные по многочисленным организациям, были доступным материалом для вербовочной разработки или склонения к невозвращенчеству. В то время это стало «модным направлением» деятельности западных разведок.

Припоминаю несколько типичных эпизодов из жизни «советской

колонии» в Женеве.

«Дело Балахонова»

Балахонов — прибыл переводчиком в Европейское отделение ООН. Он, видимо, сотрудничал в Москве с нашими внутренними органами, и мы получили рекомендации установить с ним контакт и в Женеве. Однако довольно скоро наш офицер безопасности, опытный разведчик, доложил мне, что установление какой-либо формы контакта с Балахоновым нежелательно.

Было отмечено, что он регулярно выпивает, если не сказать пьёт, в пьяном виде куражится. Короче, этого неуравновешенного человека что-то толкнуло, как мы потом выяснили — испуг быть откомандированным из Женевы, на «невозвращенчество». Он ничего другого не придумал, как обратиться с просьбой о политическом убежище к швейцарцам. И если, как хорошо известно, американцы подбирали всякий, даже «прогнивший товар», то швейцарцам такой «политический эмигрант» вовсе не был нужен.

Швейцарцы вывезли Балахоновых в небольшой городок Фрибург, поселили в дешёвую гостиницу, приставили к ним примитивную охрану и стали допрашивать. Балахонов, собственно, ничего серьёзного швейцарской контрразведке сообщить и не мог. Он попытался высказать подозрения в отношении нескольких сотрудников нашего представительства, как о разведчиках, но, видимо, всё это выглядело примитивно и неубедительно.

Советское посольство выступило с соответствующими нотами, требуя сообщить о судьбе Балахоновых, а через несколько дней, когда выяснилось, что они находятся в Швейцарии, посольство и представительство потребовали встречи с ними. Швейцарцы упрямо молчали и во встрече отказывали. Случилось так, что нам стало известно, что жена Балахонова не только испугана, но и активно недовольна всем происходящим. Имея кучу родственников в Москве и вполне обустроенную жизнь, она никак не могла быть в восторге от пребывания в третьеразрядной гостинице в отсутствие всякой положительной перспективы. Советская сторона продолжала настаивать на встрече с Балахоновыми, заявляя, что их удерживают против воли.

Прямо в эти дни в Берн должна была прибыть советская правительственная делегация во главе с заместителем министра иностранных дел Ковалёвым. Эпизод с Балахоновыми в то время хотя и не

представлял особо серьёзной проблемы, но был неприятным. Наш Центр запросил от меня детальное объяснение по всему делу. Мы изложили нашу версию и характеристику Балахонова, подчеркнув, что уже сообщали о том, что отказались сотрудничать с ним в условиях Женевы.

Моё начальство в Москве, как мне потом стало известно, с удовольствием восприняло эту информацию и представило соответствующий доклад в КГБ. Одновременно я настаивал на том, чтобы поручить главе советской делегации Ковалёву потребовать у швейцарцев на высшем уровне разрешить встречу советских представителей с Балахоновыми.

Наша уверенность в пользе такого демарша базировалась на имевшейся у нас информации о том, что жена Балахонова готова вернуться в Москву и просто не знает, как к этому подступить. Предложение было принято, и в директиву Ковалёва был включён пункт по Балахонову. Со слов самого Ковалёва, он сделал это заявление в достаточно жёсткой форме, подчеркнув, что требует встречи советских представителей как с Балахоновым, так и с его женой. Заявление было сделано самому президенту Швейцарии. Президент выразил удивление, сказал, что различных эмигрантов в Швейцарии всегда было достаточно, что он якобы не в курсе дела Балахоновых, и стоит ли этому вопросу придавать серьёзное значение. На это Ковалёв заявил, что всё, что он говорит господину президенту, он говорит от имени советского правительства, и это не может не носить самого серьёзного характера.

Нам стало известно, что швейцарское руководство и сам президент, выразили недовольство по делу Балахоновых высшим чинам швейцарской полиции, указав, что дело того не стоит и его следует закрыть в самые сжатые сроки. Но всё осложнялось тем, что Балахонов просил политического убежища, а решение такого вопроса требовало сложной процедуры.

Швейцарцы нашли более простой выход из создавшейся ситуации. Не давая добро на встречу с Балахоновыми, они, уж не знаю каким образом, дали возможность мадам Балахоновой уйти из охраняемой гостиницы и явиться вместе с дочерью в наше посольство в Берне. Мы, естественно, по её просьбе, первым же самолетом отправили Балахонову и ребёнка в Москву.

Буквально через два дня в посольство явился «в растрепанных чувствах» сам Балахонов. В Бёрн из Женевы направился наш офицер безопасности, который должен был проводить Балахонова в аэропорт в Цюрих. Швейцарцы для соблюдения формальностей должны были перед

посадкой в наш самолёт ещё раз публично (при отправлении Балахонова присутствовало несколько журналистов) спросить Балахонова, добровольно ли он покидает Швейцарию. Буквально в последний момент в толпе людей, находившихся вокруг Балахонова, появился человек, который задал этот сакраментальный вопрос.

Всё это было сделано швейцарцами откровенно формально, а может быть, и вообще для отвода глаз. Курьёз состоял еще и в том, что вопрос по ошибке (или нет) был задан не Балахонову, а нашему офицеру безопасности. Он, не моргнув глазом, на своём хорошем французском языке ответил, что решение «добровольное и окончательное».

В Москве, естественно, было заведено уголовное дело, и Балахонова должны были предать суду. Но руководство КГБ, учитывая, что какой-либо значительной информации, наносящей ущерб Советскому Союзу, Балахонов передать не мог и в конце концов возвратился в Союз добровольно, принял решение ходатайствовать о прекращении уголовного дела, и Балахонов был отпущен на все четыре стороны.

Этим дело у Балахонова не закончилось. Всё-таки порок должен быть наказан. Через пару лет Балахонов, находясь в хорошем подпитии, подсел в ресторане «Метрополь» к группе кубинцев. Хорошо зная язык, Балахонов стал объяснять кубинцам пороки советского строя. В пылу дискуссии «его разоблачения» наших недостатков становились всё более громкими, и кончилось тем, что молодые кубинцы, воистину настоящие защитники идей социализма, сдали Балахонова в милицию, оставив заявление о том, что он пытался вести среди них антикоммунистическую и антикастровскую пропаганду. Сейчас это смешно, но Балахонова отдали под суд. И районный суд Москвы, с учетом закрытого ранее дела по измене Родине, осудил Балахонова на длительный срок заключения. Обстановка в стране менялась, как мне стало известно, Балахонов писал многочисленные письма в ООН и в различные правозащитные организации, и в конце концов, кажется, «Международная амнистия» выступила в прессе в защиту Балахонова, и через несколько лет он всё же был отпущен ещё раз на свободу.

Я упомянул уже о Зое Васильевне Мироновой, представителе СССР в Женеве. Скажу сразу, что у меня с ней установились самые хорошие деловые и, можно сказать, дружеские отношения. Я считаю, что добрый деловой контакт с руководителями наших заграничных учреждений всегда способствует успеху разведывательной работы.

С Зоей (так мы её называли между собой), хотя ей было под 60 лет, такой контакт установился у меня почти сразу. Моим отношениям с Зоей

способствовал такой забавный случай. Я, как упоминал уже ранее, был вызван в Москву для защиты диссертации.

Моё кратковременное пребывание в Москве подходило к концу, и я решил засвидетельствовать «своё почтение» руководству Отдела международных экономических организаций МИДа, «под крышей» которого я и работал в Швейцарии. Я знал заведующего Отделом Нестеренко и был приглашён к нему, когда в его кабинете находились его замы и еще один — два советника из отдела.

В разговоре Нестеренко, а он был куратором женевского представительства, стал громко ругать работу Мироновой, говоря, что она мало что понимает в возникающих в международных организациях проблемах и совершенно не даёт лично ею подготовленной информации. Я испытывал к Зое Васильевне искреннюю симпатию и заявил, что в Женеве есть десяток советников и несколько десятков других дипломатов и директоров из международных организаций, и что если каждый из них напишет в месяц хотя бы одну — две информации, то прочесть всё это будет просто невозможно.

«У Мироновой есть одно бесценное качество, — сказал я. — В большой и пёстрой советской колонии в Женеве нет никакой склоки, которая присутствует во многих наших посольствах и заграничных представительствах, коллектив работает дружно, а сама Миронова пользуется большим авторитетом как у руководства международных организаций, так и в женевских дипломатических кругах».

Прошло немного времени, и нашёлся неизвестный мне доброжелатель, который сообщил об этом разговоре в Москве самой Зое, и она прямо сказала мне, что знает, кто является её настоящим защитником перед «московскими врагами».

Специфика работы разведки в Швейцарии была и в том, что эта страна серьёзно отличается от других стран особой внутренней дисциплинированностью швейцарцев, я бы сказал, их гражданской бдительностью. Мы с этим в нашей работе сталкивались очень часто. Был период, когда по всей Швейцарии на автобусных остановках, на вокзалах и просто на улицах висели большие постеры с изображением либо солидного убелённого сединой мужчины, либо молоденькой девушки, либо молодого человека, и большими буквами было написано: «Проявляй бдительность, позвони», — и далее шёл номер телефона полиции.

Как-то в представительство на летнюю практику приехал, как слушатель дипломатической академии МИДа, наш сотрудник. Он был хорошо законспирирован. Был из набора в академию из периферийных

служб КГБ, и о его принадлежности к нашей службе знало только руководство резидентуры. В доме представительства была небольшая гостиница, и наш парень поселился там. К вечеру он был приглашён на ужин к одному из сотрудников представительства. Выпили, и наш парень после возвращения в гостиницу, не найдя себе места, решил отправиться гулять по городу.

Перелезая через забор, он порвал свои джинсы. Через забор он полез, видимо, потому что не хотел в подвыпившем состоянии проходить мимо дежурного на проходной. Побродив по городу и заблудившись, захотел отдохнуть. И ничего лучшего не придумав, как он потом объяснял, решил поспать пару часов в одном из припаркованных на улице автомобилей и начал пробовать, какой из них открыт. Хотя улица и была совершенно пустынная, нашёлся бдительный швейцарец и сообщил о подозрительном человеке.

Полиция явилась моментально, и наш здоровый парень был скручен полицейскими и в наручниках доставлен в комиссариат. Растерзанный вид и особенно рваные джинсы не располагали полицейских к деликатному обращению, и он был помещён в камеру на бетонный пол. Он по глупости стал выдавать себя за испанца, надеясь, что его пребывание в полиции не станет известно в представительстве. Часам к трём ночи он, достаточно протрезвев, попросил свидания с дежурным и рассказал ему, что он сотрудник советского представительства. Из полиции около четырёх ночи позвонили в представительство нашему офицеру безопасности, который тут же доложил мне о происшествии.

Я «тихо ахнул» и попросил офицера безопасности как можно быстрее забрать нашего парня из комиссариата, а в 5 часов утра уже разговаривал с «героем» в представительстве. Я не сомневался в правдивости его рассказа, тем более, что полицейские каких-то особых претензий к парню не предъявляли, указав только, что он был без документов, в нетрезвом виде, пытался скрыть свою личность и мог нарушить общественный порядок.

Мы в самом спокойном тоне доложили в Центр о приключении с нашим парнем. Указание из Центра поступило быстро, было однозначным: «Отозвать, отправив ближайшим рейсом Аэрофлота». Знаю, что его отчислили из Дипломатической академии и отправили обратно к себе на периферию. Жалко парня! Но думаю, что в нашем деле иначе нельзя.

Наши возможности по получению информации о действиях специальных служб противника против советских граждан несколько расширились, и это позволяло проводить не только оборонительные мероприятия, но и в некоторых случаях наступательные операции.

Советская колония хотя и состояла из образованных, хорошо подготовленных и в абсолютном своём большинстве порядочных людей, но различного рода происшествия нередко могли давать почву для провокационных действий противника. Чтобы закончить со швейцарской полицией, расскажу о двух эпизодах.

Поздно вечером нашему офицеру безопасности поступило сообщение о том, что полицией задержан крупный советский международный чиновник. Сообщение было сделано руководством полицейской службы, а не просто дежурным по комиссариату. Наш офицер безопасности к полуночи привёз в представительство задержанного. Это был сотрудник МИДа, достаточно высокого ранга, короче говоря, назовём его Сидоров. Он проводил «сеансы» эксгибиционизма. На голое тело у него было надето московское длинное пальто (дело было осенью), и он в одном из злчных мест Женевы — скажу сразу, что таких мест в Женеве совсем немного — демонстрировал «свои достоинства» двум-трём барышням, которые дежурили в это время на улице.

Естественно, барышни сообщили в полицию, естественно, полиция взяла его «под белы ручки» и доставила в комиссариат. Его тщательно обыскали, подозревая, что он наркоман, так как Сидоров был, конечно, возбуждён, но не пьян. В разговоре, уже в представительстве, он откровенно рассказал о случившемся, подчеркивая, что это у него какое-то наваждение, происходящее с ним, когда нет жены. Его жена действительно в это время находилась в Москве. Мы его успокоили и по закрытым каналам сообщили в наш Центр. Пришлось разбираться с руководством женевской полиции. От них мы получили чёткое разъяснение, что хотя речь со всей очевидностью идёт о психическом заболевании, но действия нашего человека попадают под статьи уголовного кодекса (нарушение общественного порядка и т. д.). Офицеру безопасности удалось договориться, чтобы полиция замяла дело, в то же время мы получили ясный намёк, что Сидорову следовало покинуть Швейцарию, так как он наверняка будет находиться под более пристальным наблюдением и при повторном инциденте попадёт под уголовное разбирательство, и огласки избежать не удастся. Мы решили проинформировать обо всём Центр, считая, что Сидорову следует уезжать, хотя как это объяснить, имея в виду деликатность ситуации, в Москве и в международной организации никто не знал.

На наше решение повлиял тот факт, что мы знали, что на уровне руководства между швейцарской и американской специальными службами существует контакт. Сам случай, серьёзно дискредитирующий нашего

чиновника, несомненно, станет известен и американцам. В то время американские спецслужбы часто в достаточно грубой форме использовали и значительно менее серьёзные промахи наших граждан.

Миронова, со своей стороны, написала личную телеграмму министру, и руководство МИДа, без нашего участия, приняло решение срочно отозвать Сидорова.

Был и другой пример. Жена одного из наших заметных членов правительственной делегации, долгое время до этого вместе с мужем находившаяся в командировках за рубежом, была поймана с поличным в одном из дорогих магазинов за кражей какой-то галантереи. Её захват был проведён весьма квалифицированно и задокументирован полицией с участием соответствующих свидетелей. Мадам, понимая, что отпираться невозможно, и что это грозит большим скандалом, заявила в присутствии официальных лиц, что если об её проступке станет известно советскому представительству, она покончит жизнь самоубийством и обвинит в этом швейцарские власти.

Швейцарцы в типичной для них манере приняли решение отпустить её, заверив, что не будут предпринимать шагов для огласки её поступка. Однако на неофициальном уровне поставили нас в известность и по просьбе офицера безопасности ознакомили с материалами дела. Посоветовавшись с Центром, мы приняли решение проинформировать о случившемся лично главу делегации, как бы тем самым возложив на него ответственность за возможную огласку случившегося, что было бы очень некстати на завершающейся стадии работы одной из важнейших международных конференций. Глава делегации принял правильное решение, откомандировав в Москву и жену, и, соответственно, мужа. В дальнейшем нам стало известно, что эпизод с мадам не был случайностью, что мелкие кражи в магазинах она практиковала и раньше.

Особая бдительность швейцарцев проявилась ещё в одном серьёзном оперативном эпизоде. Наш работник после тщательной проверки вышел на место встречи с проезжающим транзитом через Швейцарию нелегалом нашей службы. Встреча была «основной», и наш работник должен был выходить на место встречи два раза в неделю, так как точная дата приезда нелегала была неизвестна.

Место встречи было выбрано удачное: тихая улочка с несколькими магазинами, но, правда, в сотне метров было отделение маленького банка типа нашей сберкассы. На первый взгляд, всё было спокойно, но в этот день наш работник выходил на встречу уже в третий раз, и, самое главное, шёл мелкий и упорный дождь. Наш работник оказался к тому же ещё и без

зонта. Пробыв несколько минут на месте встречи, прижимаясь к какому-то подъезду, он явно привлёк к себе чьё-то внимание. Благо, нелегал и на этот раз не вышел на встречу, и наш работник благополучно покинул место встречи и отправился к своей машине, а затем — на машине в представительство. Он был опытный разведчик и в самом начале своего возвращения заметил за собой наружное наблюдение, дополнительная проверка с его стороны подтвердила возникшие опасения. Можете представить, какое беспокойство вызвало наше сообщение в Центре.

Естественно, возникло сразу несколько версий: то ли наружку привёл за собой наш сотрудник, и тогда место встречи провалено, то ли место встречи взято под наблюдение, так как противник получил информацию с другой стороны и пытался выяснить, с кем должна проходить встреча нелегала. Тогда где утечка?

Нашими усилиями мы смогли убедиться, что сотрудник резидентуры попал под наружку, так как полиция получила сообщение о его странном поведении от одного «из бдительных швейцарцев». Было решено, что встречу на этом месте проводить нельзя, и Центр с нашим участием принял серию мер, чтобы перехватить нелегала до прибытия в Женеву. Хорошо, что всё закончилось благополучно.

Предатели. Резун

К этому времени по миру уже прогремели несколько предательств наших и военных разведчиков. В нашей женевской резидентуре подобрался хороший коллектив, состоявший из преданных Родине людей. Преданность Родине в любой спецслужбе, а в нашей особенно, является важнейшим элементом успешной работы. Именно работа разведчика является передним краем борьбы ведущих, а часто и малых стран. Измена в разведке — это страшный бич, перечёркивающий нередко многие годы упорной работы и выводящий за рамки активной службы десятки, а то и сотни опытных разведчиков.

Не миновала чаша сия и Женеву, правда, не нас, а наших «дальних соседей», т. е. резидентуру Главного разведывательного управления. Изменил Родине молодой сотрудник резидентуры ГРУ Виктор Резун. Он работал под прикрытием младшего дипломата в нашем представительстве. В принципе, своё контрразведывательное обеспечение и вопросы безопасности работы ГРУ решает самостоятельно и только в совершенно определенных случаях контактирует и взаимодействует с разведкой государственной безопасности. Резун, который сейчас достаточно широко известен как автор политизированных книг о военной разведке («Ледокол») и об истории нашей страны под псевдонимом Суворов, был завербован противником в Женеве. Хочу сразу сказать, что его версия, поддержанная западной пропагандой, что он бежал на Запад по политическим мотивам, является вымыслом.

Резун, являясь филателистом, попал в поле зрения агента английской разведки на этой основе. Филателией более-менее серьёзно заниматься без денег нельзя, а у Резуна, как у мелкого дипломата, денег, конечно, не было. Это и послужило зацепкой для английской разведки. У одних филателия — это любительский интерес, у других — это страсть. «Коготок увяз — всей птичке пропасть». Завербовав Резуна, англичане вместе с американцами возлагали на эту вербовку большие надежды. Но Резун, как и основная масса людей в его положении, был всё время в большом напряжении и находился на грани нервного срыва. И вот как это всё произошло. Он случайно, находясь в соседней комнате, услышал разговор своего резидента о том, что соседи, т. е. КГБ, планируют тайный вывоз из Женевы какого-то человека. И хотя никаких намёков на кого-либо из военной резидентуры, и тем более на самого Резуна, не было, он в силу своего

психического состояния всё услышанное гиперболизировал и решил, что речь идёт о нём: бросился домой, быстро собрал семью и бежал. Жену не надо было уговаривать — она была из прибалтов и изначально была настроена против советской власти.

У Резуна, как у завербованного агента, была на случай чрезвычайных обстоятельств конспиративная квартира недалеко от Женевы в маленьком городке Нионе. И в этот же вечер он был уже там «у своих хозяев». Очевидно, они пытались его успокоить и уговаривали вернуться, так как быстро поняли, что Резун просто необыкновенно перепуган. Ведь он им нужен был, прежде всего, в Москве. Утром следующего дня Резун, уже из Ниона, позвонил в Представительство дежурному охраны и стал выяснять, ищут ли его, и спрашивал ли кто-нибудь о нём. Он получил, естественно, отрицательный ответ. В половине девятого утра он вновь позвонил с тем же вопросом. Ответ вновь был отрицательным.

В начале десятого, когда представительство уже начало работать, Резун позвонил в третий раз и, получив такой же отрицательный ответ, вдруг закричал в трубку: «Да ты ничего не знаешь, ищут меня повсюду, всех уже мобилизовали на мой поиск!» — и повесил трубку. Всплеск этой истерики был ответом на уговоры его хозяев и отрезал ему пути отступления. Резуна вывезли в Англию, где он и находится по настоящее время. Естественно, он был приговорён в Москве к высшей мере, как офицер, нарушивший присягу. Надеюсь, что приговор не отменён и до настоящего времени.

Рассказанные выше эпизоды являлись составной частью моей работы в Женеве, но главное направление в этой работе, как и вообще в работе разведки, было другое. В первую очередь — это вербовочная работа по приобретению источников информации, а прямо говоря, расширение агентурного аппарата, так как только это может решить главные задачи разведки.

Достаточно напомнить о таких наших помощниках, как Филби или Блейк в своё время и о прогремевшем совсем недавно деле сотрудника ЦРУ Эймса, который передал в руки нашей службы информацию фактически обо всей деятельности резидентуры ЦРУ в Москве и обо всех агентах ЦРУ, приобретённых у нас в стране за долгие годы.

О конкретных делах по вербовочной работе в Женеве я писать не могу, объектами этой работы являлись люди, имеющие положение в обществе, семьи, и их имена не должны быть раскрыты никогда.

Наша оперативная работа в Женеве заключалась также в работе с двойниками и подставами противника. Нередко именно при работе против

спецслужб противника возникают обоюдоострые ситуации, когда могут появляться сомнения, наша ли это подстава, и не ведёт ли противник с нами свою продуманную игру.

В женевскую резидентуру поступили сообщения, что сотрудник одной из международных организаций легко и дружелюбно идёт на контакт с советскими людьми и даже сам ищет такие контакты. Важно, что это был американец, назовём его Максвелл. Первичные сведения о нём показались интересными, и было решено провести его изучение. Операция была поручена молодому разведчику «под крышей» сотрудника представительства Валерию. Энергичный и со знанием английского языка наш товарищ, как мы решили, был кандидатурой подходящей. Знакомство состоялось. Первичная характеристика подтвердилась. Максвелл активно пошёл на контакт, что дало возможность проведению городских встреч и более тщательному изучению объекта. Однако вскоре дело приняло неожиданный поворот. На очередной встрече Максвелл рассказал, что в американском представительстве обратили внимание на его контакты с советскими людьми, и что к нему обратился дипломат из представительства, которого знал Максвелл как сотрудника ЦРУ. Ему было предложено сотрудничать с разведкой США. Максвелл рассказал Валерию об этом эпизоде и назвал имя церэушника. При этом он заявил, что отказался от сделанного предложения. Рассказ американца, естественно, вызвал у нас интерес, и, посоветовавшись с Центром, мы решили показать, пока осторожно, Максвеллу нашу заинтересованность в его работе с ЦРУ. Этот интерес был объяснён защитой советских сотрудников в Женеве. Затем была высказана мысль, что работа Максвелла с ЦРУ интересна, естественно, советской разведке, что вообще-то было очевидно из самого хода развития событий. Таким образом, под давлением обстоятельств, немного поспешно, была проведена фактически вербовочная беседа. Максвелл охотно согласился следовать нашему «совету», а в дальнейшем это уже были наши указания. Он начал давать устную, а затем письменную информацию о заданиях, которые получал от своего наставника из ЦРУ, о представительстве США в Женеве. Например, о сокращении штата дипломатов и разведчиков и настроениях в связи с этим. Затем, скорее по своей инициативе, начал писать о внутренней политике американской администрации и даже о некоторых планах ЦРУ, правда в общих чертах, в отношении работы против Советского Союза. Руководство резидентуры отмечало успехи по этому делу. Через некоторое время Максвелл был включён Центром в агентурную сеть разведки. Но наши радостные настроения далеко не полностью разделялись в Москве. Там не хотели

«потирать руки» и настаивали на необходимости проверки и дальнейшего изучения, что сняло бы все ещё остающиеся сомнения. Уж больно всё гладко пошло поначалу, а американец как-то очень шустро всё делал, даже без наших заданий, прямо «забегая вперёд паровоза». Затем проявилось как бы топтание на месте. Тоже вроде бы объяснимое: новых сведений по главному вопросу, ЦРУ и резидентуры американцев в Женеве не появлялось. Были к тому же два-три «лишних» вопроса к Валерию (о его друзьях, его настроении). Именно тогда из женевской резидентуры наших военных соседей бежал офицер ГРУ Резун. Возникло серьёзное напряжение. Измена, хотя и не у нас. Но Резун мог знать о принадлежности к службе ряда наших товарищей и знал, в частности, о Валерии. Пришло строгое предупреждение о максимальной осторожности в нашей работе. Измена Резуна могла вылиться в провокации непосредственно против нашей резидентуры. По делу Максвелла у американцев могло накопиться достаточно материалов для любого варианта провокации, через швейцарцев или без них. Поступило указание аккуратно прервать работу по Максвеллу и законсервировать дело на неопределённый срок. Довольно скоро Максвелл, как нам стало известно, покинул Женеву. Мы его разыскивать не стали. Увы, но, скорее всего, Центр всё же был прав, как это нередко бывает.

Следует сказать, что определенной частью работы разведчика за рубежом является его работа со связями. Работа со связями решает две основные задачи. С одной стороны, разведчик должен иметь круг знакомств и связей, как и любой активный дипломат. С другой стороны, связи, особенно когда они приобретают доверительный характер, а люди занимают интересное для нас положение, могут быть полезны для получения нужной, а иногда и важной информации.

Я с удовольствием хочу упомянуть несколько таких связей. В принципе, моё положение в Женеве позволяло иметь связи в самых различных кругах, и я активно этим пользовался. Курируя по линии нашего представительства несколько международных организаций, таких как Межпарламентский союз, Комиссариат ООН по делам беженцев и др., я имел в этих организациях полезные контакты.

Особенно хочу остановиться на контакте с Верховным комиссаром ООН по делам беженцев, в то время им был принц Садруддин Ага-хан. Мой официальный контакт с ним по его ведомству довольно быстро превратился в устойчивую личную связь, которая продолжалась во время всей моей командировки в Женеве. Ага-хан — миллиардер, получавший в ООН символическую зарплату в размере одного доллара в год, был в

ООНовских кругах Женевы заметной фигурой, но главным в моих отношениях с ним были его личные качества. Человек недюжинного ума и широких взглядов, хорошо относившийся к Советскому Союзу, был мне лично очень симпатичен, и встречи с ним всегда проходили интересно. Контакт был полезен для понимания общеполитической обстановки вокруг различных международных проблем и, я надеюсь, приносил взаимное удовольствие. Ага-хан — сын известного в своё время председателя Лиги Наций, возглавлявшего её перед Второй мировой войной, ещё более известного, как Верховный глава крупного ответвления в мусульманской религии, определяемого как исмаилизм. Исмаилитов насчитывалось более 80 миллионов, главным образом в Иране, Пакистане, в некоторых странах Ближнего Востока и Судане.

Этот высокий религиозный ранг в мусульманском мире унаследовал сводный брат Садруддина, сын от первой жены Ага-хана-отца — персиянки. Садруддин же являлся сыном француженки, и это, несомненно, отразилось как на его внешности, так и на характере. Садруддин Ага-хан проживал в Женеве на противоположном от дворца ООН берегу Женевского озера в старинном замке, внутри, конечно, с современным интерьером.

В начале 70-х годов Ага-хан был женат на известной английской модели Нине Шейл Дьер, которая до него была женой барона фон Тиссена, главного наследника германского «металлургического королевства». Тиссен известен также в Швейцарии знаменитой виллой «Фаворит» в Лугано. На этой вилле находится картинная галерея мирового значения. Незадолго до моего знакомства с Ага-ханом случилось несчастье — его жена покончила с собой. Заметим так же, что, будучи длительное время заместителем Генерального секретаря ООН, Ага-хан претендовал на роль нового секретаря и даже выдвигал дважды свою кандидатуру на выборах на эту должность.

МИДовские чины в Москве относились к Ага-хану, на мой взгляд, незаслуженно предвзято, считая его недостаточно серьёзной фигурой и даже называя плеибоем. В этом отношении не последнюю роль сыграла история с его женитьбой на вышеупомянутой английской манекенщице.

Мои же отношения с Ага-ханом развивались самым положительным образом, я бывал у него на различных приёмах, но чаще всего встречался с ним один на один либо в его доме, либо в одном из женевских ресторанов. Конечно, в манерах и образе жизни Ага-хана было много специфического: так, например, вся обслуга в его «шато» состояла из суданских негров, высоких и совершенно чёрных, таких, что были видны только белки глаз.

Как-то раз, обедая с Ага-ханом в большом женевском ресторане отеля «Амбассадор» и уже заканчивая обед, мы ждали кофе. С кофейником в руках появился человек восточного типа в турецкой феске и разлил нам кофе. После этого, почтительно согнувшись, человек что-то сказал Ага-хану, видимо по-арабски, и мой вполне европеизированный Ага-хан как-то весь выпрямился и протянул вперёд руку. Человек в феске вдруг упал на колени, прижал его руку к губам и громко проговорил какие-то слова. Весь зал, в том числе и я, с изумлением смотрели на эту сцену. Человек удалился, пятясь задом и непрерывно кланяясь, а Ага-хан пояснил мне, что человек в феске узнал его. Он принадлежит к исмаилитам и поэтому просил благословения Ага-хана.

Мои контакты в Женеве привлекали внимание швейцарских спецслужб, хотя скажу сразу, что это внимание не носило агрессивного характера. Однажды я был приглашён на широкий обед к Ага-хану в честь американского сенатора от штата Нью-Йорк, известного Джойса. На обеде также присутствовал шеф протокола женевского правительства, один из бывших руководителей контрразведки. Вполне возможно, что он и оставался в штатном расписании этой службы. Мы были протокольно знакомы. Увидев меня у Ага-хана, он не выдержал и воскликнул:

«И вы здесь!» Я с улыбкой ответил: «А где же мне ещё быть?» На это шеф протокола, уже смеясь, заявил: «Действительно, как это я сам сразу не сообразил!»

При мне Ага-хан в 1972 году женился вторично на гречанке Катерине Беракетти Серсок, вдове крупнейшего ливанского банкира, унаследовавшей всё состояние мужа, матери троих взрослых сыновей, которые жили в Англии, младший из которых был студентом Оксфорда. Новая жена Ага-хана — православная гречанка, с почтением и даже с любовью относилась к России, обожала русское кино и считала Черкасова величайшим актёром кино всех времён. Появление новой жены у Ага-хана как-то ещё более сблизило меня с этим интересным человеком. Я часто бывал у него со своей женой и в то же время старался как-то ответить на его любезность, приглашая Ага-хана с супругой на просмотры новых советских фильмов в наше представительство.

Во встречах в представительстве, конечно, участвовала и наш посол, глава представительства при ООН Миронова. Помню, в каком восторге были Ага-хан и его жена от нашего фильма «Белое солнце пустыни». Дружеский контакт с Ага-ханом продолжался до самого моего отъезда.

Один из контактов, о котором я вспоминаю также с большим удовольствием, установился с одним из директоров крупного частного

женевского банка. Это был высокообразованный, исключительно симпатичный швейцарец, ведущий своё происхождение ещё от бежавших в своё время в Швейцарию гугенотов. Известно, что после Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 года и в связи с преследованием гугенотов по всей Франции часть дворянства, примкнувшая к гугенотам, бежала в сопредельные страны — Женева уже тогда была прибежищем для всякого рода эмигрантов. От одного из таких дворянских родов Франции вёл свою родословную мой банкир. Я познакомился с банкиром в ассоциации юристов-международников при отделении ООН в Женеве. Мы оба входили в Ассоциацию.

Контакт с банкиром быстро принял стабильный характер. Контакт был интересен и тем, что мой банкир был ещё и членом женевского парламента и был в курсе событий внутренней жизни Женевы и Швейцарии. Это значительно расширяло моё понимание оперативной обстановки в стране. Общение с банкиром носило открытый характер, и я не пытался эту связь конспирировать. Я бывал у банкира дома в гостях, что в Швейцарии бывает нечасто. Приглашение домой в Швейцарии — это знак особого внимания и действительно выражение дружеских чувств.

Помню, как однажды я решил подарить ему и его семье нашу большую шикарную матрёшку. У банкира было пять дочерей, и матрёшка, в которой было одна в одной 17 кукол, вызвала искренний восторг у всего семейства. Мне стало известно, что моего банкира швейцарские службы попытались «профилактировать». Это было к концу моего пребывания в Женеве. Видимо, дыхание холодной войны и влияние американской разведки сказывалось всё больше и в Швейцарии. Я на всём протяжении своего пребывания в Женеве не работал против швейцарцев и, более того, не имел такой задачи. Швейцарские спецслужбы, видимо, тоже понимали это. Однако на пятом году моего пребывания в Женеве они начали «профилактировать» некоторые мои связи. В частности, моему банкиру была показана изданная американской разведкой книга «КГБ», в которой приложением был помещён большой список сотрудников советских учреждений в различных странах, которые, как утверждали американцы, являются советскими разведчиками. Автором книги был известный Джон Баррон, и книга распространялась агентами ЦРУ по всему миру. Ни о какой конкретной деятельности указанных в книге лиц в основном речи не было. Моя фамилия также была в книге «КГБ», и эту книгу «доброжелатель», совершенно очевидно агент или даже сотрудник швейцарской контрразведки, показал банкиру, но был решительно «отшит» — банкир демонстративно не придал этой «профилактике» никакого значения. И

выразил своё недовольство прямо «посланнику» спецслужбы. Банкир был одним из тех моих контактов в Женеве, кто выражал искреннее сожаление в связи с моим отъездом. Он пригласил меня с женой в старинный женевский ресторан на прощальный ужин.

Ресторан был на берегу Женевского озера, и на ужин был приготовлен женевский деликатес — глубоководная озёрная рыба. На память об этом контакте у меня сохранилась очаровательная маленькая миниатюра вида Женевы, подаренная банкиром.

Характерным и очень интересным контактом была моя связь с советником американского представительства, сотрудником государственного департамента США. Американец был примерно моего возраста, застал конец войны с гитлеровской Германией, находясь в частях американской армии, которая освобождала Италию. Был ветераном войны. Он окончил престижный колледж и попал в госдепартамент, хотя по происхождению был из скромной семьи. Как рассказывал Джон (так его звали), от родителей у него в Штатах остался небольшой дом, который не представлял сколько-нибудь заметной материальной ценности. Однако, находясь уже после войны во Франции, он удачно женился на француженке русского происхождения. Жена его родилась во Франции, её родители покинули Россию ещё в период революции. Насколько я понимал, она имела приличное состояние, её семья владела обширными виноградниками в районе Божоле. Божоле — вино, широко известное как во Франции, так и во всём мире.

Джон держался очень открыто, был любезен и даже, несмотря на годы холодной войны, был лояльно настроен в вопросах развития советско-американских связей. Можно даже сказать, что он разделял идею мирного сосуществования, одну из основных идей, которую исповедовал Советский Союз в те годы в своей внешней политике.

Встречи с Джоном носили регулярный характер. Он непременно отвечал на мои приглашения и нередко был сам инициатором наших встреч. Мы обсуждали главным образом международные проблемы и вопросы советско-американских отношений. В это время в Женеве проходили важные политические конференции. Одна из них, конференция по стратегическим видам вооружения, была двусторонней, советско-американской.

Проблемы, решаемые на ней, были особой важности, и даже небольшие фрагменты информации по этой конференции были для меня интересны. Джон часто жаловался, что перегружен работой по ООН, и на моё замечание, что в его секторе в представительстве работает ещё

несколько человек, Джон с улыбкой, но в то же время серьёзно заявил, что эти люди практически ему совсем не помогают, так как принадлежат к другому ведомству и заняты своими делами.

Наш анализ показал, что действительно по крайней мере двое из его трёх подчинённых были сотрудниками ЦРУ.

Однажды я приехал на домашний приём, который устраивал Джон у себя на квартире, с небольшим опозданием. Войдя в комнату, я увидел Джона в окружении группы американцев, также дипломатов из представительства США. Они над чем-то громко смеялись, и когда я подошёл, Джон также с улыбкой начал представлять меня присутствующим. Один из американцев — я достоверно знал, что он является сотрудником ЦРУ — работал под прикрытием второго секретаря американского представительства. Я знал также, что он проявляет постоянный интерес к некоторым нашим сотрудникам в ООН и ведёт себя достаточно нагло. Когда этот американец обратился неожиданно ко мне, я сразу насторожился. А он без предисловия, видимо рисуясь перед своими начальниками, — а среди стоявших находился и резидент ЦРУ в Женеве, громко спросил: «Скажите, как это ваш третий секретарь Ефремов вдруг перешёл на работу в Управление кадров ООН? Его что, послали туда изучать досье ооновских сотрудников? И где он учил английский язык, который он так хорошо знает?» Я также с улыбкой уверенно и громко сказал: «Ефремов — хорошо, но вы-то кто будете? Откуда у вас этот повышенный интерес к Ефремову? И какие досье поручено изучать вам?» Раздался дружный смех американцев. Инцидент был вроде превращён в шутку, но через неделю Джон на встрече со мной рассказал, что вот уже несколько дней, как всё представительство потешается над упомянутым выше вторым секретарём, так как он со всей очевидностью сел в лужу, расшифровав неуклюже свою профессиональную принадлежность.

Поначалу развитие моего контакта с Джоном давало нам основание подумать о возможности его привлечения к сотрудничеству с нами, но развитие контакта показало, что оснований для таких планов явно недостаточно. Какова могла быть основа привлечения Джона к сотрудничеству, идеологическая? Да, Джон высказывал иногда критические замечания в адрес американского правительства по внешнеполитическим вопросам, но в то же время он был патриотически настроен и был стопроцентным американцем, любящим свою Родину. Материальная основа также ясно не вырисовывалась. Джон был карьерный дипломат, неплохо обеспеченный, а жена его была просто богатым человеком. Каких-то серьёзных слабостей, и тем более пороков, которые позволили бы как-то

создать базу для вербовки, я в Джоне не находил. Приходилось ограничиться дипломатическим, хотя и, несомненно, полезным контактом с американцем.

Связь продолжалась около двух лет, но вот на последних встречах я стал замечать, что Джон задаёт мне какие-то заранее подготовленные вопросы, в первую очередь, о моей биографии, моих привычках, друзьях. Если бы это было в самый первый период нашего знакомства, возможно, я бы не обратил внимания на это излишнее любопытство. Но закачивался второй год нашего контакта, и вопросы Джона, и в частности тот факт, что он как-то странно не смотрел на меня, когда касался этих тем, насторожили меня.

И вот однажды мы встретились в городе, чтобы вместе пойти куда-то позавтракать. Джон настоял на одном из ресторанов, который был мне известен как своего рода база американской разведки в Женеве. Естественно, я был насторожен. Я не думал, что речь может идти о какой-либо провокации, но поведение Джона вызывало подозрения. Когда в ресторане мы шли к указанному нам хозяином столику, Джон вдруг засуетился и излишне настойчиво, как мне показалось, предложил мне сесть на место лицом не к залу, а к находящейся поблизости стене. Во время ланча Джон вёл себя не совсем обычно, как-то суетливо. Он пытался вывести меня на разговор, который бы давал возможность судить о моём отношении «к социализму» и вопросам оценки западного образа жизни. Я же демонстративно сводил разговор к чисто дипломатической беседе на международные темы.

Мне показалось, что за мной либо скрытно наблюдают, либо, скорее всего, снимают скрытой камерой и записывают наш разговор.

Под благовидным предлогом я встал в середине обеда и вышел в переднюю, пытаюсь посмотреть, что же находится за стеной, которая была напротив меня в ресторане. Оказалось, что там было какое-то помещение, не относящееся к ресторану, и, видимо, имевшее отдельный вход. Мои подозрения только усилились. В дальнейшем пришлось сделать малоутешительный вывод, что мой контакт с Джоном попал в поле зрения ЦРУ, и Джон начал встречаться со мной под их контролем.

Я сократил общение с Джоном и разработал совместно с Центром тактику своего поведения. Кроме того, через несколько месяцев Джон был переведен в другую страну, чётко по истечении срока своего пребывания, как это принято у американцев. Так закончилась моя связь с американским советником, которая поначалу представлялась весьма интересной.

Случилось по заданию Центра мне лично съездить в Северную

Италию в район озёр Маджоре и Комо. Не буду вдаваться в подробности задания, но главная задача состояла в том, чтобы «аккуратно установить» человека, проживающего в одном из закрытых пансионатов в районе Сото. Как минимум, убедиться, что он проживает или проживал ранее в этом пансионате. Я поехал с нашим товарищем Окуловым. Василий был офицером безопасности нашего представительства в Женеве.

Выехали. Казалось, ехать нужно не очень далеко, но через горы путь оказался долгим. Через Монтрё вверх в горы Вале, через Андермат, далее — в Италию. Пусть дороги были горные, но отличные, швейцарские дороги заметно отлетались от итальянских в лучшую сторону. Доехали до городка Комо, начали в этом районе поиски, нашли нужный пансионат, но уже был вечер. Решили отправиться туда утром. Переночевали в скромном отеле, расположенном в очень красивом месте прямо на берегу озера. Отужинали по совету хозяина в городе в ресторане рядом с монастырём (там перекусывает и монастырская братия). Ресторанчик понравился. Утром направились в пансионат. Василий с машиной остался в стороне за воротами (машину светить не хотели), а я пошёл к зданию, где, видимо, принимали гостей. Под благовидным предлогом задал несколько вопросов и выяснил, что «мой человек» некоторое время назад съехал, якобы в Милан, оставив адрес для пересылки почты. Замечательно, так как личный контакт мне совсем не был нужен. Мы с Василием направились в сторону швейцарской границы в обратный путь, но, посмотрев на время, вспомнили об обеде и единогласно решили вернуться в Комо, в наш вчерашний ресторанчик. Для конспирации больше не было причин, и мы не стали скрывать, что мы русские (советские). Хозяин был в восторге, был очень доволен тем, что может угостить советских путешественников, и даже присел на минуту с нами за стол, выпив с нами рюмочку вина. Красота озера Комо исключительна. Надолго туда приезжать не стоит — заскучать можно, а дня на три-четыре — получишь очень приятные впечатления.

Товарищи, работавшие в Женеве по линии «Кр» заслуживают самых лестных слов, они работали с полной отдачей сил. Но вот однажды произошёл неожиданный сбой. Из Москвы за подписью первого заместителя начальника разведки Бориса Иванова поступила грозная телеграмма. В ней было приказано провести расследование и срочно доложить, как могло произойти, что наш работник «полностью расшифровался перед посторонними людьми» и вел разговоры о работе разведки, называя даже имена разведчиков. Этим сотрудником был назван наш товарищ Вадим Мельников. Вадим был в первой командировке, он был на хорошем счету, напористо работал, в том числе по «главному

противнику», и никаких замечаний не имел до этого момента.

Я тут же вызвал Вадима, прямо высказал ему претензии, возникшие в Центре на основе их собственной (нам неизвестной) информации. Мельников, нужно отдать ему справедливость, откровенно сообщил следующее. Он, находясь у себя дома на городской квартире без жены (жена уехала в Москву повидать сына), немного выпил и решил навестить соседей, семью наших ооновских переводчиков. Но соседка была в этот вечер без мужа, её муж, как оказалось, находился в командировке на какой-то конференции по линии ООН в Африке. Такие поездки переводчиков случались довольно часто. Вадим, видимо, распустил павлиний хвост и отправился к соседке «за спичками». Она была не одна, в гостях у неё была подруга из Москвы, находящаяся в Женеве в качестве переводчика с одной из делегаций. За «чашкой чая» Вадим начал заливаться соловьем в присутствии двух симпатичных дам. Наговорил, что он лично знает всех великих разведчиков, например, Кима Филби, и т. п. Я уверен, что о своей конкретной работе ни в Москве, ни в Женеве он не говорил. Но факт имел место, и Мельников должен был понимать, что подруга соседки может быть человеком наших служб, «опекающих» всякие делегации за рубежом. Так оно и случилось. Подруге нечего было докладывать по поведению делегации, и она подробно изложила в Москве, может быть ещё и приукрасив, все «откровения» Вадима. Её сообщение легло во Второе Главное управление, а они не преминули доложить всё прямо председателю КГБ.

Далее становится понятной реакция нашего начальства. Я со своей стороны подробно, в максимально мягких тонах описал всю историю в Центр, отметив, что Мельников работает хорошо и полностью понимает свою ошибку. Но получил быстрый и однозначный ответ: свернуть все дела Вадима в Женеве и откомандировать его в Союз под любым для представительства предлогом. Вадима в Москве слушать особо не стали и в Центре не оставили, а через какое-то время направили во Владимир на курсы подготовки пограничников для работы в комендатурах наших посольств за рубежом.

Позднее я получил устное замечание за недостаточную воспитательную работу с подчинёнными.

Где-то к концу третьего года моей работы в Женеве туда приехал В.А. Крючков. Крючков был недавно назначен на пост первого заместителя начальника разведки, переведён с должности начальника секретариата председателя КГБ Андропова. В КГБ Крючков пришёл вместе с Андроповым. Он был человеком, близким председателю, и работал с

Андроповым ещё в Будапеште во время известных венгерских событий 1956 года, когда Андропов был там послом. Его назначение заместителем, очевидно, сразу рассматривалось с прицелом на пост начальника Первого Главного управления. В этот период Крючков курировал в ПГУ линию ПР (политическое направление работы разведки). Он ехал в Париж через Женеву и в Швейцарии находился несколько дней. Это был его первый выезд за рубеж по линии разведки. Он вникал только в дела сотрудников по линии ПР. Линию ПР возглавлял некто Сахнин, молодой толковый товарищ, работавший под прикрытием сотрудника ООН. Должность резидента была в это время вакантной, и Сахнин исполнял обязанности резидента. На третий день пребывания в Женеве Крючков обратился ко мне с неожиданным вопросом: он сказал, что приглашён Сахниным на ужин на дом, что хочет принять это приглашение и просит моего совета. Я, конечно, не имел никаких причин для возражения, тем более швейцарцы не очень наседали на нас в плане слежки (наружка регулярно ходила только за нашими коллегами по линии ГРУ — они давали для этого повод, заглядывая на швейцарские военные базы и горные укрепрайоны). «Однако швейцарцы, — добавил я, — очень любят техническую слежку, особенно установку аппаратов подслушивания. С большой долей вероятности, на квартире у Сахнина может быть такая техника. И это осложнит любой разговор и всю встречу». Я предложил подобрать хороший спокойный ресторан (недостатка в них не было) и далее действовать по следующему плану: привезти туда Крючкова прямо из представительства, надёжно проверившись от возможной слежки, а Сахнин прибудет туда раньше (по желанию — с женой или без неё), тоже проверившись, со своей стороны, и встретит Владимира Александровича, как хозяин встречи, у ресторана. После встречи мы в любое время заберём Крючкова и на нашей машине доставим его в гостиницу на территории представительства, где он остановился. Крючков тут же согласился и сам сообщил вышеизложенный план встречи Сахнину, у которого это предложение, по-моему, встретило понимание. Я думаю, что Крючков посоветовался со мной не случайно, а по подсказке кого-то из Центра, возможно шефа управления «К». Через несколько лет, когда Крючков был уже уверенным в себе начальником ПГУ, я, будучи уже в должности заместителя начальника управления «К», был у него на приеме, и он сам вспомнил о своём пребывании в Женеве и об этом его походе в ресторан.

Уже к концу четвёртого года работы в Швейцарии произошло небольшое событие, которое могло бы полностью перевернуть мою жизнь. В это время постоянным представителем Советского Союза в ранге посла

при ЮНЕСКО в Париже был Пирадов, зять всеильного министра иностранных дел, члена Политбюро ЦК КПСС, Андрея Андреевича Громыко. Пирадов регулярно приезжал в Женеву по делам: для участия в работе некоторых делегаций. В частности, он принимал участие в работе конференции по вопросам космического пространства, которая длительное время работала в Женеве. Я был хорошо знаком с Пирадовым и по делам в ООН и в личном плане. В один из приездов он пригласил меня на разговор и без обиняков предложил пойти работать в ЮНЕСКО на должность заместителя генерального директора. Прежде чем сделать мне такое предложение, он тщательно подготовился и заявил, что сумел ознакомиться с моей характеристикой в ЮНЕСКО, которая была подписана директором департамента, известным английским ученым Маршаллом. Также он заявил, что должность заместителя ЮНЕСКО закреплена за Советским Союзом, и что я, как «бывший кадровый сотрудник» организации, проработавший в ней около 5 лет, хотя и на небольшом посту, являюсь очень подходящей кандидатурой. Он прямо сказал, что ни в Париже (со стороны Совета ЮНЕСКО), ни в Москве (Пирадов берёт это на себя) никаких препятствий не будет. Нужно только моё согласие. Я помню, что я сказал Пирадову, что нахожусь на специфической службе (он знал об этом) и никаких переговоров вне рамок службы вести не могу и не буду. Мой оппонент отнёсся с пониманием к моей позиции и попросил на следующий день сказать только «Да» или «Нет». На другой день я сказал: «Нет». Но, видимо, это прозвучало не очень твёрдо, а он был человек напористый — позднее поставил этот вопрос каким-то образом в Москве. Вскоре я, будучи в отпуске в Москве, был приглашён к Крючкову. Он поинтересовался, как идут дела, и тут же спросил, получал ли я предложение от Пирадова, если получал, то как отреагировал. Я спокойно ответил, что от такого предложения, сделанного мне два месяца назад в Женеве, я отказался, и теперь придерживаюсь этой же позиции. Вопрос был закрыт. Хочу признаться, что предложение стать заместителем генерального директора ЮНЕСКО было соблазнительным, как в материальном плане, так и в плане возможности работать в Париже. Париж есть Париж. Но я в то время был уже очень привязан к своей работе — более двадцати лет в разведке. Дела в Женеве шли хорошо, и желания менять колею не было. Может быть, не хватило амбиций. Свою роль в то время сыграл мой консерватизм.

Большим украшением моего пребывания в Женеве явился тот факт, что я достаточно успешно освоил великолепный вид спорта — горные лыжи. Это огромный стимул поддержания хорошей рабочей формы и прекрасная возможность снятия психологической нагрузки, связанной со

службой в разведке.

Горные лыжи играют немалую роль не только в вопросе развития туризма в Швейцарии, но и в решении серьёзных социальных проблем. Мой хороший знакомый, член женеvского парламента, рассказал мне, что спорт вообще, а горные лыжи в частности, сыграли и играют значительную роль в борьбе с пьянством в Швейцарии, особенно среди молодёжи. После войны, в первые мирные годы, специалисты правительства Швейцарии отметили заметное увеличение потребления алкоголя в стране. Отмечалось даже развитие настоящего, не характерного для Швейцарии, пьянства. Вопрос изучался специальной группой социологов, которая вынесла свои рекомендации по борьбе с алкоголизмом. В частности, внимание было обращено на то, что тот, кто много времени посвящает лыжам, не пьёт. Горнолыжники вообще пить не могут, так как алкоголь резко снижает реакцию и нормальную работу вестибулярного аппарата. Власти начали поощрять пропаганду горных лыж. Специальным законом в школах всей страны был введён обязательный спортивный день — четверг. Всюду, где это только возможно было, в четверг школьники выезжали со своими классными наставниками на горнолыжные станции. Все подъёмники по четвергам для школьников работали бесплатно. Я сам наблюдал, как учителя разбивали классы малышей на четвёрки, становились во главе одной из четвёрок, а если не могли сами, то просто дежурили у автобусов, а четвёрки возглавляли старшеклассники, уже хорошо освоившие лыжи. Далее все четвёрками гуськом отправлялись к горе. Каждый школьник на груди имел карточку со своей фотографией, дающую право использовать любой подъёмник бесплатно. Эти меры послужили толчком и для развития других видов спорта.

Ещё в семидесятые годы в Швейцарии не было профессионального футбола. Помню, как в Женеву приехал московский «Спартак» и должен был сыграть по договорённости 3–4 игры в разных городах, в том числе в Женеве. Но в Женеве футбольной команды просто не было. Была любительская команда только в заводском пригороде Женевы Каруже, там и должна была состояться игра. Я поехал посмотреть. Футбольное поле никаких трибун не имело вообще. Я присутствовал, когда тренер «Спартака» давал наставления на игру: «Играть нормально, без силовых приёмов, в каждом тайме забить только по одному голу и закончить матч со счётом «2:0», и не больше». Женевское телевидение вечером дало по поводу игры восторженные комментарии и интервью наших игроков. Скажу, что сейчас в Швейцарии уже существуют десятки хороших стадионов, профессиональных футбольных команд и спортивных школ.

Красоте Женевы посвящено много лестных слов, и это заслуженно. Я прекрасно помню достопримечательности Женевы. 146-метровый фонтан в центре женевской бухты. Знаменитый мост Монблан, всегда украшенный разноцветными знамёнами: это флаг Женевы, красновато-желтое полотнище с изображением золотого ключа и распиленного пополам чёрного орла, и флаги Конфедерации.

Завораживают цветочные часы у входа в Английский парк. Это часы с самой длинной в мире секундной стрелкой, а циферблат состоит из тысяч бегоний и анютиных глазок. Цветы каждый день подстригают и подсаживают, если нужно, новые, и часы-клумба всегда благоухают и радуют своей свежестью.

Известен в Женеве кафедральный собор Сен-Пьер своей полуторатысячелетней мозаикой. В соборе в одной из крипт стоит знаменитый резной стул, принадлежавший Жану Кальвину, лидеру реформации церкви, оставившей особую печать в жизни города и его людей, да и Швейцарии в целом. «Кальвин в Женеве стал диктатором, как в религии, так и в светской жизни», — писал К. Маркс. Он проповедовал «мировой аскетизм», что выражалось в особой бережливости и трудолюбии. Кальвин был не просто проповедником, он был беспощаден к своим противникам. В истории известен случай, когда крупный учёный Мигель Сервета, известный своими открытиями в медицине, философ и мыслитель, издал книгу о христианстве, в которой выступил с критикой Кальвина. Он приехал в Женеву и был по приказу Кальвина схвачен. Нет, не выслан, не посажен в темницу — он был публично сожжён. В Женеве есть талантливо сделанный монумент: Стена Реформации со скульптурами Кальвина и его ближайших соратников. Выразительно! Кальвинизм получил большую известность в ряде стран. Женеве утвердилось при Кальвине как международный центр. Эта репутация активно поддерживалась, и город сохранил и сейчас, и даже приумножил этот свой статус.

В то же время уже в XVI веке Женеве стала широко известным убежищем для лиц, преследуемых по религиозным или политическим мотивам. Из России сюда скрылись Герцен и Огарёв, а позднее здесь нашёл своё пристанище Плеханов. Четыре года в Женеве пробыл Ленин. Начало же этой важной для Женевы традиции положили гугеноты из Франции, их было более 1500 семей. Один из моих близких знакомых, банкир (я о нём упоминал) был прямым потомком этих гугенотов. Эта прекрасная традиция, пришедшая с Реформацией, сохраняется, хотя, на мой взгляд, и немного потускнела. Но что сохранилось и укрепилось на генетическом

уровне во всей Швейцарии, и особенно в Женеве, так это бережливость. Я бы не сказал, что это скарденность, я этого не замечал. Но рациональность и бережливость на грани скупости присутствует.

Стоит вспомнить и о великих известных нам людях, живших в разные времена в Женеве: лорд Байрон, гений Фёдор Достоевский, и целый ряд наших известных политических эмигрантов, таких как Георгий Валентинович Плеханов. Сохранилась в Женеве и скромная квартира, в которой жил Владимир Ильич Ленин.

Хочется подчеркнуть особую атмосферу какой-то взаимной симпатии и внутреннего спокойствия, которая, как мне казалось, царит в городе. Хорошо помню, как только подходишь с детской коляской к краю тротуара, чтобы перейти улицу (я гулял иногда по городу с моим младшим сыном, родившимся в Женеве), все водители останавливаются и спокойно пропускают тебя. И даже если ты без коляски намереваешься перейти улицу, картина не меняется. Характерно и то, что когда ты останавливаешься на улице и смотришь карту города, то первый же прохожий предложит тебе свою помощь в нахождении нужного места. Эту ситуацию я тоже прочувствовал на себе, первый раз случайно, а второй преднамеренно, но с тем же эффектом. Можно привести и другие примеры любезности и внимания жителей Женевы.

У швейцарцев есть ещё один повод для особого упоминания — шоколад. Да, шоколад! В Швейцарии производят шоколад один из лучших в мире. Я был знаком с представителем всемирно известного концерна «Nestle». И как-то получил от него приглашение посетить их шоколадную фабрику в городе Бове, рядом с городком Вивей, где находится главный офис «Nestle». Бове — городок с населением менее 10 000 человек. Главное предприятие здесь — фабрика, производящая дорогой шоколад, скорее конфеты из чистого шоколада. На предприятии нас встретил директор, как я узнал потом, он — главное лицо в городе. Директор и провёл экскурсию по своему предприятию. Зал управления. Два специалиста запускают нужную программу, благодаря которой определённый состав шоколадной массы поступает на конвейер, с которого сходят в итоге конфеты определённой марки. На механизмах работают только мужчины, на конвейерах и упаковке — в основной массе женщины. Запахи в цехах дурманящие, но попробовать продукцию мне не предлагают. Объясняют, что мы директором приглашены на обед, а до обеда шоколад исключён. Директор показал документ — регламент производства, утверждённый правительством страны. Вот некоторые интересные положения этого регламента: строгое соблюдение норм основного компонента, какао, и

использование только швейцарского молока с горных пастбищ. Запрещены любые молочные продукты импортного происхождения (Франция с её молочными продуктами ведь совсем рядом). Упаковывается продукция только в особые коробки; этот шоколад не идёт на экспорт — только для продажи внутри страны (в фирменных магазинах, на вокзалах, в аэропортах, в гостиницах). Шоколад является некой рекламой, визитной карточкой страны — «коробка шоколада из Швейцарии». Мой гид-шеф шоколадной фабрики рассказывает, что шоколадная масса до конвейера по рецептам готовится в специальном цехе, затем размещается в ёмкостях, напоминающих бетономешалки, и в течение семи суток непрерывно перемешивается. На мой вопрос, почему так долго, отвечает, что научно и экспериментально доказано, что самая нежная смесь с сохранением нужного вкуса получается только на седьмые сутки перемешивания шоколадной массы!

И в заключение получаю коробку шоколадных конфет в два килограмма. Ещё по пути в ресторан интересуюсь, бывает ли воровство шоколада на производстве, я не заметил никакой системы охраны на фабрике, только в домике на воротах, кажется, был какой-то человек. На что директор, колебавшись, рассказывает, что года два назад был «несчастный случай»: мастер вынес 1,5 килограмма конфет с фабрики и был кем-то замечен. Нет, его не судили, даже не уволили, но слух о произошедшем разнёсся по производству и, естественно, по всему городу. Провинившийся вынужден был уехать вместе с семьёй из города через полтора-два месяца навсегда.

Глава восьмая. Москва. Управление внешней контрразведки

В Женеве дела шли достаточно успешно. Можно было бы ещё поработать в Женеве с годик. Здесь я получил лестное предложение, которое было значительным повышением по службе — должность заместителя начальника Управления внешней контрразведки. В августе 1976 года уже окунулся в работу управления «К». Работа оказалась напряжённой, но в то же время очень интересной. Я посвятил этой работе шесть лет. Возможности нет описывать работу Управления внешней контрразведки. Расскажу лишь о нескольких эпизодах.

У восточных берегов Соединённых Штатов существует целая серия туристических круизов самых различных категорий. Среди круизных кораблей, развлекающих короткое время большое количество американцев, работают и наши советские суда. Они плавали и у берегов США в самый разгар холодной войны. В 1978 году к одному из помощников нашего капитана такого корабля обратился американец, совершавший небольшое плавание на советском корабле. Он без обиняков просил предать советской разведке своё предложение о сотрудничестве. Американец представился (продуманно или смело) как капитан второго ранга военно-морского флота США, сотрудник крупной научно-исследовательской базы военно-морских сил США. Американец назвал себя и заявил, что может передавать советской разведке документальную информацию по новейшим научно-техническим разработкам военно-морского флота США за соответствующее вознаграждение. Артур Лидберг, так называл себя американец, ещё раз убедившись, что разговаривает с русским помощником капитана, предложил запомнить условия, как с ним связаться. Назвал удобное для него место встречи в Нью-Йорке, но заявил, что готов встретиться и по нашему предложенному варианту в нерабочие дни.

Информация поступила в нашу резидентуру в Нью-Йорке и, соответственно, в Центр. Проведённая резидентурой первичная проверка показала, что Линдберг, капитан второго ранга, действительно числится среди сотрудников названного им центра. Осторожная проверка по месту жительства выявила любопытный факт, что в его семье было четыре уже достаточно взрослых дочери. Это, несомненно, требовало серьёзных затрат. Американский капитан второго ранга получает приличную зарплату, но в

данном случае этого могло быть маловато, тем более для жизни в Нью-Йорке.

В Центре был проведён анализ имеющихся фактов. «Нарисован» портрет заявителя и прикидка возможных целей, которые могла бы ставить себе контрразведка, если речь идёт о подставе. Подстава для решения оперативных задач? По всем исходным данным фигуры заявителя это маловероятно. Скандал, даже с политическими последствиями. Выходит за рамки известной практики и использование научно-технических документов. Слишком сложно. Крупная техническая дезинформация. Это проверяется в дальнейшей работе с материалами. Идеи о такой дезинформации существовали всегда. Передать противнику проект (недоработанный) или идею, которая уже завела разработчиков в тупик. Шансов, что Линдберг — подстава, немного, но сомнения всегда остаются. Риск в разведке всегда присутствует, но, взвесив «за» и «против», принято решение по делу капитана второго ранга.

Для работы на месте резидентура отобрала трёх сотрудников ВКР, срок командировки которых заканчивался и которые могли быть также «засвечены» предателем, бывшим советским дипломатом, занимавшим пост заместителя Генерального секретаря ООН Шевченко. Это были атташе советского правительства при ООН Владимир Зинякин и сотрудники ООН Рудольф Черняев и Вальдик Энгер. Они имели советские дипломатические паспорта, но только Зинякин был аккредитованным дипломатом, пользующимся дипломатическим иммунитетом. Черняев и Энгер, по правилам ООН, как сотрудники невысокого ранга, иммунитетом не пользовались.

21 мая 1978 года американцы дали в прессу сообщение об аресте трёх советских граждан, сотрудников ООН. Они были задержаны «при изъятии из тайника документов одного из особо засекреченных проектов ВМФ США в области подводного вооружения». Задержаны были Зинякин, Энгер и Черняев. Заявление по делу сделал на высшем уровне директор ФБР Уэбстер, подчеркнувший, что задержанные являются советскими разведчиками, сотрудниками КГБ. ФБР вскоре назвало своего «информатора» по делу: офицера ВМС США А. Линдберга. ФБР утверждало, что вело дело Линдберга с самого начал и всё то, что происходило до дня ареста советских разведчиков, было под их контролем и координировалось со штабом ВМС США. В заявлении ФБР была странная деталь. Как и для какой цели американцы позволили передавать нам в течение нескольких месяцев сотни кадров с документальными материалами важной военной базы, если «ФБР контролировало дело»?

Задержание должно было быть разыграно с помпой. Сообщалось, что слежка проводилась десятками бригад наружного наблюдения и даже с использованием вертолѐта. К месту тайника выходил один Зинякин. Два других, Энгер и Черняев, остались в двух кварталах. Зинякин, подходя к месту закладки, особым чутьѐм разведчика почувствовал что-то неладное и пошѐл в сторону. И тогда из засады был буквально схвачен фэбээровцами. Наружники в первый момент пытались всучить Зинякину упаковку бумаг. Видимо, по сценарию было задумано зафиксировать изъятие документов из тайника и использовать как документальный материал. Но не получилось. Одновременно были задержаны, без каких-либо объяснений, Энгер и Черняев. Зинякин вскоре был отпущен как обладатель дипломатической неприкосновенности, а Черняев и Энгер, после попытки допроса, препровождены в тюремные камеры.

После принятия решения о работе с Линдбергом с ним был проведена одна, но обстоятельная личная встреча. Было решено, что вся работа по делу будет проводиться только через тайники. Документы в плѐнках от Линберга, деньги и возможные вопросы от нас. Места операций, время, условные сигналы «о закладках» были тщательно проговорены. Линдберг проявил полное понимание. Было решено, что на первом этапе пока не будет полностью очевидна достоверность и подлинность документов, мы не будем отрабатывать усложнѐнные формы связи, тайнопись, микроточки и тем более сложные средства технической связи. Конечно, были обусловлены формы связи, но только на предмет непредусмотренной и длительной потери контакта. Исключалась возможность выхода Линберга на какой бы то ни было контакт с советскими представителями. В то же время были предприняты самые строгие меры секретности, как в резидентуре, так и в Центре, при работе с полученными документами. Точнее говоря, с фотокопий убирались даты, номера, подписи, различные штампы, то есть все возможные индивидуальные признаки, но содержание не спрячешь, тем более в научно-технической документации.

Документы далее передавались в специальное подразделение Управление научно-технической разведки, минуя даже секретариаты наших управлений. Это управление далее передавало материалы по своим секретным каналам в институты вооружѐнных сил, получало оценки, возможные вопросы и задания.

В последующие дни последовал обмен жѐсткими дипломатическими нотами. наших товарищей пытались допрашивать и склонять «к сотрудничеству», а проще говоря, к измене. Была попытка оказания психологического давления. Например, Черняева перевели из одиночной

камеры в камеру с двумя наглыми громилами, неграми. Резкий протест нашего консула пресёк такие попытки давления. Несмотря на холодную войну, существовали неписанные правила борьбы разведок.

Американцы извлекли из шумихи в прессе пропагандистскую выгоду. Служба ФБР получила похвалу в комиссии конгресса и обещание существенно повысить их бюджет. Появились намёки на судебный процесс над советскими шпионами. Странно, но Линдберга начали называть не фигурантом дела, а свидетелем. В нашем Центре тщательно изучали варианты развития событий. Никаких данных о причинах провала не поступало. Вскоре Центр привлёк к изучению дела опытного советского юриста, специалиста по американским правовым нормам. Он поехал в Штаты, чтобы на месте посмотреть на дело в контакте с местными коллегами. В Москве готовились к худшему. Американцы раздували «кадило». Отказались от предложения отпустить для проживания наших ребят до суда в посольстве под залог. Становилось ясно, что только другие решения могут поправить дело. Нами было выдвинуто предложение о захвате и аресте американца у нас в Союзе для дальнейшего обмена на наших разведчиков. Идея была не нова. Обмены осуществлялись и до этого, и после. Идея получила высокое одобрение, и указание было дано самим председателем Комитета нашей контрразведке. На совещании во Втором Главном управлении было уточнено, что американский кандидат не должен быть дипломатом, должен работать в Союзе продолжительное время, быть хотя бы на подозрении в разведывательной работе. Наша контрразведка работает хорошо. Уже через несколько дней подходящий американец был задержан в одном из волжских городов. Конкретно, он был задержан за валютные операции. Тогда с этим у нас было строго.

Американец явно занимался сбором информации, часто бывал в посольстве в Москве. В надежде на согласие американцев на не совсем эквивалентный обмен нас ободряла получаемая из Нью-Йорка информация, что у ФБР возникли пока что скрываемые затруднения в организации «шпионского» процесса. Высокие военные и администрация Белого дома не хотели видеть на суде старшего морского офицера в качестве шпиона. Роль свидетеля обвинения также, видимо, была не ясна. Особенно при дотошных журналистах и профессиональной юридической защите. Но события превзошли все наши ожидания. В практике обменов обычно заинтересованная сторона начинает зондаж через далёких от дела юристов, затем выходит на контакт с «компетентными» представителями другой стороны. Согласовываются малейшие детали: точное место и время обмена, гарантии. Характерен пример обмена нашего крупного нелегала

полковника Абея, осуждённого в США. После того, как он был выдан предателем, — на американского лётчика Пауэрса. Как известно, Пауэрс был сбит нашей ракетой над территорией Союза на сверхвысотном разведывательном самолёте У-2, осуждён в Москве и находился в нашей тюрьме. Переговоры шли долго и трудно, а обмен проходил именно так, как показано в фильме «Мёртвый сезон».

Но этот раз всё было иначе. Американцы явно были напуганы тем, что задержанный после «промывания мозгов» на Лубянке даст разоблачающие показания, в Москве разразится громкий судебный процесс. Стало очевидным, что задержанный американец являлся или кадровым сотрудником ЦРУ, находящимся на стажировке в России под «глубоким прикрытием», или доверенным агентом разведки с широким заданием.

Уже на следующий день посол США в Москве в конце рабочего дня попросил срочную встречу в Министерстве иностранных дел и был принят заместителем министра, который был полностью в курсе дел. Дискуссии не было. Посол попросил отпустить американца и тут же согласился принять наши требования освободить наших товарищей. Было согласовано, что «обмен» состоится на следующий день, примерно в одно время, и не будет никаких препятствий с обеих сторон в отношении немедленного выезда освобождённых.

У нашей стороны была только одна цель — освобождение Энгера и Черняева, она была достигнута. Опытные наши специалисты говорили, что никогда ещё так быстро и чётко не договаривались. Могут же, когда захотят!

На следующий день после обмена американец вылетел в Штаты. В аэропорту его провожал большой эскорт из сотрудников американского консульства. Наши товарищи также не задерживались. Мы их встречали в Москве на двух чёрных «Волгах» у трапа самолёта «Аэрофлота». Их после тёплого приветствия повезли прямо домой к семьям. Все вопросы службы были отложены на «потом».

Вопрос был закрыт. Работа наших товарищей была отмечена серьёзными поощрениями. Анализа причинам провала у нашего начальства никто не попросил. Плохие вести забываются быстро. И истинные причины провала остались невыясненными.

Через некоторое время нам стало известно, что Линдберг вместе с семьёй покинул Нью-Йорк и, говорят, отправился на Дальний Запад, в одну из зон США, закрытых для посещения иностранцами.

Полгода спустя в разведке стала известна история, достойная настоящего многосерийного детектива. Сотрудник отдела информации

Управления научно-технической разведки Ветров был задержан в пригороде Москвы проезжавшим мимо случайным водителем. Последний уже в наступающих сумерках услышал крик о помощи недалеко от стоявшей на обочине машины. Водитель оказался не робкого десятка и, выскочив из машины, обнаружил рядом за кустами человека, убивающего ножом женщину. Смельчак сумел захватить убийцу и доставил его и раненую женщину к близлежащему посту милиции. Задержанный оказался сотрудником КГБ и попал в Лефортово, а женщина, как выяснилось, бывшая его любовницей и технической сотрудницей того же управления, была доставлена в больницу. Её спасли, хотя раны были серьёзные. Следователя по делу смутил тот факт, что очевидных причин для убийства не просматривалось. Психика подследственного была признана нормальной, ранее сцен ревности подруга не отмечала. Следователь по делу Ветрова оказался опытным и дотошным: учитывая в совокупности материалы, повёл дело по неожиданному пути.

Подруга подследственного вспомнила его заявления о больших деньгах, которые он может тратить и за рубежом. Деньги со счёта непонятного происхождения действительно нашлись. Подруга говорила также о каких-то опасениях в отношении проверки его зарубежных контактов. Появилась уверенность, что Ветров пытался убить свою знакомую, так как заподозрил, что она за ним шпионит. Проверка и опрос сослуживцев выявили «странности» в поведении Ветрова, особенно в последний период его пребывания в заграникомандировках. Возникли противоречия и в показаниях самого Ветрова. Не буду описывать все шаги следствия, но преступник признал, что был завербован в период завершения своей командировки во Франции и дал детальные показания о работе с французской разведкой.

В Москве после возвращения из командировки он был назначен в информационный отдел НТР (Управление научно-технической разведки). То самое подразделение, через которое реализуются материалы, добываемые разведкой в научных и технических областях, а по их каналам передаются в заинтересованные ведомства или институты. Через этот отдел проходили и документы, полученные от Линдберга. Конечно, Ветров не мог раскрыть нашего источника, но, как человек опытный, мог понять направленность материалов, выявить главные черты проекта и эти данные передать французам.

Сведения были переданы американским спецслужбам, которые довольно быстро выявили, что данные относятся к крупному конкретному проекту, разработка которого ведётся на базе близ Нью-Йорка. Дело было

поручено нью-йоркскому отделению ФБР. Об особой важности для ФБР этого сигнала говорить не приходится. Это — не мафия, не слежка за компартией. Для ФБР это было важнейшее дело по советскому шпионажу. Выяснилось, что к проекту имеют отношение сотни людей, а к работе с документами меньше, но тоже десятки сотрудников научно-исследовательского центра военно-морского флота США. Никаких дополнительных данных, несмотря на настойчивые запросы американцев, французы дать не смогли. ФБР направило на срочную разработку дела бригаду наиболее опытных детективов. Двое из них были осторожно внедрены в кадры научно-исследовательского центра ВМФ США. Контроль по делу взял на себя сам генеральный директор ФБР Уэбстер. Вскоре значительная часть подозреваемых отсеялась. В некоторые помещения были поставлены скрытые камеры. Проверялось всё: режим дня, задержки на работе, детали биографий и т. д. Линдберг попал под видеокамеру в момент фотографирования очередного досье. Он полностью признался на первом же допросе и согласился на «сотрудничество со следствием».

ФБР нужно было громкое дело. Сроки их поджимали — дата очередной закладки тайника. В операции американцев по аресту наших товарищей «с поличным», а именно так ставилась в ФБР задача, было задействовано более ста сотрудников, десятки машин и даже вертолёт. Зачем, если место тайника им было известно? Первая волна «разоблачений» в СМИ прошла для ФБР успешно. Но затем возникли неожиданные трудности. Против громкого процесса в отношении старшего офицера военно-морского флота США возражали и в штабе ВМФ и в министерстве обороны. Сомнения выразил и помощник президента по вопросам национальной безопасности. В это время руководство ФБР начало искать подходящий путь, как закрыть дело Линдберга, сохранив заработанный пропагандистский капитал.

Дело, как было сказано, закончилось довольно быстро обменом наших товарищей на американца. Судьба наших товарищей сложилась вполне благополучно в стенах российской разведки.

Ветров был осуждён военным трибуналом к высшей мере. Линдберг вскоре вышел в отставку и покинул Нью-Йорк.

Вспоминаю неординарный для службы эпизод. Наш сотрудник Дмитрий был направлен в командировку в Осло под прикрытием представителя Министерства кинематографии. Довольно скоро, имея относительную независимость, небольшой, но собственный бюджет, и подогреваемый своим окружением по работе, Дмитрий начал выпивать. Наверное, он и раньше имел слабость к спиртному. Вскрылось, что он

задолжал плату за свой офис и квартиру, а деньги в его кассе закончились. Руководство службы к таким вопросам относится жёстко, что, несомненно, правильно. Начальником разведки было принято решение: Дмитрия отозвать и уволить. О грядущем увольнении ему никто, конечно, не сообщал. Он, естественно, устроил свои проводы и погрузился в самолёт, будучи в хорошем подпитии. Естественно, быстро заснул. Именно в тот момент, когда он заснул, было объявлено, что самолёт захвачен террористами и изменяет свой маршрут. Террористов, как потом выяснилось, было двое — выходцы из рядов сепаратистов Бангладеш. Они приказали пилотам лететь в одну из африканских стран и выдвинули требование об освобождении какого-то своего лидера. Экипаж подчинился, как и положено, сообщил в Москву о происходящем на борту. Супруга Дмитрия с трудом его растолкала и стала паническим шёпотом рассказывать ему, что их самолёт захвачен террористами. Дмитрий встал с кресла и двинулся по проходу. Ему навстречу бросился достаточно крупный азиат с оружием в руках. Возможно, Дмитрий пистолета и ножа даже не заметил, и его «каучуковый кулак» (он был крупным парнем) угодил террористу прямо в челюсть, и тот плашмя отлетел к открытым дверям кабины пилотов. Из дверей выскочил второй азиат, но две храбрые стюардессы повисли на нём, хотя он и держал в руке пистолет. Он не успел им воспользоваться, так как секунду спустя кулак Дмитрия угодил и в его голову и привёл террориста в полную неподвижность. Девушки-стюардессы вместе со вторым пилотом крепко скрутили террориста. Первый пилот объявил по громкой связи, что инцидент исчерпан, и самолёт возвращается на первоначальный маршрут. Дмитрий прошёл на своё место, а одна из стюардесс принесла ему бокал коньяка под бурные аплодисменты всех пассажиров. О попытке захвата самолёта в управлении слышали, но деталей никто не знал, и пресса также промолчала. На другой день Дмитрий прибыл в управление. Прошёл ещё день, два, приказ об увольнении Дмитрия был подготовлен, но здесь пришло письмо из Аэрофлота в Президиум Верховного Совета с просьбой о представлении Дмитрия и двух стюардесс к правительственным наградам «за проявленное мужество и героизм»... Письмо в разведку переслало Министерство кинематографии «по принадлежности». Начальник разведки принял мудрое решение: представление к награждению поддержать, дело об увольнении закрыть. Дмитрия поздравили с наградой и перевели в управление, работающее только в Союзе. Причины его откомандирования из Осло разбирать не стали. Формулировка была стандартной: «в связи с переводом на другую работу».

Одним из крупнейших достижений Управления внешней контрразведки, да, надо сказать, и разведки в целом, явилось дело Олдриджа Эймса, развитие которого происходило уже после моего отъезда в Монголию. Олдридж Эймс длительное время работал непосредственно в одном из главных подразделений ЦРУ, действующих против Советского Союза, принимал активное участие в работе с агентами и в разработках советских граждан, включая сотрудников разведки ГРУ и КГБ. Не хочу сравнивать Эймса со знаменитыми помощниками советской разведки, такими как Ким Филби и Джордж Блейк, которые передали нам ценнейшие материалы по вопросам защиты государственной безопасности Советского Союза. Они сотрудничали с нами, а фактически работали в советской разведке на идеологической основе и были истинными преданными друзьями нашей страны. Эймс сам предложил свои услуги за деньги. Круг его осведомленности фактически включал все сколько-нибудь значительные вопросы работы ЦРУ против Советского Союза! Такое бывает!

Эймс добросовестно передавал нам все эти материалы. И, надо отдать справедливость руководителям КГБ, денег на его вознаграждение служба не жалела. Среди полутора десятков агентов, а это была практически, как сейчас известно, вся агентурная сеть резидентуры ЦРУ в Москве, можно назвать ответственного сотрудника ГРУ генерала Дмитрия Полякова, крупного специалиста в области военной электроники Адольфа Толкачева и ряд других не менее известных лиц. Особенно ценной была информация о завербованных ЦРУ сотрудниках советской разведки: подполковнике Мартынове, майоре Маторине, а также о ставшем в то время резидентом КГБ в Лондоне Олеге Гордиевском. Все агенты ЦРУ, арестованные в Москве, понесли наказание, кроме Гордиевского, который сумел бежать из Москвы, когда уже было известно, что он предатель, и он находился под наблюдением служб КГБ.

Гордиевский был вызван в Москву. Видимо, руководству разведки требовались веские доказательства предательства Гордиевского. (Куда уж больше, чем донесения Эймса.) Решили, что он должен как-то проявить свою связь с англичанами в Москве, и начали его разработку.

Гордиевский, опытный разведчик, понял, как он сам пишет теперь, что за ним ведётся постоянное наблюдение. Он сумел усыпить бдительность слежки.

Каждое утро Гордиевский в течение 15–20 минут делал пробежку в спортивном костюме в районе своего места жительства. Очевидно, сотрудники наружного наблюдения, привыкнув к этому, не считали

нужным «бежать за ним вослед», а затем наблюдение и вовсе было снято нашим же руководством. В одно прекрасное утро англичане по подготовленному варианту выбрали его в дипломатическую машину и в тот же день сумели вывезти через финскую границу в багажнике машины одного из своих дипломатов. Срам, конечно. Для всей службы.

Информация, переданная Эймсом, была бесценна для разведки и нашей страны в целом. Естественно, провал ценнейшей агентуры ЦРУ (это были 1985–1986 годы) и дальнейшие провалы, вплоть до ареста Эймса в 1992 году, вызвали панику в ЦРУ.

Вопросами этих провалов занимались контрразведывательные подразделения самого ЦРУ, одно время даже специальная федеральная комиссия и, наконец, отдельная группа опытейших сотрудников ЦРУ и Федерального бюро расследований. Они пришли к выводу, что все эти потери происходят из-за утечки из самого ЦРУ, то есть обосновали гипотезу, что в ЦРУ есть двойник, работающий на КГБ. Был определён список около двухсот сотрудников ЦРУ, которые могли иметь отношение к провалившимся агентам. Руководство ЦРУ приняло решение о выделении миллиона долларов в награду человеку, который мог бы назвать двойника в ЦРУ, передававшего информацию в Москву.

Было сделано даже несколько подходов к сотрудникам КГБ с этим предложением, которые не дали результатов. Американцы доказывают, что Эймса, как советского агента, выявили специалисты американской контрразведки, обратившие внимание на его необоснованно крупные расходы денежных средств. Со своей стороны, оставляю за собой право думать, что всё-таки нашёлся предатель, назвавший прямо Эймса и облегчивший задачу американцам.

Внешняя контрразведка активно занималась и другим важным направлением. Это — предатели из числа сотрудников разведки КГБ и разведки Генерального штаба.

Кто-то из мыслителей сказал, что психологию предателя объяснить невозможно; однако можно выделить всего лишь несколько решающих моментов, толкнувших человека, особенно в погонах, на путь измены. В наших условиях в первую очередь это был страх. Страх разоблачения какого-либо неприглядного поступка, страх разоблачения, вызванный неправильными действиями разведчика, в связи с провокацией спецслужб противника. Таким образом, это был страх перед крахом карьеры и наказанием на Родине.

Возможно, сейчас психология потенциального предателя где-то могла поменяться; и в силу изменений в стране и возрастающего культа наживы

сейчас могут найтись люди, предлагающие свои услуги просто за деньги. В этом смысле характерны агенты, завербованные нами из числа американцев, носителей секретов. В абсолютном своём большинстве они предлагали свои услуги или соглашались на наши предложения о сотрудничестве именно за деньги.

Говоря о психологии предателя, не могу не отметить, что в ряде случаев речь шла о людях с явно нарушенной психикой. К числу последних следует отнести наиболее заметные примеры в истории последних десятилетий. Это уже упомянутый мною ранее Олег Пеньковский, предложивший свои услуги англо-американцам по собственной инициативе, — человек, потерпевший фиаско в своих амбициозных устремлениях как «великий разведчик». Всё его поведение, на мой взгляд, доказывало наличие серьёзных психических отклонений.

Можно с уверенностью говорить о серьёзном нарушении психики и в другом, более свежем случае. Это Виталий Юрченко, который в 80-х годах работал по линии в советском посольстве в Вашингтоне, а затем стал заместителем начальника Первого отдела, то есть американского отдела Первого Главного управления.

Будучи во временной командировке в Италии, Юрченко обратился в американское посольство с просьбой о предоставлении политического убежища, и был тут же вывезен американцами в Штатах.

С Юрченко в Вашингтоне одно время работал непосредственно Эймс, как специалист по России, и поэтому «похождения Юрченко в Америке» в период его короткого там пребывания достаточно хорошо известны.

Американцы действительно поначалу «носились» с полковником советской разведки. Главной задачей для них было получить от него всё, что он знал о ПГУ и о работе разведки в Америке. Юрченко был даже принят на обеде генеральным директором разведки США — в то время им был Кейси.

Создается впечатление, что в своём воображении Юрченко нарисовал «райские кущи» и громкую славу, но всё обернулось несколько по-иному.

Во-первых, весь период пребывания в США он находился фактически в полной изоляции, а основное время было посвящено опросам его американскими специалистами, а скорее не опросам, а допросам. Удар был нанесён прямо по слабой психике Юрченко и с другой стороны.

Ранее он был в близких отношениях с советской женщиной, которая являлась женой сотрудника советского торгпредства, в это время работавшего в Канаде. Юрченко, очевидно, убедил себя, что теперь эта дама тут же побежит за ним, стоит только её позвать, и это украсит его

существование в Штатах. Американские спецслужбы тайно доставили Юрченко в Оттаву и организовали посещение им квартиры его знакомой, когда она одна находилась дома. Но встреча для Юрченко закончилась полным фиаско. Дама не пожелала не только оставлять своего мужа и бежать в Америку, но, по всей вероятности, не пожелала вообще иметь дело с Юрченко в сложившейся ситуации.

Всё в целом, но в первую очередь неустойчивая психика самого Юрченко, подвигли его на то, что в один прекрасный день, находясь в ресторане в Вашингтоне в сопровождении сотрудника американской разведки, он вышел якобы проветриться и устремился в советское посольство. Там заявил, что он бежал от американских спецслужб, которые ранее его насильно, под воздействием наркотиков, привезли из Рима в Вашингтон. Естественно, эта версия устраивала наше руководство. Он при усиленном сопровождении был доставлен советским самолетом в Москву. Даже сделанные в Вашингтоне, а затем и в Москве соответствующие заявления на пресс-конференциях опять не помогли стать ему героем.

В заключение скажу только, что абсолютное большинство предателей, оставшихся за рубежом, — это несчастные люди. И судьбы их очень похожи. Они не становятся полноценными членами общества в Америке или другой стране и являются изгоями, вынужденными постоянно скрываться из-за страха наказания. С другой стороны, они постоянно находятся «под присмотром своих хозяев», так как полного доверия к ним никогда не бывает.

Упомяну только о судьбе нескольких заметных изменников, оставшихся за рубежом в разное время. Вскоре после окончания войны в сентябре 1945 года в Канаде изменил Родине шифровальщик нашей разведки Гузенко. Он передал канадцам, а соответственно и американцам, бесценные сведения о целом ряде агентов в этих странах. Канадское правительство определило Гузенко пожизненное содержание. Но вот, спустя уже много лет, мне попало сообщение канадской прессы. В нём было сказано, что жена Гузенко возбудила судебное дело с требованием выплачивать денежное содержание, которое могло бы обеспечить оплату за учёбу детей, а канадцы отказывались пересмотреть сумму, выделенную много лет назад на содержание семьи Гузенко.

Ещё более красноречивым было заявление жены изменившего в Австралии в 50-е годы резидента советской разведки в Канберре Пролетарского. В своё время этот человек принял решение изменить Родине сразу после ареста и разоблачения Берии, испугавшись, что он, поскольку как-то был связан с Берией, также попадет под судебное

преследование в Москве. В этом заявлении прямо было сказано, что Пролетарские живут в Австралии в полной изоляции, уже много лет являются совершенно чужими людьми в этой стране и обрекли себя на жалкое существование.

Характерной является история с изменником Носенко. Юрий Носенко был сыном известного министра судостроения СССР. Носенко довольно быстро дослужился до должности заместителя начальника отдела во Втором главном управлении КГБ.

Утратив сдерживающие центры, Носенко превратился в типичного выпивоху. В краткосрочной командировке в Женеве он, как потом стало известно, в состоянии запоя бежал с помощью американской разведки в США. Цель в его затуманенном алкоголем мозгу была одна — прославиться. Но не тут-то было. Контрразведывательное подразделение ЦРУ возглавлял в это время одиозный Джеймс Энглтон. Позднее выяснилось, что Энглтон страдал манией преследования, развившейся на профессиональной основе. Но всё это стало известно позднее, а в 1964 году Энглтон вынес заключение, что Носенко является двойным агентом — специально заслан в ЦРУ Москвой и продолжает работать на КГБ.

Энглтон поклялся, что разоблачит этого двойника, и в течение четырёх с половиной лет Носенко непрерывно «пытались расколоть», применяя всяческие изощрённые методы.

Не вдаваясь в детали, скажем только, что Носенко был полностью изолирован в специальном помещении без дневного света, в комнате находилась только кровать. Он был лишён на протяжении всего этого времени любой информации извне, не получал никаких книг, газет и содержался на полуголодном пайке! Все эти детали фактически постоянной пытки Носенко вскрылись на слушании в американском конгрессе проблем, связанных с нарушением в ЦРУ законодательства США.

Любой перебежчик обязательно попадает под подозрение, проверку, бесконечные «опросы», а контроль над ним, фактически слежка, продолжается всю его жизнь. Это характерно не только для эпохи деятелей типа Энглтона, но в принципе существовало и существует постоянно, и является принципом работы ЦРУ с перебежчиками всех видов.

В заключение — нашумевший в своё время случай. Аркадий Шевченко. В апреле 1978 года поступило сообщение: исчез Аркадий Шевченко, работавший в Нью-Йорке в качестве заместителя Генерального секретаря ООН. Шевченко, бывший помощник министра иностранных дел СССР Громыко, имел ранг посла и, естественно, имел доступ ко всей информации, связанной с деятельностью Советского Союза в ООН.

На этот раз американцы сразу заявили нам, что Шевченко попросил политического убежища. Обычно в случаях, когда «побег» какого-либо советского специалиста являлся для американцев неожиданным, они тянули время, могли несколько дней не отвечать на наши запросы, отказывались предоставить возможность свидания нашим официальным представителям с перебежчиком и т. д. На этот раз всё было иначе. А дело в том, что на протяжении уже достаточно длительного времени Шевченко работал на американцев. Он был завербован. Поступали сигналы о нарушениях Шевченко норм поведения сотрудника загранучреждения. Речь шла о пьянстве, несогласованных поездках на американские курорты.

Резидентура докладывала об этом, но Шевченко пока всё сходило с рук. В американской прессе, а затем и в книге, которую издал Шевченко, причины его измены объясняются идеологическим неприятием советского строя. Вся история представлена как «крик души» человека, видевшего изнутри наши недостатки. Вопрос же был значительно проще.

Шевченко, пользуясь отсутствием какого-либо контроля и будучи человеком избалованным и, более того, развращённым, превратился в пьяницу и фактически вёл разгульный образ жизни. Одна из его «подружек», профессиональная проститутка, находившаяся на связи у американской контрразведки, издала вскоре книгу «Любовница изменника», в которой без всякого стеснения описывает эпизоды полного свинства в поведении Шевченко. Именно этим воспользовались американские спецслужбы, когда ещё в 1975 году сделали первый подход к Шевченко, а затем очень быстро завербовали его как платного агента.

Американцы быстро согласились, чтобы с Шевченко встретились под их контролем советский посол в Вашингтоне А. Добрынин и советский представитель в ООН посол О. Трояновский. Все уговоры были заранее обречены на провал. Американцы были уверены в том, что Шевченко будет вести себя так, как им требовалось. Никакого пути назад у него просто не было.

Шевченко «бежал» в связи с тем, что после настоятельных сигналов со стороны КГБ Громыко принял решение вызвать Шевченко в Москву, чтобы «пожурить» его, так как никаких достоверных данных о его измене в это время не было. Шевченко вызывали для «консультаций» в МИД.

В это время в Нью-Йорк приехал заместитель заведующего американским отделом МИД Г.С. Сташевский, который хорошо знал Шевченко, и в первый же день был приглашён последним на ужин. Шевченко в доверительной обстановке поинтересовался, зачем его приглашают в Москву, и на это получил ответ, что министр хочет его

«выстегать», так как на него наговаривает КГБ. Шевченко тут же оценил обстановку как провал и в этот же вечер бросился на срочную встречу со своими хозяевами, где и было принято решение о «невозвращении».

Он не вернулся даже домой, сразу решив бросить семью. Сташевский уже на другой день рассказал нашим товарищам о своей встрече с Шевченко. Через пару дней в Москве мне пришлось в здании МИДа подробно беседовать со Сташевским о деталях его разговоров с Шевченко. Он откровенно рассказал, что слышал краем уха в Москве, как это обычно бывает, что Шевченко вызывают «на ковёр» к министру. Он сам несколько не сомневался, что это лишь «лёгкая профилактика». Он так всё и рассказал Шевченко. В тот момент Сташевский внёс определенную ясность. Испуг, побег, предательство. Скажу, что «всё, что ни делается — всё к лучшему»: если бы Шевченко остался в МИДе, являясь американским агентом, он нанёс бы намного больший ущерб нашему государству.

После своего побега Шевченко быстро превратился в «ничто». Он бесславно закончил свою жизнь в полном политическом и человеческом забвении.

В управлении «К» получило хорошее развитие направление работы с двойниками разведок западных стран. Это направление давало нередко интересную информацию о деятельности спецслужб противника, а иногда и почву для нашей встречной разработки иностранных разведчиков. В большинстве случаев мы имели дело с американцами, связанными с ЦРУ США. Управление постоянно работало и по осуществлению с нашей стороны подстав противнику и по проведению оперативных игр. Иногда такие игры продолжались годами. Начиналось всё, как правило, за рубежом и нередко продолжалось уже в Союзе. В таких играх мы тесно сотрудничали с контрразведывательными службами КГБ, в первую очередь, со Вторым Главным управлением, а иногда и с Пятым управлением КГБ. Очень редко возникала ситуация, в которой разведка противника проявляла особый (вербовочный) интерес прямо к нашим сотрудникам и создавались условия для проведения игры.

Такая операция в мою бытность развернулась в Канаде. Наш разведчик Савельев, находясь в командировке в Канаде, вышел на контакт с сотрудниками канадской контрразведки РСМП. Стремление развить контакт было взаимным, но вскоре стало ясно, что РСМП ставит перед собой задачу постепенно «мягко» втянуть нашего сотрудника (он был под дипломатическим прикрытием) в сотрудничество, и как итог — завербовать его. Опыта у канадцев, конечно, было меньше, чем у ЦРУ, которое постоянно пыталось курировать канадских коллег. Контакт Савельева с

РСМП осторожно и медленно развивался. Наступил момент, когда по сроку службы Савельев был заменён и выехал в Москву. Канадцы обусловили с ним различные способы связи и вызовы на встречу с его стороны. Наметили возможные встречи в Европе, в частности, в Швейцарии. Эти осторожные, но упорные шаги со стороны РСМП продолжались. Всё происходило, конечно же, под нашим контролем из Центра. Я несколько раз встречался с нашим товарищем и пришёл к заключению, что он не только хорошо подготовленный профессионал, как любят сейчас говорить, но и человек волевой, с гибким умом. Это заключение позволило дать Савельеву большую самостоятельность в рамках главной линии игры и возможность менее напряжённого общения с канадцами. РСМП выплатило Савельеву определённую сумму, открыло анонимный банковский счёт и перечисляло на этот счёт вознаграждения. Савельеву канадцами был выдан письменный перечень вопросов-заданий и детальные условия связи в третьих странах. Поддержать связь в Москве они не решились. Савельев дважды выезжал в Швейцарию, всё бы хорошо, но возникли трудности у нас: что нового готовить для бесед с канадцами, когда объект находился в Центре. Были и другие проблемы по организации «легенды» работы Савельева в Москве. Информационная отдача этих встреч с РСМП значительно снизилась. Было принято решение на базе полученных материалов провести активные мероприятия по разоблачению канадских спецслужб в шпионской работе и показать мировой и канадской общественности правду о канадских спецслужбах: то, что они не такие уж «белые и пушистые», как утверждали канадские политики, а они утверждали, что Канада не ведёт разведку за рубежом. Пресс-конференция в Москве, публикации в газетах об этой игре прошли успешно. Отклики прозвучали и в канадской прессе. Но, скажем прямо, канадские власти довольно быстро притушили разоблачительную кампанию. Правительства, особенно стабильных стран, как Канада, не любят разоблачать свои спецслужбы, да это и понятно. Савельев был поощрён за работу с канадцами и продолжал свою службу в разведке на другом участке.

В Канаде был и другой, менее успешный, эпизод.

Моё внимание привлекло сообщение из канадской резидентуры: наш товарищ Пакин, работавший под прикрытием консульства, сообщал, что уже около полугода знаком и тесно общается с соседом по дому и гаражу, офицером RCMP (канадская конная полиция, а точнее, полиция и контрразведка). Отношения, по словам Пакина, складывались хорошие и к тому времени начало проявляться взаимное дружелюбие. Офицер откровенно выказывал негативное отношение к американцам, говорил об

их засилье не только в экономике страны, но и в политике, и в службе безопасности. К тому же канадец стал проявлять интерес к жизни в Советском Союзе, к успехам в экономическом и социальном развитии нашей страны, что среди канадцев бывает нечасто.

Резидентура вышла с предложением зачислить этого офицера в список разработок, углубить изучение его личности по специальному плану, постепенно выходя на вопросы его служебной деятельности. Попробовать подготовить базу для вербовки.

Канадец, как выяснилось, был не простым полицейским, а работал в управлении, занимавшемся «наблюдением» за иностранцами. Объект был интересным для нас. Центр, поставив ряд уточняющих вопросов, согласился на проведение вербовочной разработки. Вскоре пришло сообщение, что Грейв — назовём канадца так — работает по нескольким посольствам, в том числе и по посольствам некоторых соцстран, имеет источники в окружении этих посольств. Своей работой не очень доволен.

Встречи Пакина с Грейвом приобрели достаточно регулярный, и, как казалось, конспиративный характер. Резидентура предлагала провести как бы пробный вербовочный подход, поставив конкретные вопросы по служебной линии Грейву и намекнув на вознаграждение. Резидентура очень хотела добиться успеха (да и сам Пакин, завершавший свою работу в Канаде, хотел приехать домой «со щитом»). Легенда подхода складывалась вроде бы неплохая: консульская служба интересуется и «хочет составить доклады для Москвы касательно безопасности советских граждан в стране». Центр, проанализировав эту легенду, признал, что она выглядела достаточно убедительно. Правда, присутствовало некоторое сомнение. Но был, как мы считали, и ещё один положительный момент: срок командировки Пакина заканчивался и в случае срыва вербовочного подхода это могло лишь ускорить отъезд нашего товарища.

Пакин, по нашей просьбе, подробно описывал, как проходят встречи, сообщал, что уже подолгу засиживается с офицером за кружкой пива в маленьком кафе, и что Грейв, по его словам, на службе не докладывает об этих встречах.

С небольшим «скрипом в душе» руководство нашего управления доложило о плане вербовки канадского офицера службы безопасности начальству. Мероприятие такого рода всегда рискованно, ведь в данном случае мы всё-таки имели дело с профессиональным контрразведчиком, офицером. Одобрение, как говорят, санкция, было получено на высшем уровне, от самого председателя. Итак — вперёд!

Результатов не пришлось ждать долго. На следующий же день МИД

Канады вручил нашему послу очень резкую ноту. В ней было высказано всё, что только можно высказать на шпионскую тему: «Все советские служащие — шпионы». Но самым главным было то, что персонами *pop grata* были объявлены шесть человек из числа наших дипломатов и сотрудников торгового представительства. При этом половина из них не являлись представителями спецслужбы, а были просто более активными дипломатами. Никаких доказательств и даже просто объяснений представлено не было. Просто шесть фамилий — и сорок восемь часов на сборы и отъезд. Фамилия нашего товарища фигурировала в списке первой, возле неё стояла пометка, гласившая о попытке проникновения в службу безопасности страны РСМР. Но наше высокое руководство, руководство МИДа и ЦК, сочло, что это «слишком нагло» со стороны канадцев, и решилось на адекватный ответ. Он последовал: были объявлены персонами *pop grata* сотрудники канадского посольства в Москве, правда, только трое, а не шесть, так как численность канадских дипломатов в Советском Союзе была в четыре раза меньше, чем численность советских дипломатов в Канаде.

В Центре вместе с Пакиным проанализировали причины провала, иначе произошедшее не назовёшь. Склонились к выводу, что Грейв, видимо, ещё на первых стадиях развития отношений с Пакиным доложил об этом своей службе, и его начальство приняло решение посмотреть на развитие далеко не обычного контакта и «набрать очки» в дипломатии холодной войны. Задним числом, анализируя детали своих бесед с Грейвом, к такому же выводу склонился и наш товарищ, который на первом этапе нашего анализа никак не мог понять, «что же случилось», ведь так уж чётко всё было разыграно, как по нотам. Вот так может выглядеть работа по спецслужбам противника.

Одной из существенных сторон работы Управления «К» являлось сотрудничество с соответствующими подразделениями дружеских стран. Это сотрудничество было плодотворным и шло на пользу обеим сторонам. Не входя в детали конкретных операций, хочу сказать несколько слов о нашей совместной работе, в частности, с кубинцами.

Я побывал на Кубе за период моей работы в Управлении «К» несколько раз. Куба в целом, а наши коллеги из кубинских органов безопасности в частности, оставили у меня очень тёплые воспоминания, и не только действительно тёплым климатом, но и своим отношением к нам. В немалой степени этому способствовали черты национального характера кубинцев: их открытость и, я бы сказал, преимущественно весёлое, радостное настроение.

Кубинская служба располагала определенными преимуществами в работе на Американском континенте. В Латинской Америке кубинцы были просто свои люди, но и в США они чувствовали себя достаточно уверенно. Уже в это время в США находилось более 800 тысяч кубинских эмигрантов. Из этой среды набирали свою агентуру все американские спецслужбы, и в первую очередь ЦРУ. Это же открывало серьёзные возможности и для кубинской разведки, особенно отдела внешней контрразведки, аналогичного нашему управлению.

Естественно, кубинцы главным образом направляли свои усилия на работу в национальных организациях, действующих с территории США против Кубы, особенно в тех организациях, где отмечалась активная работа американской разведки. Такая направленность очень напоминала деятельность органов государственной безопасности Советского Союза в первые годы советской власти, когда главные усилия ЧК — НКВД были направлены против монархистов, белоэмигрантов — сначала, а позднее — против НТС, троцкистов и т. д.

Кубинцы охотно делились с нами своей информацией, а мы старались не вмешиваться в их работу по кубинской эмиграции и проявляли интерес только к вопросу взаимодействия в работе против ЦРУ. Среди кубинских разведчиков у меня было много знакомых, которые регулярно бывали в Москве. Именно поэтому, когда я приезжал на Кубу, то общение было очень простым и лёгким.

Вместе с кубинскими товарищами я побывал на вилле, где жил и работал великий Эрнест Хемингуэй. Для кубинцев это место — святое, и мне это было очень приятно, так как Хемингуэй — один из любимых мною писателей.

Хорошо помню простой, но прелестный дом в стиле строений тропических стран, продуваемый со всех сторон ветром. Дом Хемингуэя стоит на возвышенности, это лучшее место, чтобы спастись от очень высокой влажности, которую несёт тёплое море. От дома мы спустились к заливу, на берегу которого находился небольшой рыбацкий посёлок, здесь и в наши дни проводятся соревнования по рыбной ловле в память о Хемингуэе. Мы взобрались на самый верх старинной крепостной башни, и перед нами открылся простор Карибского моря. Вдруг, метрах в 400—500-х, я буквально простым глазом увидел выскакивающих из воды крупных рыб, косяк которых проходил прямо перед нами по заливу. Сопровождавший нас кубинский пограничник-офицер объяснил, что это косяки дорадо, очень вкусной и ценной рыбы. На мой вопрос, можно ли экспромтом организовать рыбалку, пограничник ответил, что он попробует,

и направился в рыбацкий поселок. Минут через десять к нам уже подходил, пыхтя, небольшой рыбацкий баркас с двумя профессионалами-рыбаками на борту. Мы отправились на рыбалку. Она получилась фантастической. Уже в первые полчаса я поймал на спиннинг двадцатикилограммового дорадо, и тут же, вслед за этим, мой товарищ поймал ещё одну рыбину, правда, меньших размеров.

Мы довольно далеко отошли от берега, и тут рыбаки заметили невдалеке огромный плавник рыбины, которая рассекала поверхность почти тихой глади моря. Рыбаки сказали, что это огромный марлин, по их словам, до ста пятидесяти и более килограммов, и можно попробовать его поймать. Это была та самая рыбина, которую ловил рыбак в прекрасной повести Хемингуэя «Старик и море».

Рыбаки тут же снарядили мощную снасть, нацепили на огромный крючок наживку: на один крюк — рыбу, на другой — кальмара, и мы направили катер в район, где видели рыбину. Мощный спиннинг был укреплен в пол для того, чтобы его не вырвала из рук рыба в случае поклёвки. Я держал один из спиннингов, и довольно скоро почувствовал сильную потяжку. Мощная леска, отпущенная метров на сто, натянулась — я дернул. Подсечка не удалась, рыба выпустила наживку и не зацепилась. Рыбаки объяснили, что надо было выждать, когда рыбина захватит наживку, и это выжидание могло продолжаться некоторое время. Но ничего не сделаешь — момент был упущен.

Мы бороздили море ещё где-то около часа, рыба не уходила и несколько раз появлялась в поле нашего зрения и шла за наживкой, но поклёвок больше не было. Нам пора было возвращаться, и огромная рыба осталась в море. Может быть, это и хорошо, так как даже из моей пойманной дорадо (кубинцы заказали в ресторане парадный ужин) было приготовлено минимум десяток рыбных блюд, которые мы в этот же вечер с удовольствием попробовали. Вспоминаю кубинских товарищей и славный остров Свободы всегда с тёплым чувством. И отношусь с искренней любовью к этой стране и её мужественному народу.

Я побывал в служебной командировке в Соединённых Штатах, в трёх городах, где находятся наши представительства: в Вашингтоне — наше посольство; в Нью-Йорке — Представительство при ООН; в Сан-Франциско — консульство. Нашим товарищам работать в США действительно непросто. Спецслужбы США помимо физической слежки и всех видов технической слежки постоянно осуществляют психологическое давление на наших товарищей. У ФБР по этой теме разработана широкая программа, где отдельной главой прописаны приёмы и методы

психологического воздействия на противника непосредственно в самих США.

Я прилетел в Нью-Йорк и сразу в аэропорту прочувствовал на себе действие одного из таких приёмов. Я летел бизнес-классом и выходил в длинный проход к залу аэропорта одним из первых. Вдруг прямо передо мной выскочил тип, «как чёрт из табакерки», и быстро, пятясь задом, начал щелкать фотоаппаратом прямо мне в лицо. Смутить тогда меня было непросто, но всё же было очень неприятно. Думаешь: «Вот завтра твоя фотография появиться в газетах. И что в этом хорошего?» Тем более незадолго до моей поездки американцы устроили следующее «шоу». Только что назначенный новый заместитель начальника разведки поехал «посмотреть» наши резидентуры в США. Он был назначен со стороны. В разведке ранее никогда не появлялся. Кто-то из наших «кадров» предложил в эту первую поездку направить его под другой фамилией (по большой глупости, конечно!). Как об этом узнали американцы — неизвестно. Но спецслужбы дали в газетах фотографию нашего «героя», выходящего из самолёта, и сообщили его настоящую фамилию и должность, задав риторический вопрос с нескрываемым сарказмом: «Что же он у нас собирается делать под вымышленной фамилией?» Уже вскоре Андропов, а он тогда был председателем КГБ, перевёл «путешественника» куда-то в другое место. Касательно моей персоны публикаций не последовало, хотя очевидно, что американцы уже имели представление о моей личности, но, видимо, понимали, что мы в Москве можем им ответить таким же образом. В Нью-Йорке за машиной, в которой меня возили по городу в первый день, пошла примитивная наружка — одна машина и почти впритык «на хвосте» у нас. Во второй день с утра история повторилась, но лишь до обеда. Мы пообедавать заехали в ресторан и удачно нашли место для парковки. Машина наружки остановилась напротив нас. В ресторане мы сели у окна, и я видел, как один наружник вылез из машины и зашёл в наш ресторан. Убедившись, что за нашим столиком новых лиц не появилось, а мы с картами меню заказываем себе обед, он вышел. Машина «наружки» тут же удалилась, и больше в Нью-Йорке я слежки не замечал.

В Нью-Йорке я жил в нашем большом жилом доме в Ривердейле и специально зашёл посмотреть в магазин звукозаписывающей и другой тогда модной техники. Магазин находился по соседству. На интересе к модной технике ФБР и провело вербовку нашего молодого сотрудника Валерия, жившего в этом самом нашем доме. Наш парень несколько раз заходил в этот магазин, разглядывал технику и приценивался к новинкам. Но покупать приличную аппаратуру было ему не по карману. Хозяин

магазина, находящегося рядом с большим «советским домом», естественно, был агентом ФБР. Однажды он, забрасывая «наживку», предложил Валерию уступить в цене. Начали обсуждать, и тут хозяин магазина заявил, что он выдаёт на днях свою дочь замуж, и ему нужны два-три ящика русской водки. Он предложил Валерию приобрести для него водку по дипскидке в магазине нашего Представительства, он же, в ответ, обещал зачесть полную стоимость водки в оплату техники из его магазина и другие льготы. Валерий клюнул, хотя сто раз слышал нравоучения «о бесплатном сыре только в мышеловке», особенно для нас в Америке. Дальше всё было просто. Недели через две к Валерию подошли двое и очень деликатно объяснили, что обмен или торговля беспошлинной водкой — это серьёзный проступок для дипломата, и они (представители власти) хотят лишь предостеречь его на будущее. Разыграна была такая «любезность», чтобы убедиться в том, что Валерий не доложил о подходе. Его поведение не изменилось. Спустя три дня был новый подход. На этот раз спектакль повторился, но в более откровенной форме: было заявлено, что «всё будет забыто, но теперь уже при взаимной помощи» с его стороны. Вскоре от Валерия попросили предоставить «крошечную» информацию: сначала о соседях по месту его проживания, затем о коллегах, потом уже более прямо о наших товарищах разведчиках. Увы, но Валерий выдал всё, что только мог. Он был отозван и осуждён в Москве за измену.

Настоящую, притом многочисленную, «наружку» я видел только в Сан-Франциско. Наше консульство здесь небольшое, торговое представительство — и того меньше. Управление ФБР в Сан-Франциско было одним из самых крупных. За машиной, на которой меня возил мой коллега, «работало» не менее пяти машин, а когда мы ехали по автостраде, машины слежки просто проводили «большие гонки», обгоняя нас, меняясь местами и так далее. Мы могли в нашей машине слушать по радио их переговоры и одновременно наблюдать маневрирование машин слежки. Заминка произошла лишь тогда, когда мы по узкой дороге въехали вверх на смотровую площадку, чтобы полюбоваться на залив и знаменитые висячие мосты: Сан-Франциско — Окленд, длиной 13 км, и «Золотые ворота». Около смотровой площадки оказалось всего четыре парковочных места. Одно было свободным, и мы его тут же заняли. Первая машина «наружки» тут же затормозила и перекрыла движение на дороге, за ней остановилась и вторая. Видна была их растерянность, так как по узкой дороге можно было только проезжать дальше, но не останавливаться. Я сразу попросил моего товарища идти к машине и уезжать. Одно из правил поведения под наружкой гласит: не создавай с наружкой конфликтных ситуаций и тем

более не пытайся поставить наружное наблюдение в трудное и глупое положение. Во всех ситуациях они — хозяева и представители силы и власти. Мы тут же уехали. Наши товарищи живут в США напряжённо. Устойчивая психика — не последнее дело для работы в этой стране. Как-то у нас в управлении оформили молодого сотрудника Валентина для работы в нью-йоркской резидентуре. Накануне, в конце рабочего дня, ему была назначена заключительная встреча с руководством управления. К назначенному времени он не явился и прибыл с опозданием более чем на час, и был при этом чрезвычайно взволнован. Видимо, сказалось напряжение, связанное с подготовкой и сборами. Выяснилось, что он в течение пяти часов не мог завершить оформление и сдачу вещей в грузовой багаж, а на нём висела назначенная ровно на пять часов встреча у начальства. Кончилось тем, что он, объясняя своё опоздание, вдруг разрыдался. С ним случилась настоящая истерика. Конечно, мы его успокоили. На следующий день он улетел с семьей в Америку. Резидента поставили в известность о возможном «перенапряжении» нашего товарища. Месяцев через шесть-восемь резидент доложил, что Валентин при выходе в город, даже для проведения контрнаблюдения в работе с кем-либо из своих товарищей, очень нервничает и за руль автомобиля сесть не решается. Увы, но было решено направить Валентина в отпуск и оставить в Москве на другой работе.

На личном приёме у председателя — речь идёт об Андропове Ю.В. — я был всего три раза, в те моменты, когда отсутствовал начальник управления. Я был, естественно, с начальником разведки Крючковым, по вопросам, которыми непосредственно занимался в управлении. Последнее посещение председателя запомнилось особенно. Меня пригласил на доклад к председателю Крючков, но не в офис на Лубянке, а в ЦКБ, т. е. «Кремлёвку». Юрий Владимирович находился там на лечении, его подключали к аппарату искусственной почки. Приехав в «Кремлёвку», мы с Крючковым проследовали прямо к отдельно стоящему на территории загородной больницы двухэтажному дому, своего рода изолятору. На первом этаже нас встретил не охранник, а врач, который предупредил, чтобы не было никаких рукопожатий и физических контактов. Сидеть мы должны были на расстоянии, и визит должен был длиться не более двадцати минут. Главное — не занести пациенту инфекцию, так как его иммунитет очень ослаблен.

Мы зашли в большую приёмную на втором этаже и сели за стол. Андропов проследовал к столу, сел с другой его стороны, любезно поздоровался и дал слово Крючкову. Последний предоставил слово мне,

напомнив коротко тему доклада.

Дело для доклада было достаточно ясным, но рискованным и могло быть чревато непредсказуемым поворотом и, как следствие, провалом. Я коротко, но чётко, как мне казалось, доложил о деталях и возможных осложнениях дела, подчеркнув наш большой интерес в успехе. Владимир Александрович ничего добавлять не стал. Я ждал с напряжением вопросов, к которым мог быть и не готов, но Ю.В., немного подумав, сказал примерно следующее: «Вы там у себя всё или почти всё знаете, действуйте! Оценим результаты». Такой ответ, видимо, был необычным и, как потом выяснилось, удивил даже Крючкова. Но надо сразу сказать, что Ю.В., мягко выражаясь, выглядел неважно, очень усталым. Болезнь всё же его доконала, и довольно-таки скоро. Далее последовала минутная пауза. Я хотел подняться и выйти, так как Крючков начал обсуждение совсем других вопросов, но Владимир Александрович жестом остановил меня, и я остался сидеть до конца его доклада. Примерно через двадцать минут шеф закончил доклад по всем делам, и мы попрощались с Андроповым. Ю.В. так же любезно пожелал нам успехов.

Не могу вновь не вспоминать о Кононе Молодом, с которым мы поддерживали очень близкие отношения в Москве после его освобождения из английской тюрьмы. Он много и охотно рассказывал о себе за тот период, когда мы с ним разошлись в разные службы по окончании одновременно Института внешней торговли.

Конон — это идеальный готовый нелегал нашей службы, для работы в стране со сложным режимом. Техническую сторону нелегала можно подготовить. Это: шифрование, тайнопись, микроточки, средства связи; радиodelo, включая новинки техники. Прорепетировать приёмы скрытого наблюдения и поведения в сложных ситуациях, основы знаний о регионе и стране, в которой будет работать нелегал. Сложнее с языком. Если язык с нуля — то это годы учёбы.

У Молодого было главное — он был «готовый американец». Конон родился в 1922 году в Москве. Отец — профессор, ближайший друг великого Вавилова. Мать — крупный хирург — была главным врачом клиники Протезного института. Отец Конона умер рано, и мать сумела отправить Конона к своей старшей сестре в Калифорнию учиться. Он пробыл в Штатах восемь лет, до 1938 года, успешно учился в колледже и, естественно, врос в американскую среду, в образ жизни, не говоря о языке. Кроме английского он освоил ещё немецкий и французский языки. Вернувшись в Москву, Конон уверенно, в 1940 году, окончил десятилетку. Хочу сразу сказать, что способности у него были исключительные,

заложенные на генетическом уровне, и это проявлялось во всём, за что бы он не брался. В канун Великой Отечественной войны Молодого призвали в армию. Он отслужил всю войну в разведротках. Был награждён боевыми орденами и медалями, демобилизовался в 1946 году в чине старшего лейтенанта. О его службе в полевой разведке можно с успехом написать отдельную книгу.

После войны захотел учиться и сразу поступил в Институт внешней торговли на юридический факультет (теперь отделение МГИМО).

Хорошо его помню по институту: открытый, жизнерадостный. Он активно участвовал во всех реалиях студенческой жизни. Учился легко и на «отлично». В институте он взялся за китайский язык. Уже тогда говорили, что оптимисты учат английский язык, а пессимисты — китайский. О его же английском говорить не приходилось. В институте каждую неделю показывали фильм на одном из трёх языков, без перевода. Это были трофейные фильмы, привезённые из немецких архивов. К фильмам языковая кафедра готовила краткие аннотации. Фильмы на английском были в большинстве своём американскими боевиками. Эти фильмы с большим трудом понимали сами преподаватели английской кафедры. Призывали Конона, который шутя делал переводы. Я на фильмы нередко ходил с ним, он переводил прямо с экрана в нашем маленьком кинозале.

В первый же год по окончании института Молодой подготовил и издал русско-китайский торговый словарь. Конон говорил, что ему в этой работе очень помогли англо-китайские словари, а уж англичане в этом деле были доки.

Служба начала работать с Кононом ещё в институте и готовить его к работе по линии «Н». Они же нашли отличный вариант документации для его прикрытия в будущей работе.

Легенда родилась такая. Некая финка вышла замуж за канадца Лонсдейла (это происходило в Канаде). Она родила сына, но семейная жизнь не заладилась, и они с канадцем разошлись. Дама уехала на родину в Финляндию, когда ребенку ещё не было и года. Их связь полностью оборвалась. Наши товарищи вышли на эту финку и получили от неё все нужные канадские документы, включая метрику, выписки из книг регистрации и крещения и так далее. Очевидно, что предъявитель этих бумаг мог легальным путём получить канадское гражданство и, соответственно, документы гражданина Британского содружества. После пробных поездок Конон на законных основаниях получил канадский паспорт, водительские права и страховку, т. е. «железные документы» канадца. Он был выведен в Англию, где начал заниматься бизнесом и

учиться китайскому языку. Бизнес — его фирма игровых автоматов — стал успешно развиваться и приносить легальные доходы. Школа китайского языка давала возможность развития полезных связей, но главное: Конону, с этого времени «Бену», таким был его псевдоним, были переданы на связь ценнейшие агенты документалисты. Это были начальник секретной части военно-морской базы в Портленде и его подруга, секретарь штаба этой базы. Документам, переданными им этими людьми, просто не было цены. Служба организовала для «Бена» стабильный канал связи. Этим каналом была семейная пара нелегалов Морис и Лона Коэн, в Англии они стали семейством Крогеров. Они обосновались в Лондоне как владельцы небольшой антикварной лавочки — удобно и для радиоточки, и для связи с внешним миром. Отлично!

Но в 1961 году «Бен», а затем и вся его команда были арестованы (*en flagrant delict*), то есть с поличным. Как и в абсолютном большинстве подобных эпизодов, в основе провала было предательство, измена. На этот раз ниточка в руках МИ-6 (английской контрразведки) оказалась более длинной и сложной для распутывания. Изменником был не наш человек, а поляк, начальник управления научно-технической разведки в Польше, тогда дружественной нам стране. Он готовился к своей измене: брал в архиве дела, особенно дела, связанные с вопросами сотрудничества с КГБ. Поляк узнал, что в своё время в Варшаве русские с помощью польской службы завербовали сотрудника военно-морского атташе в посольстве Англии некоего Хафтона. Поляк передал всю информацию МИ-6. Хафтон тогда вёл всё делопроизводство, включая секретную часть на военно-морской базе в Портленде. Его арестовали, и он при первом же задержании раскололся и назвал свою помощницу Джи. Вскоре контрразведка выявила «Бена». Наружное наблюдение за «Беном» было организовано на высшем уровне, с участием нескольких бригад и десятков машин, сменявших одна другую. Улики были неопровержимыми. Передатчик и средства тайнописи найдены у Крогеров. Был найден и кусочек плёнки с текстом письма от жены «Бена» на русском.

Судили всех отдельно. «Бен» стал главным фигурантом на страницах английской прессы в течение многих недель.

На суде, а потом и в тюрьме он не терял присутствие духа и встречал «крутые» переделки даже с чувством юмора.

Он, уже в Москве, по возвращении из Англии, рассказывал, как для усиления эффекта его разоблачения английские службы нашли в Канаде и доставили в Лондон в зал суда отца настоящего Лонсдейла. Он выступал по подготовленному заранее сценарию, чтобы доказать, что «Бен» не его сын,

а лицо подставное. Но адвокат «Бена» серией вопросов успешно выявил, что сын Лонсдейла вместе с матерью покинул отца и Канаду, когда ему ещё не было и года, и больше никогда отец с сыном не встречались. Отец-Лонсдейл был загнан в тупик и под смех зала признал, что, конечно, в такой ситуации сына опознать не может и не понимает, зачем его привезли на это заседание. Пресса дружно высмеяла провал следствия, хотя это не ослабило заметно накала разоблачений. Конон был приговорён к двадцати годам тюрьмы.

Первое время в заключении для Молодого было самым трудным. Его посадили в каторжный отсек тюрьмы с обязательной многочасовой работой на переборке свиной щетины. Работа не только нудная, но и очень вредная, так как чешуйки от щетины, попадая в лёгкие с дыханием, оседают там, и у людей, занятых такой работой, возникают серьёзные заболевания, вплоть до эмфиземы лёгких.

Когда Советский Союз на уровне адвокатов фактически признал Молодого своим гражданином, его перевели в общее, с более приемлемыми условиями жизни отделение тюрьмы с обязательными прогулками во дворе. Конон рассказывал о своём пребывании в тюрьме с любопытными подробностями. Он, как грамотный юрист, тщательно изучил тюремный регламент и отыскал в нём положение, по которому заключённый имел право получать газету, издаваемую в его родном городе, за счёт тюрьмы. Молодой попросился на приём к начальнику тюрьмы, подал тому соответствующее заявление по всей форме, прося выписать для него газету из его родного города, т. е. из Москвы (к этому времени вопрос о том, что Конон из Советского Союза, уже был признан официально). Конон попросил выписать ему ежедневную московскую газету «Правда». Следует сказать, что англичане, подумав, выписали «Правду» для Конона, признав, что закон есть закон, и его в любом случае нужно соблюдать.

Несколько позднее в Венгрии, не без помощи венгерских друзей, был задержан, а затем доставлен в Москву английский бизнесмен средней руки Винн. Винн предстал перед судом рядом с Пеньковским. Он был известен как агент Сикрет сервис, действовавший как связной Пеньковского. Суд был в Москве, в Доме Советов, на высшем уровне. Подсудимые сидели просто на стульях на сцене в десяти метрах друг от друга. Пеньковский постоянно вскакивал, выбегал вперёд и кричал, что он «разоблачит английского шпиона», имея в виду Винна. Создавалось впечатление, что главный фигурант не понимал, что судят-то в первую голову его и расстреляют вскоре его, а Винна-то отдадут англичанам. Так и произошло. Но отдали Винна не просто так.

Вокруг суда над Винном в Англии возникли шумные протесты, в том числе в адрес английской разведки. МИ-5 обвиняли в том, что они задействовали в России по очень серьёзному делу не профессионала, а «бедного» бизнесмена, нарушая все английские принятые понятия. Может быть, поэтому англичане быстро и с очевидным желанием согласились на обмен Конона Молодого на Винна. Хотя, как говорили, обмен был далеко не равным.

В апреле 1964 года Конон был освобождён и прибыл в Москву. По мотивам работы «Бена» в Англии был поставлен хороший фильм режиссёром Саввой Кулишом. Фильм, правда, немного общего имел с работой «Бена». Кроме сцены обмена «Бена» на «Вина». Обмен был показан в картине очень правдоподобно. Таким он и был на самом деле: на дороге, на границе двух Германий. Талантливый актёр Банионис, внешне похожий на «Бена», отлично сыграл свою роль, хотя его голоса в кадре нет — его дублировали из-за его заметного акцента.

10 октября 1970 года с Кононом Трофимовичем Молодым, когда он находился на загородной прогулке (собирал грибы) случился инсульт, и он умер. Он похоронен на Донском кладбище. Его могила находится недалеко от входа, слева, в пятидесяти метрах от центральной аллеи. На гранитном памятнике — бронзовый барельеф Конона (очень похож). В десяти метрах от его могилы — могила Фишера (Рудольфа Абеля). Я регулярно бываю на этом кладбище и обязательно захожу поклониться могилам Конона Молодого и Рудольфа Абеля.

Судьба моих товарищей разведчиков всегда непроста и складывается по-разному. Вот один забавный эпизод с участием моего однокурсника по 101-й школе. Юра Журов попал в школу и, соответственно, в разведку, сразу после окончания Академии внешней торговли и в связи с этим был направлен по линии английского отдела в Министерство внешней торговли для освоения будущего прикрытия. Он обосновался в объединении Продинторг. Вскоре возникла возможность послать представителя Минвнешторга а Новую Зеландию. Там в то время (а это был 1954 год) не было торгпредства и не было нашей резидентуры. Юрий вместе с женой и маленькой дочкой отбыл с пароходом через Европу, с пересадкой в Австралии, к месту назначения в Веллингтон. Дальше события развивались так, что нарочно не придумаешь. Прибыв в Австралию, неделю они ждали парохода для продолжения пути. Журов был гостем, конечно же, резидента в Канберре, некоего Владимира Петрова. Петровым он стал при выезде за рубеж, а на самом деле его фамилия Пролетарский (тоже не по рождению — он сменил свою незвучную фамилию). И вот Юрий погрузился на

корабль и отбыл в Новую Зеландию. Плавание заняло дней пять. За это время Петров-Пролетарский, узнав о том, что в Москве арестовали Берию и его приспешников, решил бежать и попросил у австралийцев политического убежища.

Наш же Юрий Журов прибыл к месту работы в Веллингтон тогда, когда его уже выдал Петров, и когда его фотография была напечатана в новозеландских газетах. «Русский шпион впервые в Новой Зеландии» — такими заголовками пестрили газеты. Посольство его встретило, консул отвёз паспорта в МИД страны для аккредитации. Прошло три дня, как потом рассказывал сам Юрий, — тишина. И тут его вместе с консулом пригласили прямо в МИД (не в полицию!). Им было заявлено, что Юрий аккредитован и может приступать к работе. Следует заметить, что паспорта Юрия и его жены были поданы новозеландцам вместе с письмом Министерства внешней торговли с кратким резюме задач представителя министерства в Новой Зеландии. В письме выражался интерес к закупкам масла и мяса для нашего Дальнего Востока и, более того, предлагалось сразу начать переговоры по заключению контракта о закупках масла. Вопрос экспорта мяса и особенно масла был очень важным для новозеландцев. Какой-то высокий чин, а Юрий узнал, что это был сам генерал-губернатор, принял мудрое решение: не принимать во внимание, что Юрий — шпион, а оставить его у себя в стране, как человека, необходимого для организации выгодной торговли. Контракт по маслу действительно был подписан, к взаимному интересу двух стран. Юрий обустроился, понемногу начал писать домой экономические обзоры, а потом и политические наблюдения. Ни о какой разведке речь не могла идти, но польза от его пребывания в Новой Зеландии была, и для разведки, и для нашей страны. Прошёл год. Возник вопрос о возможном отпуске. Замены Юрию не было. Внешторг также не спешил, так как место было определено за разведкой. Юрию в то же время на месте дали понять, что если он уедет на два-три месяца (а именно столько времени мог занять отпуск вместе с дорогой), то визу могут, скорее всего, не возобновить. Он находится всё время как бы под присмотром полиции. В общем, Журов просидел в Новой Зеландии четыре года. Вернулся в страну и был оставлен в разведке. Вначале его определили в отдел информации, а затем — в секретариат службы.

Факторов, влияющих на прохождение службы в разведке, намного больше, чем в большинстве других профессий. Расскажу о судьбах двух моих близких друзей.

С Владимиром Беленко я подружился ещё в Институте внешней

торговли, где он учился на один курс старше, чем я. Он был постоянно в лидерах нашей партийной организации, и к тому же два года подряд избирался секретарём бюро всего института. Он, как и многие мои однокашники, пришёл в институт после войны, прямо из армии. Владимир был лет на пять-шесть старше меня. О качествах его характера можно говорить только в положительном ключе — он довольно мягкий, но в то же время совершенно бескомпромиссный человек, одарённый природным умом и притягательностью. Он попал в разведку раньше меня на год. Я застал его в 101-й школе. После окончания школы Владимира оставили там в качестве освобождённого секретаря партийного бюро школы ещё на год. Далее он попал в ближневосточный отдел и уже вскоре отправился в Дамаск, получив как прикрытия должность в торгпредстве Сирии. В Сирии у Беленко возник конфликт с торгпредством. Он написал в Москву о злоупотреблениях торгпреда в финансовой сфере. Короче, о воровстве из средств бюджета торгпредства, предназначенных для нового строительства и ремонтных работ. Понятно, что наш Центр проинформировал Минвнешторг и, возможно, ЦК. Всё дошло и до самого торгпреда. Конфликт — это всегда плохо, а за рубежом особенно. Помню, что Беленко отозвали. Отозвали и торгпреда, так как в злоупотреблениях он был всё-таки уличён. Понятно, что служба не любит различных конфликтов за границей с участием наших работников, хотя в данном случае принципиальность нашего товарища понятна. Володя, спустя немного времени, был направлен в новую командировку в Афганистан (это было ещё до вхождения в страну наших войск). В этот период в Афганистане находилась большая группа наших советников. Беленко был там в качестве главного советника начальника Генерального штаба афганской армии. Он дружно работал с высшими начальниками армии и, в общем-то, делал своё дело, невзирая на немалое количество трудностей работы в этой стране. Но вот в 1979 году в страну были введены наши войска, уничтожен глава страны Амин, и пошла другая, совсем другая жизнь... Война. наших советников отозвали, и Беленко вернулся в Москву.

Он зашёл ко мне после приезда. Расскажу о моих впечатлениях от встречи с ним. Володя был просто потрясён, как он утверждал, несправедливостью и ошибочностью нашего решения о вводе войск. Он рассказывал, что мы и наш советский аппарат полностью контролировал ситуацию в стране. Он сам имел доступ ко всем материалам Генштаба и к другим материалам в руководстве армии. С начальником Генштаба у него, по его словам, установились полностью доверительные и дружеские отношения. Он совершенно не понимал и не находил никаких логических

объяснений решения ввода войск. Он решил писать. Куда же? Конечно, в ЦК. С его принципиальностью он уже остановиться не мог. Я помню, что говорил Володе, что «писать не надо», да и просто нельзя, что его аргументы в ЦК сейчас поняты быть не могут.

Больше он ко мне не заходил, но, видимо, обширное письмо в ЦК всё-таки направил. Реакции не было. Было решено направить его в наш разведывательный институт в роли руководителя то ли курса, то ли какого-то потока слушателей.

Года через полтора часть моих сокурсников по 101-й школе собрались отметить дату нашего выпуска. Пригласили и Беленко. Он пришёл. Очень изменился, даже как-то постарел. Разговора у меня с ним не получилось.

С Ильей Поваровским мы учились в Институте внешней торговли на валютно-финансовом факультете в одной группе и были друзьями, играли за факультет в баскетбол. После выпуска я попал в 101-ю школу КГБ, а Илья получил неожиданное место работы — Госстрах. Кстати, его по паспорту звали Ильен, то есть Ильич Ленин, такими сложными именами нередко называли в двадцатые годы детей, в честь великого вождя. Наши пути разошлись, и мы лишь изредка перезванивались. Прошло где-то лет десять, и Илья появился в коридорах Первого главного управления. Он рассказал, что через несколько лет после окончания института его в Госстрахе нашли кадровики КГБ и сагитировали пойти на службу в разведку. После небольшой заочно-очной подготовки и присвоения воинского звания он был направлен по линии Госстраха в Египет. В Каире он возглавил представительство Госстраха. Прошло ещё несколько лет, и Илья вернулся в Москву «со щитом». Как мне стало известно, он был в закрытом порядке отмечен наградой высшей степени орденом Ленина, несомненно, за большой успех. Не знаю, в чём подвиг заключался, но знаю, что Илью возлюбил сам шеф разведки Александр Михайлович Сахаровский. Вскоре Илья получил назначение, через две ступени, сразу на должность заместителя начальника важного географического отдела. Освоение такого ответственного места, по словам самого Ильи, было для него непростым делом. Там, конечно, была сложившаяся каста «арабистов». Илья удержался. «Сахар» (А.М. Сахаровский) не упускал его из вида. Поваровский через какое-то время получил назначение на высокий пост за рубежом шефом в Иран. Страна всегда была на видном месте в сфере наших интересов. В Тегеране дела у Ильи, как говорили, шли хорошо. Но тут — гром среди ясного неба. В то время в Тегеране был советский госпиталь, а в нём трудилась советская гражданка на должности старшей медсестры. То ли она заметила советника посольства, то ли Илья

её заметил, но известно, что любвеобильная медсестра имела ещё одного близкого знакомого из местных русских и, конечно, не могла не похвалиться своему товарищу своими связями в «высших кругах» посольства. Друг нашей дамы был контрабандистом, и вскоре был захвачен нашими пограничниками при переходе границы с контрабандой. Он вёл себя правильно — выложил пограничникам всё, что только мог. Илья фигурировал в его рассказах. Подробности были такими, что даже не требовали пояснений. Сообщение поступило в Москву на стол прямо председателю. Минимальная проверка подтвердила изложенные факты, и Илья был тихо отозван. По прибытии он попал в «резерв назначения», но никакого разбирательства, ни по служебной линии, ни по партийной, не было. «Сахар» по-прежнему любил Поваровского — нередко, когда у таких людей сложилось твёрдое мнение о человеке, они его не меняют. Отсидев, может быть, около года, в резерве, Илья получил назначение в благодатную страну (по природным и бытовым условиям), в Канаду, и опять резидентом. Совсем недавно я встретился на отдыхе с бывшим работником канадской резидентуры, который был прямым подчинённым Ильи в то время. Он вспоминал о своей работе под его началом, как о своём лучшем времени в службе. И от других сослуживцев были отзывы об Илье, как об умном, удачливом разведчике и интеллигентном начальнике. События в жизни человека имеют свойства повторяться. Если первый раз в виде трагедии, то второй раз они возникают, как правило, в виде фарса. Водевиль с большим привкусом фарса был разыгран Илеей и в Канаде.

На базе взаимных симпатий Поваровский близко познакомился с нашей советской очень симпатичной, как говорили, дамой. Но она оказалась не только соседкой по дому, но и женой сотрудника нашего торгпредства.

Хорошо, что не нашего работника. Муж дамы узнал, конечно, и не нашёл ничего лучшего, как описать в громких тонах всю историю в ЦК КПСС и председателю КГБ. Были приведены, как говорили, не только подробности, но и объяснялось, что Поваровским были использованы и высокое служебное положение, и многое другое. Илья опять был отозван. И торгпредская пара тоже. В Москве никакого заметного шума не было. Но то ли «Сахар» был уже не тот, то ли скандал вышел далеко за рамки его власти, но Илья был определён в управление по работе на территории Союза. Вскоре «по собственному желанию» и, видимо, с намёком на то, что желание было обоюдным, и со стороны кадров, он уволился.

Глава девятая. Монголия.

Представительство КГБ

В 1982 году я получил предложение поехать резидентом в Испанию. Страна меня очень интересовала, послом в Испании был мой близкий товарищ, ещё по временам командировки в Париж и Женеву, Юрий Дубинин. Но по истечении нескольких месяцев стало ясно, что испанцы «тянут» с визой.

Премьер, а тогда им был известный деятель Испании Гонсалес, осторожно, но достаточно твёрдо сказал почти дословно следующее: «Против приезда вашего советника возражают наши военные, а у них специфическое положение в стране. Вашему советнику будет очень трудно работать в Мадриде».

Премьер явно намекал, что в Испании находятся крупные военно-воздушные базы США, и с этим завязаны интересы испанских военных. Стало ясно, что в этих условиях настаивать было бы ошибкой. Против моей работы в Мадриде, очевидно, возражали не испанцы, а американские спецслужбы.

Через некоторое время начальник управления кадров сделал мне предложение поехать представителем КГБ при Министерстве общественной безопасности в Монголию. Посоветовавшись со «знающими» людьми, я принял предложение, о чём нисколько не пожалел в дальнейшем.

Я прибыл в Монголию в середине 1983 года. Напомню только, что Монголия по территории составляет почти три Франции и занимает важное стратегическое положение между Россией и Китаем. Это положение имело и будет иметь геополитическое значение. Наше влияние на экономическую и политическую жизнь в стране было очень велико. Крупнейшие объекты промышленности, строительство городов, обучение кадров здравоохранения — всё это делалось при нашем непосредственном участии и с нашей помощью.

В Монголии в 80-е годы колония советских сотрудников, специалистов и строителей насчитывала более 50 тыс. человек. В МНР находилась наша армия: все роды наземных войск и солидные части боевой авиации.

Отношения наших стран были не только союзническими, но и по-настоящему дружескими. Ещё до моего приезда стала обостряться

обстановка в высшем руководстве Монголии. В первую очередь это было вызвано значительным ухудшением здоровья генерального секретаря ЦК МНРП, председателя Верховного Хурала МНР Ю. Цеденбала.

Развивающийся склероз головного мозга резко снизил его трудоспособность. А поскольку Цеденбал возглавлял государство в течение тридцати трёх лет, страна была приучена если не к культу личности, в нашем понимании, то к полной зависимости всех решений практически от одного человека. Положение в значительной мере усугублялось тем, что жена Цеденбала, русская по происхождению и сохранившая советское гражданство, Анастасия Филатова всё больше брала на себя роль соправительницы государством, вмешиваясь во все стороны жизни МНР.

Состояние здоровья Цеденбала порождало у Филатовой и у самого Цеденбала боязнь за своё исключительное положение, возникала болезненная подозрительность с их стороны к любым действиям других лидеров ЦК, которые, по их мнению, могли бы претендовать на лидерство в государстве.

Положение в Политбюро обострилось в 1984 году. Формальной причиной была названа якобы неудовлетворительная работа горно-обогатительного комбината Эрденет. Моломжанцу, Батмунху и некоторым другим руководителям экономики были предъявлены обвинения в ошибках. Козырными аргументами у Филатовой были ссылки на действия того или иного лидера, якобы «наносящие ущерб советско-монгольским отношениям», и ещё более весомые — это якобы проявление прокитайских настроений.

Напомню, что советско-китайские отношения в тот момент достигли острой фазы противоречий. В Монголии китайская угроза была и всегда остаётся весомым аргументом. Китай около двухсот лет фактически оккупировал Монголию и вплоть до начала XX века жёстко правил в этой стране.

Россия политическим и военным путём вытеснила Китай из Монголии лишь в 1911 году. И боязнь «китайского присутствия» осталась в крови у монгольского народа.

На август 1984 года был намечен Пленум ЦК МНРП, на котором должно было быть «разгромлено экономическое крыло» Политбюро. Из состава Политбюро предполагалось вывести Батмунха и Моломжанца, а из состава ЦК и правительства — целый ряд видных деятелей, их сторонников.

Болезни Цеденбала и вызванное этим снижение его рабочей активности всё больше сказывалось на руководстве страной. По роду своих

обязанностей мне приходилось довольно часто встречаться с Цеденбалом. Примерно раз в месяц я бывал у Цеденбала в сопровождении министра МОБ и сообщал ему выжимки из получаемой мною из Москвы информации о мировой политике.

Цеденбал проявлял интерес к этим встречам, но со своей стороны, как правило, рассказывал десяток одних и тех же эпизодов из своей жизни — все они были многолетней давности. Через некоторое время я почти все эти эпизоды знал наизусть.

Тогда в Монголию прибыла делегация Пятого управления КГБ во главе с генералом И. Абрамовым. Для Абрамова было интересно и важно быть принятым генеральным секретарём партии Цеденбалом, и мы смогли организовать такой приём. Накануне Абрамов поделился со мной информацией, которую он хочет рассказать Цеденбалу, и попросил меня предупредить его, о чём бы предположительно Цеденбал мог его расспрашивать. Я полушутя, полусерьёзно рассказал Абрамову несколько эпизодов из жизни Цеденбала, которые он обычно рассказывал, в частности, встречу с китайским премьером Чжоу Эньлаем и др.

Чжоу Эньлай якобы заметил Цеденбалу, что китайцы около двух веков управляли монголами, на что Цеденбал «напомнил» Чжоу Эньлаю, что монголы управляли Китаем чуть ли не триста лет (речь идёт о завоевании Китая великим Чингисханом и о правлении в Китае потомков монгольских ханов).

Цеденбал любил рассказывать о том, как его чуть не сделали в детстве ламой, о том, как он бросил курить, о том, как он дружил с маршалом Жуковым.

Когда мы были с Абрамовым у Цеденбала, всё складывалось по намеченной программе. Абрамов очень чётко изложил своё сообщение, преподнёс Цеденбалу ценные книги и альбомы для его библиотеки (Цеденбал обладал большой библиотекой). Далее Цеденбал начал свой рассказ и упомянул 3–4 эпизода из своего обычного набора, но надо же быть такому совпадению: это были именно те эпизоды, о которых я накануне рассказывал Абрамову. Этот факт произвёл на Ивана Павловича большое впечатление, и он, я помню, сказал: «Ты что, сидел в кармане у Цеденбала?»

После приезда в МНР мне пришлось несколько раз сталкиваться с решением вопросов об отношении к фигуре Чингисхана. Установился неписанный принцип — всякое упоминание о Чингисхане, особенно с восхвалениями исторической значимости его личности, рассматривалось партийными инстанциями как проявление национализма с антирусским

уклоном. Это возникло, очевидно, под советским влиянием. После бесед с монгольскими историками и доверительных разговоров с министром я пришёл к убеждению, что такая позиция была в горне неправильной и могла раздражать и подогревать антисоветские настроения монгольской интеллигенции. Эпоха Чингисхана — это, как известно, наивысшая точка в национальной истории Монголии. Именно он создал великую Монголию и завоевал Китай, где и правил много лет. Сам Чингисхан в России никогда не был, правда, нашествие монголов на Русь имело место, но оно осуществлялось потомками Чингисхана.

Чингисхан в Монголии является культовой личностью, образцом гениального правителя. Такая точка зрения широко распространена и в научных кругах Запада, и, в первую очередь, в опубликованной на эту тему научной литературе: множество статей, книг, монографий. Чингисхан — не просто выдающийся правитель, а веха в становления монгольского государства и нации, личность, повлиявшая на ход мировой истории, о чём свидетельствуют многочисленные факты, приводимые в исторических трактатах. Это был и талантливый полководец. В его армии была установлена доселе неведомая организация и дисциплина: выдвижение командиров и даже полководцев по заслугам прямо на поле битвы; привлечение иностранных советников; использование новейших технических средств при осаде городов. Мудрый правитель государством, он ввёл своего рода демократические начинания: создание таких структур, как хурал и Совет мудрецов. При этом лидер хурала выбирался на общих собраниях, а сам хурал принимал участие в управлении страной и в решении вопросов войны и мира. Правление Чингисхана представляло собой в первую очередь военную диктатуру, но при неизменной власти закона (свод законов «Великая Яса») на всей территории империи, при особой суровости мер за нарушение закона, вплоть до смертной казни.

Отметим особое положение женщин в обществе, неведомое в ту пору нигде в мире: определённая независимость и уважительное отношение к женщине. Конечно, на это повлияло и то, что мужчины уходили в поход, постоянно воевали, а женщина сама управляла семьёй, вела хозяйство и обеспечивала армию — это был прочный тыл.

Особое место занимало отношение Чингисхана к религии: его большая веротерпимость, свобода вероисповедания в империи при его правлении и равенство религий. Этот фактор сыграл заметную роль позднее, при нашествии монголов на Русь. Церкви монголы, как правило, не трогали, к священникам относились в определённой степени уважительно, даже допускали строительство новых храмов. Чингисхан, несомненно, — это

оплот и символ национальной идентичности, государственности и единства монгольской нации.

Я советовался по этому вопросу с Абрамовым, так как в поле его зрения (Пятое управление КГБ) находились вопросы национализма и наши академические институты, где изучались вопросы истории и культуры. Абрамов, нужно отдать ему должное, откликнулся на мой призыв попытаться изменить что-то в этом направлении и предложил мне написать подробную телеграмму, освещающую этот вопрос, сам её отредактировал, и мы направили её в Центр, оговорив, чтобы она попала к самому Абрамову по возвращении его в Москву. Абрамов сдвинул этот вопрос с мёртвой точки, и вскоре в МНР приехала небольшая группа от Академии наук и Института востоковедения. Через какое-то время появились статьи в печати, в том числе в самой Монголии, о личности и эпохе Чингисхана, а затем уже были опубликованы и новые научные труды на эту тему. В наше время известны романы и кинофильмы о великом монгольском правителе.

Можно утверждать, что всеобщее почитание Чингисхана является существенным элементом самосохранения монгольской нации. Сейчас культ Чингисхана в Монголии поднят на наивысший уровень. Так, в 54 км от Улан-Батора воздвигнут в честь Чингисхана монумент. Это 30-метровая конная статуя из стали. Она возвышается на постаменте, колоннаде в 10 метров высоты, Это 40-метровая громадина Чингисхан держит в правой руке позолоченный кнут. Монумент стоит поблизости от реки Толы, в месте, называемом «Tsonjin Boldog», где в Монголии происходили многие вошедшие в историю события.

События развивались своим чередом. Цеденбал вместе с Филатовой выехали в Москву на отдых, где он проходил обследование врачей 4-го управления Министерства здравоохранения. Заключение врачей было самым неутешительным.

Не хочу углубляться в детали многочисленных встреч и переговоров, которые провели ответственные сотрудники ЦК КПСС с монгольскими руководителями, а те, в свою очередь, сделали попытку переговорить с самим Цеденбалом. По просьбе ПБ МНРП группа советских врачей подготовила квалифицированное заключение о состоянии здоровья Цеденбала. Главным в этом заключении был вывод о наличии тяжёлого заболевания: атеросклероза сосудов мозга и о нетрудоспособности пациента.

По просьбе монголов Евгений Иванович Чазов, в то время начальник 4-го управления Минздрава Союза, конфиденциально прилетел в Улан-Батор. Мне было поручено организовать пребывание Чазова в Улан-Баторе

и, соответственно, конфиденциальную встречу с членами Политбюро МНР. Чазов прибыл в Улан-Батор на спецсамолёте один, без всякого сопровождения.

На ПБ МНРП Чазов наглядно продемонстрировал компьютерные томограммы с изменениями головного мозга Цеденбала и сравнил его с мозгом здорового человека. Это произвело на монгольских товарищей большое впечатление и подтолкнуло их к решительным действиям.

На 23 августа был назначен внеочередной Пленум ЦК МНРП. Ещё до объявления даты пленума произошёл небольшой казус. Сергей Павлович Павлов, опираясь на своё знание «кухни» в наших верхах, не верил, что решение Москвы и соответственно Улан-Батора претворится в жизнь. И вот, прямо накануне решения о созыве пленума, он получил разрешение от заместителя министра иностранных дел в Москве, который не был в курсе планируемых событий, на недельный отпуск с поездкой в Москву.

В монгольском руководстве в это время появились такие настроения: не следует ли, освободив Цеденбала от поста генерального секретаря партии, оставить его на должности председателя Президиума Верховного Хурала. Влияние Цеденбала было настолько велико, что это сказывалось на позиции монгольских руководителей и выражалось в их постоянных колебаниях.

Нам стало известно, что высказывания в этом духе сделал и сам возможный приемник Цеденбала — Батмунх. Естественно, я информировал своё руководство. За день до пленума поздно вечером, а по-монгольски ночью, раздался звонок по «ВЧ» Крючкова прямо мне на квартиру. Крючков ещё раз выслушал мою информацию о колебаниях Батмунха и попросил, чтобы прямо на следующее утро посол посетил Батмунха и твёрдо разъяснил ему, что такое раздвоение в решении вопроса о замене Цеденбала вызовет в дальнейшем ненужное напряжение, а возможно, и осложнение обстановки.

Выслушав Крючкова, я вынужден был сказать, что посла нет в Монголии, что он находится в Москве. «Как в Москве?» — воскликнул Крючков. Последовала пауза, и он чётко сказал: «Возьмите всё в этом вопросе на себя».

На следующее утро я был принят Батмунхом, и мы обсудили с ним возможные «нежелательные политические последствия любых половинчатых решений» в вопросе замены Цеденбала на его постах. Батмунх с полным пониманием отнёсся к моим аргументам. И на мой вопрос, следует ли мне посетить по этому же вопросу Моломжанца, он заверил меня, что в этом нет необходимости.

Павлов прибыл в Улан-Батор первым же рейсом самолёта на следующий день. Кто и как нашёл его в Москве?

Не знаю. Помню с его слов, что его прямо отвезли к самолёту. Он долго вспоминал потом, что его нашли на даче под Москвой, дали 10 минут на сборы и отвезли в аэропорт. Он говорил, что пока не взлетел самолёт в сторону Монголии, он был уверен, что везут его на Лубянку или в Лефортово.

Уход Цеденбала вместе с соправительницей Филатовой с политической сцены позволил провести исключительно важные кадровые изменения. На руководящие посты пришли грамотные и порядочные деятели. Эти изменения послужили как бы основой того, что события гонца 80-х и начала 90-х годов в Монголии, связанные с демократизацией и изменением социально-экономического состояния страны, прошли спокойно.

Отношения с новым руководством страны, и в частности с генеральным секретарём партии и председателем Верховного Хурала МНР Батмунхом, у меня сложились очень хорошие. Я, по заведенной традиции, примерно раз в полтора месяца встречался с Батмунхом и на базе тезисов, по моей просьбе специально подготовленных в нашем информационном управлении, докладывал ему новинки и некоторый анализ международной обстановки. Батмунх же делился со мной информацией о положении в стране и о планируемых решениях руководства Монголии. Особенно доброжелательными были отношения с новым министром общественной безопасности Жамсранжавом.

Он часто приглашал меня в свои поездки по стране и в пограничные отряды на монголо-китайскую границу. Пограничных отрядов было одиннадцать на всём протяжении нескольких тысяч километров границы, и в каждом таком отряде был наш советник, опытный пограничник в звании не ниже майора (в большинстве это были подполковники). С министром я побывал и на знаменитой реке Халхин-Гол и в ряде мест в пустыне Гоби, на крайнем западе Монголии в предгорьях Алтая.

В это время здоровье Цеденбала, находящегося в Москве, продолжало ухудшаться. 20 апреля 1991 года на семьдесят пятом году жизни Цеденбал скончался. Он был похоронен в Улан-Баторе с военными почестями.

В вопросе смены руководства МНР, особенно в первый период после ухода Цеденбала, и укреплении отношений с новым руководством страны большую положительную роль сыграл советский посол в МНР Сергей Павлович Павлов.

Монголию посещали наши многочисленные делегации, в первую

очередь — по линии экономического сотрудничества. Уже во времена Горбачёва с визитом в Монголию прибыл министр иностранных дел Шеварднадзе. Он пожелал встретиться со мной, сославшись на рекомендации отдела ЦК КПСС. Министр проявил интерес ко многим вопросам, в том числе к кадровому в высшем руководстве страны. Затем затронул вопрос 39-й армии. Я из разговора и поставленных вопросов понял, что Шеварднадзе склонен к целесообразности вывода наших войск из МНР. Но я не был в то время в этом уверен, так как не слышал со стороны монголов, как от руководства, так и от министерства общественной безопасности, пожеланий о выводе нашей армии. Всё-таки Китай «нависал» над Монголией по огромному периметру южной границы. Как известно, армия была вскоре выведена. Армия бросила всё, толком не передав ничего Монголии ни на каких условиях — посёлки, дома и остатки имущества, коммуникации.

И уже очень скоро, после моего отъезда из страны, в период «перестройки» и развала Советского Союза, Россия практически оставила в Монголии значительно больше ценностей.

Я полюбил Монголию, её открытых и радушных людей и её незабываемые флору и фауну. Красота природных ландшафтов Монголии неповторима. Вспомните картины Рериха с пейзажами Монголии, с фантастическими голубыми горами. Эти горы, тонущие в дымке, на монгольском солнце действительно кажутся голубыми. Реки и озёра хрустально чисты и прозрачны. Промышленного загрязнения нет, плюс низкая плотность населения. Немалые просторы монгольской территории остаются не тронутыми цивилизацией.

Я любитель охоты, но с такой охотой, как в Монголии, другим местам, где я побывал, сравниться трудно и по разнообразию, и по количеству зверя и птицы. Я свято соблюдал правила и сезоны охоты. В первый год своего пребывания в Монголии я выезжал на охоту и на косулю, и на джейрана, и на горного козла, но последние два года охотился только на волка и птицу. Здесь большое разнообразие утки, есть несколько видов гуся, масса степной птицы, в том числе обладающей многими целебными качествами, как утверждают, гобийской куропатки. Монголы рассказывают, да и наши врачи подтверждают, что мясо гобийской куропатки, живущей прямо в пустыне Гоби, имеет исключительные свойства для заживления ран и при срастании костей при переломах.

Красная речка

В Монголии много природных заповедных мест. Но красоты Красной речки особенны.

От Улан-Батора едем прямо на запад. По асфальтовой дороге до Лувсомона чуть более сотни километров, а далее полями и, наконец, через сопки ещё 30 километров. Красная речка. Это долина, примыкающая к левому берегу крупной реки Толы. С одной стороны долины — сопки, с другой — небольшой горный хребет. Между ними — сама долина, длиной около 30 километров, и ширина её — 8—10 километров. Она полностью заболочена, по ней протекают три-четыре ручья, сливаясь в одну реку. Это и есть Красная речка, которая и впадает в Толу.

Поселений никаких в долине нет. Утиное царство. Здесь гнездится и местная утка. Но особенно нами ценится время, когда идёт пролёт утки весной на север и осенью на юг. Большие стаи здесь отдыхают, кормятся и ждут нужной для дальнейшего перелёта погоды. Удивительно то, что во время охоты попадаетсся много разновидностей утки. Это и наша любимая кряква, и серая утка, свиязь, и шилохвость, и чирки — чирок-свистунок и чирок-трескунок. Также нередко попадались и турпаны: турпан чёрный с белым и совершенно особый, оранжевый. В России я таких птиц никогда не видел. Я думаю, что это, возможно, огарь. Очень крупная утка ярко-оранжевого цвета с красной головой. Именно за оранжевый окрас этих уток в Монголии называют буддийскими монахами (у них оранжевая одежда). Эта птица до полутора килограммов весом, очень вкусная. По вкусовым качествам уступает только чиркам, мясо последних немного нежнее.

Приезжаем на охоту на Красную речку на двух, а часто на трёх УАЗиках. Моими партнёрами по охоте чаще всего бывали: главврач нашей (советской) поликлиники в МНР Лукин, заядлый охотник и прекрасный человек, и советник министра обороны МНР генерал-лейтенант Чернышов, такой же охотник, готовый ехать на охоту в любое время года и не спрашивая куда, зная меня и мои информационные возможности. Как у доктора, так и у генерала были свои машины с водителями, и это облегчало организацию поездки: быстрые сборы — и вперёд! Проехали Лувсамон, едем по степи, потом вверх, на высокую сопку. Наконец-то перевал. На нём останавливаемся. Перед нами спуск вниз к долине. Кругом бурая степь — осенью сухая выжженная трава, а внизу раскинулась огромная ярко-зеленая долина. Такой контраст красок — просто не верится. Болота, камыши и

заболоченные луга, кое-где поблёскивают маленькие озёрца. Беру бинокль и смотрю на них. В сильный бинокль на открытой воде видны крупные тёмные точки — это утки. Их много. Громко кричу: «Есть! Они здесь!» Это значит, что сидит там внизу не только местная утка, а большое количество перелётной утки. Мы все рады: ясно, что охота будет успешной. Спускаемся к долине и вдоль берегов, болота и речушек едем ещё километров пять к устью Красной речки, где она впадает в Толу. Это северный край долины. Мы останавливаемся в стороне от воды на холме. Здесь будет лагерь. Дует ветерок — наш помощник от комаров. Ставим палатки, разводим костёр. Начинают готовить обед. Охотники пойдут стрелять только на вечерней зоре, часов в пять-шесть вечера.

Я отправляюсь на машине вдоль болот на своё любимое место, высаживаюсь и вброд перехожу небольшую речушку, бреду прямо по болоту — неглубоко — в высоких сапогах можно пройти. Устраиваюсь в камышах, чтобы видеть всё вокруг. Это мелкое озерцо, метров 50 в ширину и метров 100 в длину, и вокруг него стена камыша. Утку можно стрелять только на таком открытом месте, тогда её можно легко подобрать. Если же сбитая утка падает в камыши, то очень сложно будет её найти, а иногда это попросту потеря трофея. Подранки же в камышах уходят наверняка. А пока ищешь убитую птицу, над тобой пролетает ещё с десяток уток. У меня с собой табуретка, к её ножкам прибита фанера, чтобы она не тонула в грязи. Я усаживаюсь на табурет, и только моя голова высовывается из камышей. Я, конечно же, в камуфляжной кепочке. Так что укрыт я хорошо, и утка не облетает меня — и это важное условие успеха. Несколько раз со мной ездил сын Андрей, ему тогда было ещё девять — десять лет. На охоте его одежда — химзащитный костюм, завязанный под мышками. Ружья у него нет, мал ещё, он работает «собакой» — утка упала, он бежит её подбирать или искать. Андрей ездил на Красную речку редко, так как он в субботу должен был быть в школе. Обычно на охотничьем месте он смотрел в одну сторону, а я, хотя и видел всё вокруг, в основном следил за другой стороной. Утки в этом месте летят низко, выскакивают из-за камыша мгновенно. Но вот Андрей говорит: «Летит». Вижу: на нас налетает крупный турпан, хорошо виден. Летит прямо на нас на высоте метров двадцать. Стреляю в штык — и турпан падает почти к нашим ногам. «Вот это по-нашему!», — кричит Андрей. Часам к десяти закругляемся. Уток набили. Патроны расстреляли, и машина за нами должна уже прийти. На берегу небольшой протоки сидим на сухом месте. Ждём нашего компаньона генерала. Он сегодня приехал на моё место, но ушёл куда-то в сторону, через камыши. Можно и поблудить, так как камыши высокие, и

ориентиры не видны — кругом стена. И вот появляется наш партнёр метрах в ста в стороне, нагружен: ружье, куча уток. Сам он роста небольшого. Он машет нам рукой и смело вброд идёт через ручей: один шаг, второй, и исчезает под водой, затем голова его появляется на поверхности, опять исчезает и вновь появляется. Он барахтается, как может. Мы бежим к нему и помогаем выбраться на берег. Генерал весь мокрый, охотничьи сапоги полны воды, ружьё держит, а связку уток упустил. Бросил её, когда тонул. Не может понять, что случилось. Он переходил ручей в другом месте, а здесь не заметил большой глубокой ямы. Сначала генерал огорчился, но вскоре мы уже все вместе смеялись — это было очень комично, как он бодро вошёл в ручей — и тут же ушёл под воду.

В другой раз рано утром меня отвозят на моё любимое место. И вот вдалеке уже вижу первых уток, моих ещё нет, но скоро будут — я в этом уверен. И действительно вскоре начался лёт. Стреляю. Подбираю дичь. Уже не горячусь. Шесть-семь уток — и хватит на всех — больше не нужно. Заканчиваю стрельбу и направляюсь к дороге. Наконец-то дошёл до последней протоки, перехожу через островок, он сухой, и усаживаюсь в ожидании машины. Ружьё рядом, заряжено на всякий случай, дробь — четвёртый номер.

Тепло. Яркое утреннее солнце. Утки в этом месте пролетают редко, да и я их уже не жду. Далеко в чистом небе появляется стая гусей — летят в моём направлении. Слежу. Четвёрка гусей летит прямо на меня. Тихонько пододвигаю ружье, спускаю предохранитель. Снижаются, вот уже летят совсем низко, метрах в двадцати над землёй. Я замер. Помню, что на охоте, особенно на гуся, шевелиться нельзя — вожак сразу заметит и отвернёт в сторону. Гусь хорошо видит всё впереди под углом примерно 45 градусов. После этого он может пролететь дальше над охотником и не заметить его, так как охотник будет уже вне поля зрения. Гуси летят цепью. Проходят надо мной под небольшим углом. Лучше не придумаешь! Стреляю. Сидя стрелять не очень удобно, но вставать нет времени. Попадаю — первый гусь падает вниз. Успеваю выцелить четвёртого в цепочке — бью — тоже летит камнем вниз и падает в десяти метрах от первого. Оба падают не в воду, а прямо на мой маленький островок. Оба убиты намертво. Во время охоты на гусей, когда они летят довольно высоко, часто бывают подранки, и, упав, подраненный гусь пытается убежать. Но здесь никто не бежал, хотя дробь для охоты на гуся мелковата, — обычно в таком случае используют дробь первого или второго номера. Но так как расстояние небольшое, моих выстрелов хватило с лихвой. Убитые гуси крупные, килограмма по три,

гуменник тёмного буро-дымчатого цвета, только лапы жёлто-оранжевые.

Особая охота в этих местах на дрофу. Дрофы небольшими стаями пасутся здесь между поймой, сухим подъёмом и сопками. Им, видимо, тоже подходят эти места для обитания. В жаркое время дрофам нужен водопой.

Как-то выезжаем на машине на дорогу после охоты на уток. Вижу в стороне — дрофы. Далеко. С ружьём на выстрел вряд ли можно подойти, но у нас есть карабин. Он завёрнут в одеяло, и мы его быстро достаём. Начинаю, пригнувшись, подбираться к дрофам. Одного крупного «дрофача» уже хорошо вижу. Между нами метров 150, ещё немного, и можно будет стрелять. Лёжа стрелять не могу — сухая, но высокая трава. Целюсь с колена, стреляю — должен попасть. Но вся стая и мой «дрофач» взмывают вверх и летят вдаль к сопкам. Увы! Возвращаюсь к машине, едем дальше в наш лагерь. Выехали на заросший травой просёлок и понеслись. И вдруг видим: прямо на дороге лежит большая птица — это мой «дрофач», ещё тёплый. Посмотрели — пуля попала прямо в сердце, но птица смогла пролететь ещё минимум метров 500. Красавец. Крупный самец с красивым пёстрым раскрасом по спине и почти белым бежевым пузом. У нашего самца на голове как бы усы с двух сторон, мужское украшение. Взвесили добычу — 12 кг. Мясо дрофы, хотя это дичина, белое и очень вкусное, плотное, даже грубоватое. Замороженный кусок дрофы возил в отпуск в Москву, чтобы угостить друзей.

Однажды при охоте на утку вечером задержался. Охотился осенью, темнеет быстро. Утка уже не летит, я решаю уходить, и вдруг сзади, т. е. от берега, налетает крупная птица — гусь? Стреляю влёт — падает прямо в воду. Неглубоко, и я иду к подбитой птице. Вижу, торчат большие лапы, совсем не гусиные, скорее лапы крупного петуха. Я огорчён, так как думаю, что убил цаплю. Цапля — птица не охотничья, и я никогда по ней не стреляю. И тут понимаю, что это дрофа. Чистая случайность.

Чудес при поездке на Красную речку бывает немало. Лучшее чудо — это лапша на костре в ведре с чирками. Чем больше чирков, тем вкуснее. Два-три, а то и четыре чирка. Это чудо повторить где бы то ни было невозможно. Только ради того, чтобы побывать два-три раза в году на охоте на Красной речке, можно надолго остаться в Монголии — уж очень это красиво.

Главной же моей охотой в эти годы была охота на волка. Волк в Монголии — «враг народа». Утверждают, что матёрый волк уничтожает до 25 овец в год, но особенно любит нападать на лошадей. На охоту на волка я ездил, как правило, с монгольскими охотниками-профессионалами. Знание

повадок волка в этой степной охоте очень важно. О волке в Монголии сложены целые легенды, и охота на «серого бандита» является почётной.

Расскажу только о двух эпизодах охоты на волка. Секретарь ЦК МНРП Балхажав пригласил нашего посла Павлова и меня посетить Восточный аймак. Посещение Восточного аймака помимо официальной части включало охоту на волков. Восточный аймак — это степной скотоводческий район с редким населением. Через необъятные степи и невысокие сопки этого района проходит ежегодная миграция тысячи стад азиатской антилопы — джейрана и дзейрана. Волку есть где развернуться. В Монголии степной волк крупный и производит впечатление могучего животного. Отдельные особи матёрых самцов достигают веса в 70, а то и 80 кг. Зверь бурого цвета, часто с рыжеватыми подпалинами на боках и животе. Окраска прямо под цвет пожухлой выгоревшей степной травы.

Наша база, две нарядные гостевые юрты, — прямо в открытой степи, в районе предполагаемой охоты. На рассвете мы выехали на трёх «уазиках»: на одном — посол, на втором — Балхажав, на третьем — я. Моим проводником был председатель аймачного совета. Настоящий охотник, знающий бескрайнюю степь, как свой дом родной. Водитель — ас. Он и должен быть асом, т. к. преследование волка проходит на большой скорости, при полном бездорожье. Любая хорошая рытвина или большой камень могут стать на такой охоте последними. Благо степь в основном довольно ровная, кроме района сопок, где могут быть камнепады, расщелины и промоины. Скоро машины потеряли друг друга из вида. Мы выехали на сопку, возвышающуюся над большим участком степи. Рассвело. Все, включая водителя, с биноклями в руках, разглядывали степь и ближайшие сопки. В это время года волки живут ещё на ограниченных площадях, не уходя далеко от мест, где у них имеется логово, хотя их ночной переход в поисках пищи нередко превышает 20–30 километров. Под утро волки возвращаются, как правило, к месту своей днёвки.

Другой типичный случай — это охота загоном. Важно выявление наличия волка, возможные направления его ухода и выбор мест для номеров, т. е. стрелков, находящихся в засаде. В этом непростом разговоре с природой особую роль играет прочтение следов зверя.

Задача обнаружения и выслеживания волка особенно хорошо может решаться по «белой тропе», т. е. по снегу. Охотники на волка в Монголии при осмотре следов зверя довольно точно определяют в первую очередь время, которое прошло с момента, когда прошёл волк. Для опытных охотников в прочтении следа всё имеет значение. Глубина и размер бороздки, которая остается позади следа, осыпь снега в следе и т. д. Все это

важно на фоне погодных условий, глубины и свежести снежного покрова.

На этот раз мы были на южной границе Центрального аймака, в двухстах километрах на юг от столицы. Стояла тихая морозная погода. Снег уплотненный, надувной наст. Волк по такому снегу идёт, не проваливаясь, даже крупный зверь легко проходит всюду, кроме мест, где есть заносы. След от когтей хорошо виден. И вот разведка проведена, следы прочитаны: зверь есть, хотя, кажется, где ему укрыться — кругом белое покрывало, как в степи, так и на невысоких сопках.

Меня ведёт проводник на номер. Место на вершине сопки, несколько метров ниже самой вершины в сторону загона, под ветер. До нижнего края сопки метров сто двадцать. А дальше — подъем следующей, более высокой сопки. Где-то есть ещё три стрелка, но я их не вижу: они на других сопках. Всё кругом бело, всё одинаково. Почему волк должен пойти в мою сторону? Перевалить через высокую сопку и выйти ко мне на выстрел? В таких сомнениях нахожусь в небольшой ямке, вырытой в снегу. Лежу на снегу. Правда, «упакован» надёжно. Хорошие валенки, меховые штаны, полушубок. На мне ещё белый халат и наволочка, завязанная на шапке. Деталь немаловажная, так как на таком белоснежном фоне любая одежда охотника выглядит черным пятном, и охотник может быть виден очень далеко. Лежу, не шевелясь, — это одно из условий нахождения в засаде на таком открытом месте. Скептически размышляю о том, что успех более чем сомнителен. Загон должен проходить пешком, долго, а мороз градусов 20–25. Хорошо, что нет ветра. Тихо, загонщиков не слышно. До них далеко и местность сильно пересечённая. И тут... Не верю своим глазам. С противоположной высокой сопки спускается волк. Его хорошо видно: крупный зверь. Идёт неспешно. Очевидно, загона пока не боится, а уходит от людей на всякий случай. Идёт вниз, прямо в мою сторону. И вот зверь уже внизу на разломе двух сопек и сейчас должен пойти наверх, прямо ко мне. Но тут он поворачивает влево и идет прямо по разлому. Ещё десять метров — и волк скроется за край моей сопки — тогда пиши пропало. Далековато, более ста метров. Но карабин с оптикой, пристрелян. Целюсь. У меня по времени в распоряжении только один выстрел, и волк уйдёт из поля зрения. Беру небольшую поправку на движение зверя. Целюсь ему по носу. Не дышу, стреляю! Волк замирает и падает прямо на месте. Жду, карабин, конечно, перезарядил. Но зверь не шевелится. Второй выстрел не нужен. Иду вниз. Появляется и мой проводник. Он был где-то недалеко, сзади. Осматриваем зверя. Пуля попала прямо в глаз. Конечно, это случайность, однако! Проводник высоко оценивает выстрел. Я тоже доволен. Вроде и не волновался, а помню все, как будто это было вчера.

Смотрим — матёрая волчица. Очень красивая. Охота происходит в феврале. Шкура самая лучшая: толстый пушистый мех. Подпушек такой густой, что буквально палец не воткнешь. Нежно-рыжего цвета уши. Светлые бока, также с местами нежного цвета светлого какао. Спина же тёмная. Шерсть чистая и блестящая. Одна из редких шкур, которую я сохранил и показываю до сих пор друзьям. Опыт и особое чутье моих проводников, вот что обеспечило успех сложной по организации охоты. А красавицу-волчицу и сейчас жалко.

Я проработал в Монголии пять лет. Отношения с новым руководством страны и с министром общественной безопасности сложились самые доброжелательные. Наше Представительство старалось укреплять отношения с МНР и помогать монгольскому народу. Замечаний со стороны Центра не было, и когда моя командировка завершилась, я получил от начальника разведки В. А. Крючкова положительную оценку моей работы.

В этом очерке описана лишь небольшая часть моих воспоминаний. Естественно, многое в работе разведчика остаётся секретным навсегда. Хотелось бы только подчеркнуть, что разведка играла и играет важную роль в жизни нашей страны. Для нас эта роль была очень выпуклой в годы холодной войны. Но совершенно очевидно, что значение разведки для нашей Родины сохранилось полностью и сейчас.

Я любил свою работу в разведке на любом месте и под любым прикрытием. И сейчас с почтением и любовью отношусь к нашей разведывательной корпорации. Для России хорошая внешняя разведка очень важна. Противников у нас меньше не стало.

Иллюстрации



Р. Зорге во время работы в Японии



Ким Филби



Дж. Блейк в России



Знаменитый Лонсдейл (Конон Трофимович Молодой)



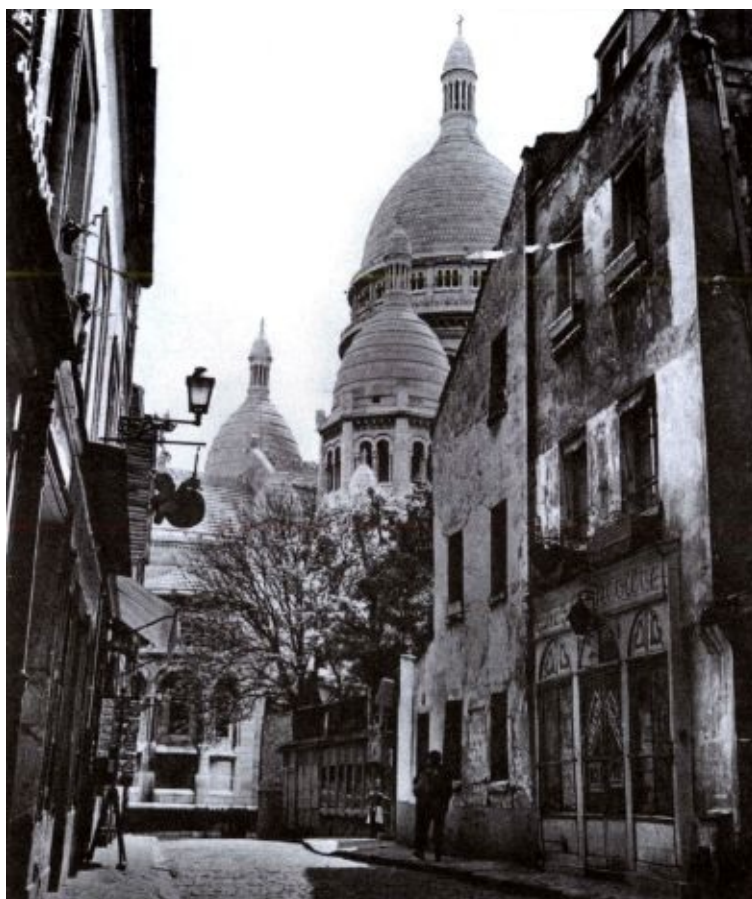
Блестящий нелегал полковник Р.И. Абель (Вильям Генрихович Фишер)



И.И. Агаянц



Вид на Женевское озеро



Место встречи в Париже



Здание ЮНЕСКО. Мои окна на третьем этаже



Здание СВР. Седьмое окно слева на пятом этаже — моя комната



Флаги перед зданием ООН в Нью-Йорке



С Зоей Мироновой. Представительство при ООН в Женеве. 1973 г.



С Александром Коротковым. Центральный аэродром. Перед отлетом в Женеву. 1955 г.



Могила Наполеона. Дом Инвалидов. Париж



Стена Реформации в Женеве



На встрече с руководителем службы кубинской разведки. 1978 г.



На яхте с кубинскими коллегами



Здание отделения ООН. Женева



В гостях у Патет-Ламы



Беседа с Цеденбалом. Посол в МНР Сергей Павлов



Министр Жамсранжав и космонавт Гуррагча



Министр общественной безопасности МНР Жамсранжав и мои коллеги на приеме



Возложение венка к памятнику Г.К. Жукову. Монголия



Генеральный секретарь МНРП Батмунх и посол в МНР С. Павлов в гостях у айрата



Сын Андрей. «Сам поймал тайменя». Монголия



Памятник Чингисхану в Монголии

ГРУППА СЕКРЕТНОСТИ СМЕРТ

Ценность любых мемуаров в том, что это рассказ из первых рук, свидетельство очевидца. Тем более интересен рассказ, если автор - кадровый разведчик - повествует о своей секретной и опасной профессии. Всеволод Кузьмич Радченко прошел большой жизненный путь от лейтенанта до генерал-майора, от оперуполномоченного до заместителя начальника Управления внешней контрразведки. А начинал он с учебы в знаменитой разведывательной школе № 101. Затем работал в резидентурах в Париже, Женеве, был руководителем представительства КГБ в Монголии. Книги и фильмы о разведчиках вызывают неизменный интерес. Герой же этой книги - реальный человек, наш современник. И его приключения не менее захватывающие и интригующие, чем любой сериал или шпионский детектив.